

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ЗНАНИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Выпуск 4

Сборник статей

ISBN 978-5-4217-0310-5

9 785421 703105

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр

41-71-07

Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Курганский государственный университет»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Выпуск 4

Сборник статей

Курган 2015

УДК 811.161.1'1 (082)
ББК 81
Ф 54

Филологические знания на современном этапе : сборник статей / отв. ред. И. А. Шушарина. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. – Вып. 4. – 180 с.

Печатается по решению методического совета Курганского государственного университета.

В сборник вошли статьи ученых из нескольких городов России, посвященные проблемам современного состояния филологических знаний. В статьях рассматриваются актуальные вопросы, связанные с изучением художественных и нехудожественных текстов, языка в синхронии и в диахронии, как один из основных объектов филологии рассматривается homo loquens, обращается внимание на прагматику языкового знания.

Издание адресовано филологам-преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем, кто интересуется современным состоянием филологии.

Редколлегия:

канд. филол. наук, доцент И.А. Шушарина (отв. ред.);

канд. филол. наук, доцент Е.Е. Иванова;

канд. филол. наук, доцент С.С. Кувалина.

ISBN 978-5-4217-0310-5

© Курганский
государственный
университет, 2015
© Авторы, 2015

ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИИ

СТИХИЯ ВОДЫ И КАМНЯ В ПЕТЕРБУРГСКОМ ТЕКСТЕ А. БЛОКА

Л. Н. Авдони́на*

Классические произведения русских писателей о Петербурге характеризуются определенной общностью, представляя собой единый текст, который называют петербургским. По мнению В.Н. Топорова [Топоров 1995:281], петербургский текст воспринимается как «природно-культурный синтез»: великий город становится местом, где реализуется двоевластие природы и культуры.

Вода и камень, как считает В. Н. Орлов, самая приметная черта города, возникшего на болотных топях [Орлов 1980:6]. Не случайно Петербург называют «русской Венецией». Морские и речные воды, а также покрытые камнем улицы и площади – реальные детали географического положения и быта северной столицы, неоднократно указанные в философской, социологической, культурологической и художественной литературе.

Цель данной статьи – определить роль стихии воды и камня в создании художественного образа Петербурга.

В поэзии А. Блока первого периода лексемы *вода* и *камень* имеют в основном прямое значение. Если упоминается река, то это, как правило, Нева или другие городские речки, если же речь идет о камне, то это камни петербургских улиц и площадей. Таким образом, вода и камень становятся фоном, на котором разворачивается лирический сюжет:

*Река несла по ветру льдины,
Была весна, и ветер выл.* [Блок I:64]

*Хожу по камням старых плит,
Душа опять полна терзаний...* [Блок I:96]

Петербург – морской порт, поэтому стихия воды является олицетворением вольнолюбия города, его силы неукротимой, но величественной и светлой:

*Внемлю голосу свободы,
Гулу утренней земли.*

* Авдони́на Лионо́ра Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Пензенского государственного университета.

Там – вдали – морские воды

Схоронили корабли.

[Блок I:159]

Петербургские наводнения – основа лирического содержания следующего поэтического текста А. Блока. Такие словесные образы, как *светлая лазурь*, *несказанный свет*, метафоры *река поет*, *кипит веселье*, становятся в поэзии А. Блока, как и в прозе, «символическим выражением вдохновенного порыва и творческого напряжения, вечной и неодолимой силы созидающего духа человечества» [Поцепня 1976:37]:

Мы живем в старинной келье

У разлива вод.

Здесь весной кипит веселье,

И река поет.

[Блок I:191]

Водное пространство связано с темой Вечной Женственности:

Ты ли это прозвучала

Над темнеющей рекой?

Или вправду отвечала

Мне на крик береговой?

[Блок I:140]

Прекрасная Дама, «певучая», Тайнственная Дева прошла по улицам города и берегом Невы, «растаяла в снегах», «**камни площадей и улиц освятила**» [Блок I:149].

«Каменность», как принадлежность к миру здешнему, проявляется и в описании земного дома-храма:

Там, в сводах – сумрак неизвестный,

*Здесь – холод **каменной** скамьи.*

Глубокий жар случайной встречи

Дохнул с церковной высоты

На эти дремлющие свечи...

[Блок I:182]

В качестве архетипа Петербурга В.В. Ванчугов называет камень: это «субстанция преимущественно пассивная, но в ней скрыта сила недр земли, она напоминает о прошедшей вулканической деятельности, не только преобразующей лик земли, но и несущей смерть» [Ванчугов 1997:72-73]. Таким образом, камень в петербургском тексте А. Блока символизирует вечную силу великого города, которая проявляется как в торжестве мистического добра и света, так и в инфернальной природе северной столицы.

В циклах 1906 и последующих годов камни города, противопоставленные высокой лазури, превращаются в нечто тяжелое, гнетущее, что выражается с помощью эпитетов: *серые камни* [I:420], *в камнях **булыжных*** [Блок II:46]. Печальное событие связывает плиты петербургских мостовых трагедией и болью:

*И в звоны стекол перебитых / Ворвался стон глухой,
И человек упал на плиты / С разбитой головой.* [Блок I:372]

В пространстве Петербурга как исторического города *водная бездна* становится одним из художественных образов, изображающих стихию народной жизни:

*И в небе сером холодные светлы / Одели Зимний дворец царя...
И латник в черном не даст ответа,
Пока не застигнет его заря. / Тогда, алея над водной бездной,
Пусть он угрюмей опустит меч...* [Блок I:374]

Водная стихия представлена лексемами *река, море, болото, озеро*, с помощью которых А. Блок не только изобразил Петербург, но и опозитивировал любимый город: «*А в переулках пахнет морем*» [Блок I:420], «*лохмотьями пены / Швырялись моря*» [Блок I:420], «*небо... упало в болото, – / Там краснела полоска зари*» [Блок I:436], «*Но для меня неразделимы / С тобой – ночь и мгла реки*» [Блок II:27].

Итак, стихия воды и камня, выраженная в поэтическом слове А. Блока, рисует особый город, поэтический и возвышенно прекрасный. По мнению З.Г. Минц, творения русских символистов, в том числе и А. Блока, «в значительной степени выступают как «тексты о текстах» – своеобразные художественные метатексты» [Минц 2004:105]. Метатексты о городе, как замечает В.Н. Топоров, соединяются с самим «объектным» текстом Петербурга, и это «средство» осуществляется через сочетание рационального, исторического, философского с иррациональным, художественным, интуитивно-мистическим [Топоров 1995:303].

Список использованной литературы

Блок, А.А. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1898 – 1906 / вступ. статья М. Дудина; сост. и примеч. Вл. Орлова. – Л. : Худож. лит., 1980. – 512 с.

Блок, А.А. Собрание сочинений: В 6-ти т.Т.2. Стихотворения и поэмы. 1907 – 1921 / сост. и примеч. Вл. Орлова. – Л. : Худож. лит., 1980. – 472 с.

Ванчугов, В.В. Москвософия & Петербургология. Философия города. – М. : РИЦ «ПИЛИГРИМ», 1997. – 224 с.

Минц, З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: В 3 кн. Кн. 3: Поэтика русского символизма. – СПб. : Искусство, 2004. – С. 100–144.

Орлов, В.Н. Поэт и город. Александр Блок и Петербург. – Л. : Лениздат, 1980. – 272 с.

Поцепня, Д. М. Проза А. Блока. Стилистические проблемы. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1976. – 135 с.

Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М. : Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.

К ПРОБЛЕМЕ СПЕЦИФИКИ НОРМИРОВАННОСТИ ТЕКСТОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII в.

М. С. Выхрыстюк*

В работах по истории русского литературного языка все активнее изучаются проблемы, связанные с теоретическим исследованием и осмыслением понятия языка. Языковеды пытаются найти ответы на вопрос, что могла представлять собой лексико-грамматическая норма в применении к национальному периоду русского языка и как она фиксировалась. Т.В. Картава считает, что, «несмотря на наличие обширной библиографии по исследуемой теме, следует констатировать, что в целом круг вопросов, связанных с проблемой нормы московского языка XVII в., представляется не до конца изученным, очевидно, из-за недостатка частных исследований, построенных на материале приказного языка» [Картава 1998: 32]. Это заключение в значительной мере относится и ко всему XVIII в. Попытаемся определить сущностные характеристики нормы русской деловой письменности XVIII в., которая представлена многочисленными текстами разных жанров, хранящимися в архивах. М.Л. Ремнева, автор книги «История русского литературного языка», считает, что в рассматриваемый период нормированными были уже и литературный язык (церковнославянский русской редакции), и деловой язык [Ремнева 2003: 29]. Суждение о том, что деловой язык XVIII в. обладал системой норм, не является общепризнанным. В книге Б.А. Ларина «Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII вв.)» это мнение принимается как исходное положение, не требующее доказательств [Ларин 1975: 227]. Л.Ф. Копосов в монографии, посвященной исследованию орфографии, фонетики, морфологии северорусской деловой письменности XVII–XVIII вв., считает, что лишь «...к середине XVI века складывается единая для Московского государства система делопроизводства, и именно в этот период орфографические нормы, сформировавшиеся в московских приказных учреждениях, получают распространение на всей русской территории». Он же обосновывает понятие местной (локальной) нормы, содержащей как обязательный компонент и общерусский вариант нормы [Копосов 2000: 10].

В силу ряда причин в науке представляется не до конца изученным круг вопросов, связанных с нормированием русской деловой письменности:

Во-первых, не всеми учеными признается правомерность употребления понятия *норма* применительно к русскому языку разных периодов. Так, Ф.П. Филин утверждал: «Норма как объективное явление неотделима от языка

* **Выхрыстюк Маргарита Степановна** – доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования Филлала ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» в г. Тобольске; старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН.

на любой стадии его развития, начиная с самых древнейших времен» [Филин 1981: 18-19]. Н.Н. Семенюк, автор статьи «Норма языковая» в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», также полагает, что в более широком понимании норма трактуется как «неотъемлемый атрибут языка на всех этапах его развития» [ЛЭС 1990: 337]. Данное утверждение находим и в работах В.В. Виноградова [Виноградов 1982: 44], А.А. Алексеева [Алексеев 1994: 34]. Другие исследователи пытаются вычленить определенные периоды в истории развития русского языка, когда правомерно употребление понятия *норма*. Так, М.В. Каравашкина, описывая язык произведений Зиновия Отенского, одного из крупнейших публицистов XVI в., создававшего свои произведения на церковнославянском языке, пишет, что «уместно было бы говорить о XVI в. как о переходном периоде от узуса к норме, как об этапе осознания узуса. Применительно к русскому литературному языку до XVII в. понятие *норма* является недопустимой модернизацией. Возможно употреблять лишь термин *узус – обычай* [Каравашкина 1995: 110]. Такого же мнения придерживается А.П. Майоров в последних своих трудах, анализируя памятники письменности Забайкалья [Майоров 2006].

Во-вторых, требует решения вопрос об определении специфики процессов становления нормы текстов деловой письменности XVIII в. Л.Ф. Копосов, наряду с общерусской нормой делового письма XVIII в., также выделяет местную (локальную) норму, отличительными особенностями которой были нестабильность, быстрое обновление состава варьирующихся элементов [Копосов 2000: 12]. Т.В. Кортава также считает: «Наряду с устойчивым и обязательным употреблением штампов, в орфографической практике московских приказов допускалось использование различных вариантных написаний как одинаково приемлемых. Это создавало возможность для контролируемого выбора писцом определенных форм в каждом конкретном случае» [Каравашкина 1999: 38]. Вариативность норм приказного языка объясняется отсутствием той организованности, которая свойственна современному русскому литературному языку и которая устанавливается в результате совершенствования делового стиля. В этом случае удобнее вести речь об узусе. В свое время на «диалектно-областные варианты письменно-деловой речи» указывали В.В. Виноградов [Виноградов 1982: 114] и С.И. Котков [Котков 1972: 136]. Эту мысль сегодня развивают Л.Ф. Копосов [Копосов 2000: 48], А.П. Майоров [Майоров 2006: 12, 87].

В-третьих, дискуссионен вопрос об определении текстовой нормы как иерархической структуры норм. В рамках документа необходимо различать группы нормообразующих единиц, которые закреплялись прежде всего на

уровне формуляра (субтекстовой структуры). Усвоение норм составления делового текста того или иного жанра требовало от писцов сформированных навыков, тем более что исполнители документа часто не переписывали текст, а моделировали его по памяти. Другими словами, можно рассматривать текстовые нормы как иерархическую структуру норм, где каждый вышестоящий уровень включает в себя строевые «единицы» предыдущего уровня.

В-четвертых, требует в науке рассмотрения вопрос о понятиях *норма* и *кодификация*. Не всеми исследователями четко определяется различие между нормой и кодификацией. Большинство из них, как правило, ограничивается констатацией факта, что кодификации деловой письменности старорусского периода не было. «Функцию кодификации выполняли зачастую образцовые литературные произведения, в которых была реализована современная им литературная норма. Они и стали основой позднейшей кодификации» [Едличка 1976: 19]. Положения работ А. Едлички получили развитие в статье А. А. Алексеева «Пути стабилизации языковой нормы в России XI–XVIII вв.» [Алексеев 1994], в которой автор утверждает, что «очевидной стабильностью норм обладают тексты, созданные в ту эпоху, когда не существовало кодификации современного типа»: исследователь пытается определить тексты, которые служили образцом, а также заявляет, что «отсутствие кодификации современного типа способствовало колебанию нормы в широких пределах. К этому же приводило рукописное копирование» [Алексеев 1994: 34]. Создавая документы, писцы ориентировались на определенные образцы деловых текстов прежде всего центра (Сената и Синода). XVIII в. – время, когда делопроизводство было весьма развито и представлено многообразием жанров деловых текстов. Это было время становления официальной кодификации, т. е. кодификации, закрепленной в документах, актах, исходящих от власти, а именно в образцовых текстах.

Таким образом, в XVIII в. официальные кодификационные тексты определяют функционирование норм деловой письменности.

Требует отдельного рассмотрения вопрос о функционировании нормы делового текста, ее часто называют узуальной, то есть сопоставляются и даже сливаются, смешиваются два противопоставленных друг другу понятия: *норма* и *узус* [Копосов 2000: 12]. Писцы, не имея кодифицированных источников, в оформлении формулярных составляющих текста разных жанров пытались следовать определенным языковым традициям, тем самым закрепляли общепринятое как нормированное.

В-пятых, требует углубленного анализа проблема грамматической *вариативности* (*варьирования*). Некоторые исследователи сочетают описание

норм деловой письменности с описанием вариативности. «Варьирование, – считает Т.В. Картава, – это объективное и неизбежное следствие языковой эволюции. Вариативность как свойство языковой системы не исключает обязательности и не противопоставлена норме. Вне проблемы вариативности не существует проблемы нормы» [Картава 1998: 37]. Лексико-грамматическое варьирование – необходимое условие эволюции языка, отражающее становление норм употребления текстовых единиц, начавшуюся кодификацию этих текстов. Процесс отбора текстовых единиц в XVIII в. не предельно и ориентирован на закрепление их в письменной речи как нормированных.

Таким образом, результаты осмысления проблем специфики процессов становления лексико-грамматической нормированности исторических текстов русской деловой письменности сводятся к следующему: теоретические материалы по проблемам нормы деловой речи, а также анализ рукописных текстов г. Тобольска конца XVIII вв. позволяет говорить о наличии общерусской нормы делового текста и местной (локальной) нормы, или об общерусском и местном узусе. Норма закреплена в правилах употребления, узус – это традиция употребления. При этом местный узус часто соответствует общерусской норме предшествующего периода.

Список использованной литературы

Алексеев, А.А. Пути стабилизации языковой нормы в России XI–XVIII вв. // Вопросы языкознания. – М. – 1994. – № 2. – С. 21–24.

Виноградов, В.В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XVIII вв. // Избранные труды. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – С. 38–46.

Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – М. Высшая школа, 1982. – 312 с.

Едличка, А. Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. – М., 1976. – 200 с.

Каравашкина, М.В. Понятия и их применение к русскому литературному языку до XVII века // Филологические науки. – М., 1999. – № 6. – С. 18–25.

Копосов, Л.Ф. Северорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). – М.: Изд-во Моск. пед. ун-та, 2000. – 287 с.

Картава, Т.В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 110 с.

Котков, С.И. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века / С.И. Котков, Н.П. Панкратова. – М.: Наука, 1972. – 318 с.

Ларин, Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII веков). – М.: Высшая школа, 1975.

Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 684 с.

Майоров, А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII. – М.: ООО «Издательский центр “Азбуковник”», 2006. – 263 с.

Ремнева, М.Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. : учеб. пособие по курсу «История русского литературного языка». – М.: МГУ, 2003. – 336 с.

Фишин, Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 328 с.

ПЕРЕВОДЫ РАССКАЗОВ В. М. ШУКШИНА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ТРАНСЛЯТОРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Е.В. Демидова*

Задача данной статьи – представить англоязычные переводы рассказов В.М. Шукшина как трансляторы национальной, русской, и региональной, алтайской, лингвокультуры.

Переводы художественных произведений являются одним из важных источников получения сведений о языке и культуре других народов. По словам В.А. Масловой, тексты «как раз и являются подлинными хранителями культуры. Приобщение человека к культуре происходит путем присвоения им «чужих» текстов. Будучи ничтожно малым элементом мира, текст (книга) вбирает в себя мир, становится всем миром, замещает собой весь мир для читающего» [Маслова 2004: 35].

Ежегодно в Барнауле проводятся научно-практические конференции по творчеству В.М. Шукшина и кинофестивали в Краевом театре драмы, который носит имя алтайского писателя, актера и режиссера. Именно в Барнауле у памятника В.М. Шукшину на одноименной улице ежегодно стартуют малые шукшинские чтения, на которых собираются известные российские писатели, поэты, актеры и просто почитатели таланта Шукшина.

Такая значимость личности В.М. Шукшина для Барнаула и Алтайского края в целом породила номинацию «бренд» города и края. Тот факт, что Шукшин является брендом края и его столицы, то есть вносит вклад в его развитие и процветание, подтверждают слова губернатора А.Б. Карлина на пресс-конференции в Сростках в дни празднования 76-летия со дня рождения Шукшина, что такие мероприятия оказывают «чрезвычайно позитивное влияние на всю атмосферу в крае». Восприятие барнаульским и алтайским народом В.М. Шукшина как писателя, рассказывающего о русских «чудиках», мы объясняем близостью шукшинского «чудика» сегодняшнему народному сознанию, плохо

* Демидова Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков экономического и юридического профилей Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

ориентирующемуся в мире, меняющемся с бешеной скоростью. В приобщении народных масс и, в первую очередь, земляков к шукшинскому наследию мы видим главную задачу шукшиноведа.

В.М. Шукшин близок и понятен алтайскому народу благодаря региональной специфике его прозы. Шукшин – выразитель национальной и региональной культуры русского народа с ее обычаями, традициями и «чудо-языком». Региональный компонент его творчества часто становится предметом изучения наших исследователей. По мнению докт. филол. наук, профессора АлтГУ С.М. Козловой, «о регионализме Шукшина можно говорить как о художественной системе, моделирующей мир» [Козлова 1994: 18]. В своей прозе В.М. Шукшин строит региональную концепцию национального возрождения, при этом вектор его прозы «направлен не к концу русского света, а к его новому началу» [Козлова 1994: 19].

Однако, помимо регионального пространства алтайской деревни, в творчестве Шукшина ощущается выход в общечеловеческое пространство (макрокосмос). Поэтому Шукшин близок не только российскому, но и зарубежному читателю. Интерес к творчеству Шукшина подтверждается переводом его произведений на 50 языков мира. В ГМИЛИКе (г. Барнаул) хранится около двух десятков иностранных переводов шукшинских текстов. Именно переводчики были первыми исследователями прозы Шукшина, так как они составляли комментарии к переводным сборникам.

«Передача контрабанды» – одно из старых значений английского слова «перевод» (translation). Функцию переводчика действительно можно сравнить с функцией контрабандиста – перевезти товар через границу. Только в данном случае в роли иностранного товара выступает иностранная культура, которая, благодаря переводу, становится знакомой другой культуре. То есть, перевод текста можно считать «оплодотворением» культуры, на язык которой осуществлен перевод, новыми ценностями языка-оригинала. В этой связи огромная роль Шукшина в «узнавании» Алтайского края за рубежом является очевидной. Как указывает Н. И. Стопченко, «обращаясь к Шукшину, Запад и Восток по традиции откликались на Россию, в художнике прежде всего искали нацию, ее менталитет и культуру, породившую феноменальный талант». Переводы шукшинской прозы – это проводники русской культуры в целом и региональной, алтайской, в частности [Стопченко 2001: 9].

В качестве материала для исследования выступает рассказ В.М. Шукшина «Волки» и два его англоязычных перевода: британский и американский. Первый был сделан Р. Даглишем и опубликован в сборнике «I want to live» («Охота жить») 1978г. [Shukshin 1976]. Именно с этого сборника началось знакомство

англоязычных читателей с шукшинскими произведениями. Второй, американский, был сделан супругами Д. Гивенсом и Л. Майкл и опубликован в сборнике «Stories from a Siberian Village» («Рассказы из сибирской деревни») 1996г.[Shukshin 1996]. Американский переводчик и литературовед Д. Гивенс в 1991–1992гг. проходил стажировку в Барнауле, в АлтГУ. Здесь он познакомился с барнаульскими шукшиноведами, вел собственную научно-исследовательскую деятельность. Результатом работы стала магистерская диссертация «Prodigal Son: Vasili Shukshin in Soviet Russian culture» (Illinois, 2000) и названный сборник, который включает 31 рассказ и является на сегодняшний день самым полным сборником переводов на английском языке. Д. Гивенс указывает на «национальную специфику прозы Шукшина (язык, местный колорит, «индивидуальная манера»)» [Гивенс 1994]. Основой идиостиля Шукшина является разговорно-обиходный язык. Идиостиль включает также большое число просторечий и диалектизмов, которые характерны для русских и алтайских говоров. Как показал анализ материала, переводчики в основном учитывали эти особенности стиля Шукшина, включая региональный компонент. Поэтому в переводе рассказа «Волки» много лексем и словосочетаний, имеющих пометы: «разг.» и «сленг». Например:

папаня	<ul style="list-style-type: none"> брит. dad – разг. (досл. «папа») амер. daddy - разг. (досл. «папаша»)
налить шары	<ul style="list-style-type: none"> амер. get loaded – разг. (досл. «напиться, нализаться») брит. to booze up – разг. (досл. «напиться, пьянствовать»)
принял малость	<ul style="list-style-type: none"> брит. took a drop – разг. (досл. «взял каплю») амер. took a slug - разг., сленг. (досл. «взял глоток спиртного»)
выложился	<ul style="list-style-type: none"> брит. made an effort (досл. «сделал усилие») амер. knocked yourself out – разг. (досл. «нокаутировался»)

В слове, помимо других функций, может реализовываться и «национально-культурная функция, дающая представление об элементах культуры, истории, быта народа» [Мед 1996: 193]. Слова с национально-культурной спецификой в шукшинском рассказе это: изба, мужик, папаня, водка, взять в мах и др. При передаче данных лексем американский переводчик сохраняет русскую национальную специфику слов, используя транслитерацию, в то время как британский чаще подбирает эквиваленты.

изба	 брит. cottage house (досл. «лом») амер. izba
мужик	 брит. fellow (досл. «парень») амер. muzhik
водка	 брит. vodka амер. vodka

Интересны наблюдения в области бранной лексики. При переводе русских бранных слов шукшинского текста американцы и британцы используют свои языковые ресурсы. Анализ показал, что самый частотный компонент в американском переводе – «bastard» («ублюдок»), в британском – «swine» («свинья», «грязное животное»). Эти и многие другие различия, обнаруженные в двух англоязычных переводах, могут быть объяснены в свете теории национального варианта языка, разработанной академиком Г. В. Степановым. Английский язык в США и Великобритании – это два национальных варианта языка (американский английский и британский английский). В свете данной теории англоязычные переводы рассказа В. М. Шукшина «Волки» – это восприятие текста-оригинала двумя разными нациями. Сопоставительный анализ переводов показал, что американский перевод является более адекватным, что объясняется следующими факторами: знакомством переводчика Д. Гивенса с алтайским бытом и особенностями регионального языка и культуры, а также дифференциальными признаками американского английского с его «разговорной ориентацией» и общими тенденциями к упрощению.

Таким образом, переводы произведений В. М. Шукшина, с одной стороны, выступают в качестве трансляторов русской национальной и региональной культуры, а с другой – служат материалом для изучения национальной нормы языка-перевода.

Список использованной литературы

- Гивенс, Д. Творчество В.М. Шукшина в Соединенных штатах Америки (проблема восприятия) // Творчество В.М. Шукшина: Поэтика. Стиль. Язык. – Барнаул, 1994.
- Козлова, С.М. Поэтика рассказов В.М. Шукшина / С.М. Козлова. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1992. – 184 с.
- Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие. – М., 2004.
- Мед, Н.Г. Национально-культурная специфика культурных номинаций (на материале испанского языка Кубы) / Н. Г. Мед // Актуальные проблемы иберо романистики. – СПб., 1996. – С 129-136.
- Стопченко, Н.И. Василий Шукшин в зарубежной культуре. – Ростов-на-Дону, 2001.
- Shukshin, V. I Want to Live: Short Stories. – М., 1973; 1978, 2.- изд.
- Shukshin, V. Stories from a Siberian Village. De Kalb, Illinois, 1996.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ

В. НАБОКОВА «РОССИЯ»

С.С. Кувалина*

В. Набоков, находясь в Крыму, незадолго до прощания с Россией (уехал 2(15) апреля 1919 года) написал стихотворение «Россия» (5 марта 1919 г.), ставшее, на наш взгляд, программным в его творчестве и определившее, что значит для него родина, Россия. Тема родины, тоски по ней – сквозная для поэта: «Русь» (1920), «Родина» (1921), «Моя весна» (1921), «Беженцы» (1921), «Знаешь веру мою?» (1921), «России» (1921?), «Россия» (1922), «Родине» (31 марта 1923), «К родине» (1924), «Родина» (1927), «К России» (1928), «Благодарю тебя, отчизна» (из романа «Дар»), «К России» (1939, Париж).

Как ни назовут его родину «рабой ли, наемницей, иль просто безумной?», для В.В. Набокова она – «цель и подножие»: ведь подножие – «1. основание чего-л. возвышающегося; 2. то же, что пьедестал» [МАС: 201].

Единение поэта и родины прослеживается в широком употреблении местоимений «я» и «ты»: **я, мне, моей** зафиксировано 10 раз, словоупотребление форм «ты», «твой» - 16: «**Ты** в страсти моей...

... Таинственно создан «я» из блеска и дымки твоих облаков... Я слышу твой реюющий зов. В русском речевом общении к одному лицу «ты – близкое». Кроме того, Н.И. Формановская отмечает употребление «ты» вне диалога при мнимом адресате, который не способен ответить. Такова адресация при риторических обращениях» [Формановская 2009: 53].

Усилительно-выделительная функция создается и анафорическим синтаксическим параллелизмом:

Ты в страсти моей и в страданьях торжественных...

Ты осень водила...

Ты в душных церквах повторяла...

Ты летом за нивой звенела зарницами ...

Ты ночью склонялась ...

Россию поэт сравнивает с цветком:

В полях озаренных, холодных и девственных, цветком голубым ты цвела

В.А. Морар [Морар 2009: 24] подчеркивает, что для В. Набокова Россия – путеводная звезда:

Ты светишь... Взгляну – и мне счастье вспомнится.

Да, эти лучи не зайдут <...>

И мне ли плутать в этот век бездорожия?

* Кувалина Светлана Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

Мне светишь по-прежнему ты.

Поэт, используя олицетворение, наделяет родину свойствами живого человека: весной целовала ресницы мои.

Ты в душных церквах повторяла за дьяконом слепые слова ектеньи...

в день зимний я в иное видел твой лик.

Ты ночью склонялась со мной над страницами

властительных, песенных книг.

Для В.В. Набокова Россия – это все:

Ты в сердце, Россия. Ты – цель и подножие.

Ты – в ропоте крови, в смятенье мечты.

И мне ли плутать в этот век бездорожия?

Мне светишь по-прежнему ты.

Список использованной литературы

Набоков, В. Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1991. – 574с.

Морар, В.А. «Ключевое понятие Родины...» Поэзия Владимира Владимировича Набокова. XI класс // Литература в школе. – 2009. – № 4. – 21 – 25с.

Формановская, Н.И. Речевой этикет в русском общении. – М.: ВК, 2009. – 334с.

Словарь русского языка: В 4 т. / Ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1986. (МАС)

ПРОСТРАНСТВО ДОМА В 1812 ГОДУ: СОВЕТ В ФИЛЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»)

Ланская О.В.*

Пространство дома – одна из основных категорий в русском сознании. С домом связаны представления человека о детстве и юности, близких людях, семье. Дом формирует сознание человека, его характер, представление о мире. Это пространство, в котором очень часто решаются основные вопросы бытия, связанные не только с жизнью отдельного человека, но всей страны.

В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» есть эпизод (глава IV, том третий, часть третья), в котором описано событие, оказавшее влияние на всю историю России – совет в Филях во время Отечественной войны 1812 года. Совет этот проходит в крестьянской избе, что символично: «В просторной, лучшей избе мужика Андрея Савостьянова в два часа собрался совет» [Толстой: 284]. Во время совещания в одном доме оказались люди разных сословий: «*Мужики, бабы и дети* мужицкой большой семьи теснились в черной избе через сени» [Толстой: 284]; «Малаша робко и радостно смотрела с печи на лица, мундиры и кресты *генералов*» [Толстой: 285].

* Ланская Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, учитель русского языка МОУ СОШ № 14 г. Липецка.

В лексико-тематическую группу «дом» входят номинации *сени, печь*, словосочетания *просторная, лучшая изба, черная изба, большая изба, красный угол*, а также слова, фиксирующие границу жилища. Это *окно, дверь, занавеска*: «Адъютант Кайсаров хотел было отдернуть *занавеску на окне* против Кутузова» [Толстой: 285]; «Малаша <...> *шмыгнула в дверь*» [Толстой: 288].

Структурируют пространство и вещи. Вследствие этого в лексико-тематическую группу «дом» входят слова *полати* (в значении «помость» [Даль 2006: III: 250]), *стол, кресло, лавка*: «*На лавку* сели пришедшие»; «Он (Кутузов. – О.Л.) сидел, глубоко опустившись в складное *кресло*» [Толстой: 285]; «Только когда в избу вошел Бенигсен, Кутузов выдвинулся из своего угла и *подвинулся к столу*»; «Он (Кутузов. – О.Л.) откатнулся назад на спинку *кресла*» [Толстой: 286]; «Малаша <...> спустилась задом *с полатей*» [Толстой: 288].

По-особому структурируется пространство в тексте с помощью местонахождения героев. Точкой отсчета в данной ситуации является позиция наблюдателя. Совет в Филях представлен в восприятии крестьянской девочки Малаши, крестьянского ребенка, который чувствует правду происходящего, воспринимает все с предельной искренностью. Это особая степень отстраненности, которая дает возможность увидеть окружающий мир по-новому. Важно то, что девочка наблюдает за происходящим с печи. Это фиксирует особый взгляд на мир, выстраивается вертикаль: «сверху – вниз», – когда можно увидеть одновременно все, что происходит в комнате.

Как известно, печь – это «наиболее мифологизированный и символически значимый предмет обихода. Печь играет особую символическую роль во внутреннем пространстве дома, совмещая в себе черты и центра и границы» [Топорков 2002: 364]. Исследователь А.Л. Топорков указывает, что печь противопоставлена красному углу и «воплощает сакральность иного типа» [Топорков 2002: 364], то есть речь идет о том, что печь связана с представлениями о рождении человека, его жизни и смерти. В красном же углу «человек как бы предстает перед лицом Бога» [Топорков 2002: 364]. При этом угол, «фактически образуемый за счет пересечения брусьев (бревен и др.), воспринимается как крест» [Агапкина 2002: 472]. То есть слово угол, обозначающее место, в котором сидел Кутузов, через слова печь и крест восходит к смыслам «жизнь» и «смерть».

Пространство избы восходит к ряду противопоставлений: «Кутузов (вначале в темном углу за печкой) – Ермолов, Кайсаров, Толь (на лавке около стола); Барклай де Толли (под образами), Уваров (рядом с ним), Дохторов, граф Остерман-Толстой, Раевский, Коновницын» (с другой стороны)), а также «все – Бенигсен», «Барклай де Толли – Бенигсен» и «Кутузов – Бенигсен».

Центр избы зафиксирован в тексте также и с помощью слова *стол*. При этом определения подчеркивают, что стол был *мужицкий, еловый*: «Вокруг мужицкого елового стола, на котором лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось так много народа, что денщики принесли еще лавку и поставили у стола» [Толстой: 285].

В избе фиксируется вначале два центра: печь и стол. Два центра зафиксировано потому, что Кутузов перед советом сидел особо, за печкой, а все остальные расположились около стола, что подчеркивает, что у лиц, участвующих в совете, разные точки зрения на происходящее и что общее решение еще не принято.

Пространство избы, где должен был состояться совет, конфликтно, что отражено через фиксирование времени, так как с документальной четкостью указано, что совет собрался в два часа. Затем с помощью словосочетания *ждали от четырех до шести часов* отмечается время, проведенное в ожидании Бениксена, который в это время «доканчивал свой вкусный обед под предлогом нового осмотра позиции» [Толстой: 285]. В связи с этим словосочетание *ждали от четырех до шести часов* приобретает семы 'ложь', 'отсутствие уважения к людям', 'отношение к порученному делу', 'безнравственное поведение'.

При появлении Бениксена Кутузов изменяет свое положение в пространстве, скрывает свое лицо в тени, чтобы не было видно тех чувств, которые он испытывал по отношению к этому человеку, а также той реакции, которая может возникнуть на слова Бениксена: «Только когда в избу вошел Бениксен, Кутузов выдвинулся из своего угла и подвинулся к столу, но настолько, что лицо его не было освещено поданными на стол свечами» [Толстой: 286].

Бениксен начал совет с вопроса: «Оставить ли без боя священную и древнюю столицу России или защищать ее?» [Толстой: 286]. Этот же вопрос, но уже по-другому, предельно искренно формулирует Кутузов, определяя тем самым суть происходящего. В самом вопросе главнокомандующего заложен уже ответ, который не подлежит сомнению: «Спасение России в армии. Выгоднее ли рисковать потерей армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву без сражения?» [Толстой: 286]. Для Бениксена решение о сдаче Москвы – игра, для Кутузова – вопрос жизни и смерти, спасения Отечества.

Как ключевые в тексте воспринимаются слова *Москва* и *армия*. Слово же *армия*, которое имеет синоним *войско*, связано со словосочетаниями с семами 'передвижение', 'направление': «Допуская мнение Барклая и других о невозможности принять оборонительное сражение под Филями, он (Бениксен. – О.Л.), проникнувшись русским патриотизмом и любовью к Москве, предлагал *перевести* войска в ночи с правого на левый фланг и *ударить* на другой день на

правое крыло французов» [Толстой: 286]; *«Передвижения войск в близком расстоянии от неприятеля всегда бывают опасны»; «Да вот хоть бы Фридландское сражение <...> было... не вполне удачно только оттого, что войска наши перестроились в слишком близком расстоянии от неприятеля...»* [Толстой: 287].

Кутузов проявляет себя во время совета в Филях так, словно перед нами не один человек, а разные люди. Фельдмаршал приехал на совет раньше других. Он пил чай в избе, в которой потом проходил совет, приласкал крестьянскую девочку, угостил ее сахаром. На первый взгляд ничего особенного не происходит, но обращает на себя внимание то, что в трудный момент Кутузов нашел время, чтобы обратить внимание на ребенка; запоминается его поза, то, как он сидел в кресле, его физическое и духовное состояние. Кутузову было очень тяжело, что зафиксировано словосочетаниями с семами 'трудно дышать', 'не хватает воздуха', 'что-то мешает', 'нездоровится', 'скрытое сильное переживание': «Он (Кутузов. – О.Л.) сидел, *глубоко опустившись в складное кресло*, и беспрестанно *покрхтывая* и *поправляя воротник сюртука*, который, хотя и расстегнутый, все как будто *жал его шею»* [Толстой: 285]. Когда Бенигсен поставил вопрос о защите Москвы, используя слова – символы *священная, древняя, столица, Россия*, Кутузов сразу понял смысл происходящего, что зафиксировано в синтаксических единицах *в тишине слышалось сердитое кряхтенье и покашливанье Кутузова; лицо его сморщилось: он точно собрался плакать* [Толстой: 286].

Настроение Бенигсена и Кутузова зафиксировано и в слове *злились* с семами 'несправедливость', 'фальшивый', 'ложь' [Фасмер: IV: 99]: «Она (Малаша. – О.Л.) видела, что они *злились*, когда говорили друг с другом, и в душе своей она держала сторону дедушки» [Толстой: 287].

Отношение крестьянской девочки к спорящим, ее восприятие правды, нравственного закона зафиксированы в тексте через противопоставление «длиннополый – дедушка»: «Ей казалось, что дело было только в личной борьбе между "дедушкой" и "длиннополым", как она называла Бениксена» [Толстой: 287]. Слово *дедушка* обозначает в данном случае не только старого, но и родного, близкого для ребенка человека – защитника, которому можно безоговорочно доверять. Слово же *длиннополый* имеет семы 'одежда', 'сюртук', 'длина', 'пространство'. При этом лексема *полá (долгополый)*, по М. Фасмеру, обозначает «кусочек ткани, занавес», имеет семы 'сторона', 'половина' [Фасмер: III: 306], то есть слово *длиннополый* в сознании ребенка ассоциируется с чем-то неприятным, безликим, лишенным человеческих черт.

Завершается совет только тогда, когда говорить было уже не о чем. Последнее слово на совете Кутузов произносит около стола: «И, медленно приподнявшись, он подошел к столу. – Господа <...> я (он остановился) властью, врученной мне моим государем и отечеством, я – приказываю отступление» [Толстой: 287]. У стола же Кутузов размышляет до глубокой ночи о том, кто виноват в том, что приходится оставлять Москву, и здесь же он с уверенностью говорит о гибели французского нашествия.

Итак, языковое воплощение пространства дома фиксируется в эпизоде «Совет в Филях» с помощью ключевых слов *изба, стол, угол, печь, дедушка, длиннополый*, которые по-особому характеризуют пространство крестьянского жилища во время одного из важнейших эпизодов Отечественной войны 1812 г. – совещания, на котором решался вопрос о сдаче Москвы, древней столицы России, неприятельской армии, вопрос о будущем Отечества.

Список использованной литературы

Агапкина, Т.А. Угол // Славянская мифология: энциклопедический словарь. – М.: Международные отношения. – С. 471 – 472.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.

Толстой, Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. V / Л.Н. Толстой. – М.: Художественная литература, 1980.

Топорков, А.Л. Печь // Славянская мифология: энциклопедический словарь. – М.: Международные отношения. – С. 364 – 365.

Шанский, Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителей / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская; под ред. С.Г. Бархударова. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1975. – 542 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – 4-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004.

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Е.О. Матвеева*

С начала нынешнего столетия усиливается интерес научного сообщества к проблемам социолингвистики. Актуализация и активное использование лексики, считавшейся в советский период отечественной истории устаревшей, появление новых языков для специальных целей, связанное с развитием общественных коммуникаций, коммерции, интернета, интегрирование в русский язык иностранных (в первую очередь, англоязычных) заимствований – все это

* Матвеева Елена Олеговна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Московского государственного института культуры.

способствует усилению социокультурного аспекта в работах отечественных исследователей языка. Весомая доля монографий и статей, посвященных проблемам социолингвистики, отражает современные тенденции развития средств массовой информации и рекламы.

В.Д. Бондалетов еще в конце 80-х годов прошлого века говорил о неизбежном расширении проблемного поля социолингвистики, куда включаются языки, обеспечивающие медиа коммуникацию. В частности, он утверждал: «Социолингвисты в силу коммуникативно-деятельностного истолкования языка и всех видов его проявления начинают усиливать функционально-социальный план исследований по истории литературных языков, стилистике, культуре речи, лингвистике текста, терминологии, ономастике. В поле зрения попадают новые объекты, такие, как функционирование массовой коммуникации (язык газеты, радио, кино, телевидения)» [Бондалетов 1987: 352].

Сегодня все чаще в центре внимания исследователей оказываются разнообразные медиатексты, к ним относят журналистские материалы, информационную аналитику, публицистику, рекламные послания, на которых необходимо остановиться особо.

В течение довольно длительного исторического периода рекламные тексты оставались на периферии научных интересов российских лингвистов, поскольку в советское время реклама как социальный институт фактически не развивалась. Всем нам, безусловно, памятли инфинитивные конструкции «Летайте самолетами "Аэрофлота"», «Отдыхайте в здравницах Крыма», «Храните деньги в сберегательной кассе», однако шаблонность, однотипность, банальность подобных сообщений не создавали научных предпосылок для исследования языка рекламы. На рубеже минувшего и нынешнего столетий ситуация резко изменилась: возвращение к рыночной экономике, конкуренция во всех сегментах рынка приводят к возрождению рекламы, развитию ее лингвистических моделей и усилению влияния рекламных текстов на формирование языковой личности и языковую культуру общества.

Лингвостилистические особенности рекламных посланий два последних десятилетия рассматриваются в нашей стране в рамках концепции медиатекста, значительный вклад в развитие которой внесли Т.Г. Добросклонская, Ю.В. Рождественский, Г.Я. Солганик, С.И. Трескова, А.Н. Васильева. В наиболее развернутом виде концепция медиатекста была обоснована в трудах академика В.Г. Костомарова, предложившего анализировать медиатексты, обращаясь к их конструктивно-стилевому вектору. В частности, исследователь пишет: «Конструктивно-стилевой вектор можно определить как обязательную сегментацию знакового продукта на некие усредненные информемы в их повторяю-

щемся применении и одновременно его разбивку на контрастирующие сегменты – эмоционально действующие экспрессивные семы.

На другой ступени порождения текста эти чередования сегментов организуются в блоки, из которых, как из кубиков в детской игре, монтируется весь текст. При воплощении своего культурно-стилевого вектора эти тексты пользуются без каких-либо ограничений любыми ресурсами языка и неязыковыми возможностями... Прежде всего разнообразятся, быстро штампуются от повторения экспрессымы, их поиск вообще более трудный, чем выбор стандартов, он устремляется в царство звука и изображения. Обращение к неязыковым выразительным средствам в массмедийных текстах приобретает больший вес, нежели в иных, даже разговорных» [Костомаров 2005: 202].

Сочетание книжности и разговорности, которое, по утверждению В.Г. Костомарова, является важнейшей характеристикой языка средств массовой информации, закономерно приводит к лингвистическому разнообразию моделей рекламных текстов. Краткие, сугубо информационные сообщения в наши дни все чаще уступают место посланиям, написанным на основе сложных суггестивных технологий и различных приемов языковой игры.

Способность быть суггестивным, иными словами внушающим, можно назвать сущностным качеством рекламных текстов, ведь эти послания создаются прежде всего для формирования у целевой аудитории лояльного отношения к продвигаемому продукту и роста продаж, а интеллектуальное развитие потребителя и его эстетическое удовольствие не имеют здесь самодевяущей ценности: они не значимы как инструмент в конкурентной борьбе.

Разработка языковой стратегии рекламной кампании, создание лингвистической модели текста требует анализа культурного уровня целевой аудитории, знания ею прецедентных текстов, понимания особенностей ее восприятия рекламной информации.

Рассматривая процесс моделирования рекламных текстов, Т.Г. Добросклонская справедливо отмечает: «Инструктивная роль, которую играет реклама для современного человека, сравнивается также с механизмом воздействия мифов в примитивном обществе. Как и миф, реклама предлагает простые модели поведения и разъяснение устойчивых жизненных ситуаций, обеспечивая людей готовым руководством к организации собственной жизнедеятельности. Таким образом, реклама вездесуща, многолика, разнообразна. Реклама тесно связана со средствами массовой информации, которые выступают в качестве носителя в конкретных рекламных текстах» [Добросклонская 2015:73].

Мифологическая, архетипическая составляющая рекламы актуализируется в текстах, воспроизводящих в том или ином виде сказочные сюжеты. Героями таких текстов часто становятся феи, гномы, волшебники, Дед Мороз, Снегурочка. Множество подобных рекламных текстов клишируется во время новогодних праздников. Такие рекламные послания можно назвать открытой формой реализации модели сказки в современной рекламной коммуникации, однако еще чаще встречается имплицитное, скрытое представление этой модели, когда речь, на первый взгляд, идет о совершенно реальной ситуации, тем не менее сюжет развивается по законам сказочного жанра. В таких имплицитных сообщениях соблюдаются следующие законы развития сказочного действия: закон наибольшего контраста (положительные герои всегда несут позитив, отрицательные – негатив), закон сказочной справедливости и воздаяния, закон счастливого финала, обеспечивающего адресату психологическую защиту. Сказочная модель рекламного послания нередко оформляется как исповедь благодарного клиента, особенно, если речь идет о чудесном исцелении. Вот начало подобного текста: «Дожила до восьми десяти лет и по своему невежеству имела множество болячек, боялась, что не смогу дотянуть до весны. Но тут внучка предложила попробовать новое средство».

Думаем, далее уместно поставить многоточие, ведь эти «новым средством» может оказаться все что угодно, начиная от импортного лекарства (как в данном случае) и заканчивая биологическими добавками, витаминами, целебным чаем.

Главное – финал, жизнеутверждающая нота, которой завершается повествование: «Теперь я забыла о гипертонии, вновь не чувствую усталости, тружусь на даче, ощущая всю полноту бытия».

Проблема создания психологически эффективных рекламных посланий связана не только с выбором модели текста, но и с усилением его эмоционального, экспрессивного начала, поэтому копирайтеры широко используют возможности языковой игры.

Языковая игра в рекламе – это сознательное нарушение языковых норм и правил речевого общения, искажение речевых клише с целью придания тексту большей экспрессии и усиления его выразительности.

Остановимся далее на одном из приемов языковой игры и его использовании в современных рекламных текстах. Значительный интерес для исследователей представляют рекламные окказионализмы – слова, образованные по непродуктивной модели, используемые исключительно в условиях данного контекста. Синонимами термина *окказионализм* можно считать слова *автор-*

ские новообразования, авторские неологизмы, стилистические новообразования, неологизмы контекста, слова-однодневки, экспромты.

Д.Э. Розенталь определял прилагательное *оказиональный* как «не соответствующий общепринятому употреблению, носящий индивидуальный характер, обусловленный специфическим контекстом» [Розенталь 1980: 174].

Окказионализмы, появляющиеся в рекламе, являются единичными по своей природе: большинство из них исчезает вместе с окончанием рекламной кампании. Как справедливо отмечает Л.П. Амири: «Практически все окказионализмы в рекламе являются единичными и редко воспроизводятся и тиражируются в других текстах... Все создатели рекламных текстов стараются реализовать в окказионализмах либо звуковую, либо графическую форму названия рекламируемого продукта, его производителя или бренда» [Амири 2009:207].

В качестве окказионализмов, придающих рекламному тексту оригинальное звучание, могут быть использованы различные части речи. Немногочисленную группу окказиональных инноваций в рекламе представляют существительные, образованные с помощью суффиксов: *-инг, -мания, -мейкер*. В частности, текст одного из рекламных сообщений обещает нам *Биг товаринг*, а реклама новогодних распродаж – *покупинг* и *подаринг*.

Более распространены в рекламе окказиональные прилагательные. Например, *крашнрые апельсины, сумчатый магазин, киреишные советы, пельменистые пельмени*. Как мы видим, образование окказиональных у прилагательных в рекламных текстах обусловлено либо именем существительным, либо названием рекламируемого продукта. Существуют рекламные тексты, в которых вполне успешно используются не только два отмеченных нами приема, но и звукоподражание. В частности, рекламный текст, придвигающий модный магазин «Подиум», призывает покупателей: *«Шопингуйте с удовольствием, подарите себе радость обретения трендовых брендов этого сезона по доступным ценам. Кроме грандиозного ассортимента, предлагаем и новую услугу «подиумные советы» – специальные консультации модельеров, стилистов, визажистов, словом, всех посланцев империи красоты, всех чародеев, создающих радость шампанского настроения не только в счастливые новогодние дни, но и круглый год! Удивите близких своим чудесным преображением. Пусть и в будни, и в праздники у них появится повод воскликнуть, увидев Вас: "Вау-у-у-волшебный вид!"»*. Конечно, о качестве данных окказиональных прилагательных можно спорить, однако не станем отрицать, что в тексте представлены все основные принципы создания окказионализмов: во-первых, окказионализмы *трендовый* и *шампанское* восходят к соответствующим существительным, во-

вторых, окказионализм *подиумный* обусловлен названием самого магазина «Подиум», наконец, последний окказионализм *Вау-у-у-волшебный* создан на основе звукоподражания.

Анализ лингвостилистических характеристик рекламных текстов и особенностей их бытования в современном российском обществе позволяет утверждать, что язык рекламы как язык для специальных целей развивается достаточно динамично, он отражает тенденции современной культуры и должен рассматриваться в рамках комплексных гуманитарных исследований.

Список использованной литературы

- Бондалетов, В.Д. Социальная лингвистика. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.
Добросклонская, Т.Г. Язык средств массовой информации. – М.: КДУ, 20015. – 116 с.
Ильясова, С.В. Языковая игра в коммуникативно пространстве СМИ и рекламы / С.В. Ильясова, Л.П. Амирани. – М.: Флинта, 2009. – 296 с.
Костомаров, В.Г. Наш язык в действии. – М.: Гардарики, 2005. – 285 с.
Язык и стиль средств массовой информации / Ред. Д.Э. Розенталь. – М., 1980. – 304 с.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОТИВНОГО ОЦЕНОЧНОГО КОНЦЕПТА «СТРАХ» В РОМАНЕ ДАНИИЛА ГРАНИНА «МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ»

Н.М. Ротанова*

В современном языкознании в отдельную парадигму выделяют изучение концептов класса «эмоции». Они имеют различный характер вербализации. По замечанию Н.А. Красавского, словная и сверхсловная (словосочетания) номинации при анализе эмоциональной концептосферы наиболее информативны, так как служат способом порождения, развития и хранения смыслов [Красавский 2001].

Концепт «страх» является одним из основных эмоциональных концептов, базовой единицей картины мира, обладающей значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом.

Концепт «страх» часто коррелирует с такими концептами, как «война» и «смерть». Первый рассказ первой части романа Даниила Гранина «Мой лейтенант» посвящен теме, которая тревожила писателя практически всю его взрослую, сознательную жизнь, – это тема страха. Задолго до написания романа Д.А. Гранин опубликовал эссе «Страх»: «Это заметки про страх. О том, какое большое место в моей жизни занимал страх, сколько прекрасных порывов души погасил он в жизни моего поколения, сколько он извратил в характере, как он

* Ротанова Надежда Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

обессиливал, какие горькие воспоминания он оставил» [Гранин]. Одно из воспоминаний писателя о страхе в романе «Мой лейтенант» – первая бомбёжка.

Настоящий страх, страх жутчайший, настиг меня, совсем еще юнца, на войне (Д. А. Гранин. Мой лейтенант. Ч. I. Бомбёжка).

Страх – основное оценочное понятие, через которое Даниил Гранин описывает состояние человека, пережившего бомбёжку, это имя концепта. Страх – 1. Состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо опасностью, бедой и т.п. [МАС 1988: 283]. Оценка усиливается, эмоция нагнетается, благодаря повтору лексемы «страх» и оценочному определению «жутчайший», в лексическое значение которого включено понятие «страх», кроме того, прилагательное содержит суффикс, указывающий на высшую степень проявления признака, и в самом толковании используются интенсификаторы оценочного значения – наречия «очень» и «крайне»: жуткий – 1. Вызывающий чувство страха, тягостный, неприятный. || *Разг.* Очень тяжелый, ужасный, трагический. || *Разг.* Очень плохой, скверный, отвратительный [МАС 1985: 489]; отвратительный – 1. Вызывающий крайне неприятное, гадливое чувство. 2. *Разг.* Очень плохой, скверный, гадкий [МАС 1986: 670]. Как видим, Гранин указывает крайнее отрицательное положение объекта на шкале оценок в восприятии говорящего. Оценка сенсорная, т.е. связанная с ощущениями, чувственным опытом субъекта, оценочный и дескриптивный компоненты неразрывно связаны, неразделимы. Интенсификатором оценочного значения лексемы «страх» выступает прилагательное «настоящий», с помощью которого писатель как бы оправдывает эмоциональность выражения и подтверждает оценку: настоящий в данном случае означает «подлинный, истинный» [МАС 1986: 400]. Используя интенсификаторы оценки, Д. А. Гранин формирует градуальный ряд в описании «страха на войне».

Страх обычно воспринимается людьми как чувство нежелательное, неприятное, хотя нередко оно выступает как инстинкт самосохранения и оберегает человека от чего-либо негативного в жизни и даже от смерти.

В эссе «Страх» Д. Гранин говорит о страхе обыденной мирной жизни: «Действительность большей частью не настолько ужасна, как возможности страха, которые мы сами изобретаем и расписываем до гигантских размеров» [Гранин]. С первых слов романа «Мой лейтенант» Гранин, характеризуя страх, будто противопоставляет, оценивая, страх в мирной жизни и страх на войне. Сравним: в эссе: «С детства, со школьных лет, *некоторые* страхи *сопровождали* меня десятилетиями...» – в романе: «*Настоящий* страх <...> *настиг* меня <...> на войне». *Настичь* – 1. *Преследуя* кого-либо, *догнать* [МАС 1986: 399]; преследовать – 2. Неотступно, *не оставляя в покое*, следовать за кем-либо. 3.

Перен. Донимать, мучить чем-либо [МАС 1986: 383-384], другими словами: настичь – преследуя, догнать, не оставлять в покое, мучить. В мирной жизни страх нас сопровождает, а на войне может и погубить. В этом сопоставлении, как мы уже говорили, заключается философское отношение писателя к страху: бесстрашный человек тот, кто в определенных ситуациях может *преодолеть, победить* страх – даже на войне, о чем и пытается сказать Гранин в первом эпизоде романа, начало повествования именно о том, как страх *настиг* героя романа во время первой бомбёжки и как сделал из молодого лейтенанта бойца.

«Страх на войне» вербализован Д.А. Граниным словными и сверхсловными оценочными единицами. Страх у Гранина «настоящий, жутчайший, подлый, постыдный, всеильный»; страх «личный, коллективный, массовый, страх окружения»; страх «настигает, поглощает, наполняет, давит, отнимает силы, парализует» ... и «проходит, придает силы». Но в начале описания он охарактеризован как трагичная безысходность, которая переполняет человека:

Ужас поглотил меня целиком. Я был раздавлен страхом. Сколько во мне было этого страха! (Д.А. Гранин. Мой лейтенант. Ч. I. Бомбёжка).

Ужас – 1. Чувство, состояние сильного испуга, страха. 3. *Обычно чего.* Трагичность, безвыходность [МАС 1988: 472]. Сила негативного чувства передается глагольными формами: поглотить – 3. Всецело захватить, заполнить, занять сознание, помыслы и т.п. [МАС 1988: 166]; раздавить – 1. Надавлив или сжав, сломать, смять, расплющить. || Придавлив чем-нибудь тяжелым, искалечить. 2. *Перен.* Нанести решительное поражение, разгромить [МАС 1987: 601]. И прямое, и переносное значения глагола «разгромить» указывают на негативный результат воздействия страха на героя романа: «полное разрушение, опустошение» [МАС 1987: 601] искалеченной ужасом души человека. Разговор уже не просто о негативных эмоциях, вызываемых у нас страхом, а о том зле, которое он несет людям. На наш взгляд, использование в выражении оценки причастия «раздавленный» добавляет к сенсорной оценке (эмоциональной), этическую (вторая группа оценок, по Н.Д. Арутюновой, – сублимированные), которая «возвышается над сенсорной оценкой, «гуманизируя» её» [Арутюнова 1988: 76]. Этическая оценка выражена и в следующем примере:

Бомбёжка извлекала всё новые и новые волны страха, подлого, постыдного, всеильного, я не мог унять его (Д.А. Гранин. Мой лейтенант. Ч. I. Бомбёжка).

«Страх на войне» характеризуется Даниилом Граниным как чувство предосудительное, порочащее бойца (подлый – низкий, бесчестный [МАС 1987: 197]; честный – 3. Не запятнанный чем-либо предосудительным, не опороченный чем-либо [МАС 1988: 672]). Нравственные принципы гражданина, защи-

щающего Родину, вызывают к совести, она должна руководить поведением человека (совесть – чувство и сознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самими собой, перед окружающими людьми, обществом [МАС 1988: 174]), поэтому герой романа своё внутреннее состояние оценивает как постыдное: постыдный – такой, которого следует стыдиться, позорный [МАС 1987: 326]; позор – постыдное, унижительное положение, вызывающее презрение; бесчестье [МАС 1987: 240]. Унижительное, позорное положение у честного человека сопровождается чувством пронзительного стыда от сознания предосудительности, неблагоприятности своего поступка, поведения [МАС 1988: 296]. Этическая оценка в данном случае интенсифицируется определением «всесильный» и признанием героя в собственном бессилии: «не мог унять его [страх]».

Всесилие страха приводит к тому, что оценивающий его субъект экстраполирует оценку объекта на того, кто испытывает это чувство, в данном случае на себя, герой романа делает себя виноватым, осуждаемым:

Проходили минуты, меня не убивали, меня превращали в дрожащую слизь, я был уже не человек, я стал ничтожной, наполненной ужасом тварью (Д.А. Гранин. Мой лейтенант. Ч.1. Бомбёжка).

Тварь – 2. *Прост.* О подлом, мерзком человеке [МАС 1988: 343]: подлый – низкий, бесчестный [МАС 1987: 197]; мерзкий – 1. Вызывающий отвращение; гадкий. 2. Очень плохой, крайне неприятный [МАС 1986: 253]. В толковании лексического значения слова «тварь» совмещаются сенсорная, усиленная интенсификатором («крайне неприятный»), и этическая оценки («подлый, низкий, бесчестный»). Сенсорные оценки, как правило, связаны с удовлетворением чувства прекрасного, видимо, поэтому автором используется контекстуальная сверхсловная оценочная единица, создающая весьма неприятный образ – «дрожащая слизь». Этические оценки связаны с удовлетворением нравственного чувства – для выражения крайне негативной оценки используется стилистически сниженная лексика (тварь). Чтобы объяснить, почему герой романа, раздавленный страхом, больше не считает себя человеком («я был уже не человек» – сверхсловная оценочная единица этического характера), Д.А. Гранин «умножает» отрицательную оценку, добавляя определение «ничтожный»: ничтожный – 3. Мелкий, жалкий [МАС 1986: 502]; жалкий – 2. Вызывающий сожаление своим убожеством. || *Презренный*, мелкий, пустой [МАС 1985: 470].

Сенсорная и этическая оценки – «два вида чувствований, составляющих ядро духовного начала человека, моделируемое, в соответствии с его телесной ориентацией, по вертикали. Не случайно в эти виды оценки вовлечены метафо-

ры и интенсификаторы «высоты» и «низости» (ср. *высоко нравственный человек, низкая личность, низменные цели, высокие идеалы*) [Арутюнова 1984: 76].

Я был опустошен, противен себе, никогда не подозревал, что я такой трус (Д.А. Гранин. Мой лейтенант. Ч. I. Бомбёжка).

Противный – очень неприятный, отвратительный [МАС 1987: 533], т.е. очень плохой, скверный, гадкий [МАС 1987: 670]; трусливый – легко поддающийся чувству страха, не способный бороться с ним [МАС 1988: 420].

Негативная оценка чувства страха и человека, испытывающего страх, неспособного преодолеть его, противопоставлена в романе описанию природы.

Неповрежденное небо сияло той же безучастной красотой. Зацебетали птицы. Природа возвращалась к своим делам. Ей неведом был страх (Д.А. Гранин. Мой лейтенант. Ч. I. Бомбёжка).

Война, разрушающая, убивающая жизнь, война «созданная» человеком, – и природа как символ гармонии мира, созданной Богом, гармонии *без человека*... Только осознание единства мира, единства природы и человека может спасти человечество от гибели – таков, по нашему мнению, пафос этических оценок, связанных с вербализацией концепта «страх», в романе Даниила Гранина «Мой лейтенант». Потому так важен эпизод обращения героя во время первой в его жизни бомбёжки к Богу:

Звук пикирующего самолета расплющивал меня. Последний миг моей жизни близился с этим боем. Я остался один на один с этой летящей ко мне со всех сторон смертью. Я никогда не верил в Бога, знал всем своим новеньким высшим образованием, всей астрономией, дивными законами физики, что Бога нет, и тем не менее, я молился. Запекшиеся губы мои шептали: Спаси меня, не дай погибнуть, прошу тебя, чтобы мимо, чтобы не попала, Господи, помилуй! В неведомой мне глубине что-то приоткрылось, и оттуда горячо хлынули слова, которых я никогда не знал, не произносил — Господи, защити меня, молю тебя, ради всего святого... (Д.А. Гранин. Мой лейтенант. Ч. I. Бомбёжка).

В такой ситуации верить в Бога – значит верить в спасение, верить в жизнь. «Бог является надеждой человека на идеальный мир, в котором нет юдоли страданий. Создавая образ всевышнего, мы ищем кого-то вне нашего мира, ведущего нас безопасным путем сквозь море несчастий, существо, которое, сотворив весь мир, спасет нас от небытия и смерти. <...> Бог учит, как мы должны жить. Религиозный язык конструирует систему моральных заповедей и правил» [Куртц www.humanism.ru].

Какая-то генетическая память подсказывает молодому лейтенанту, «со всем юнцу», что человечность, справедливость, жизнь – там, где Бог:

Бог не мог находиться в небе, заполненном ненавистью и смертью. Бог был здесь, среди цветов, личинок, букашек... В траве шла обыкновенная летняя жизнь, медленная, прекрасная, разумная (Д.А. Гранин. Мой лейтенант. Ч.І. Бомбёжка).

Противопоставление «добро – зло» выражено здесь не только с помощью оценочных концептов. Контекстное положительное оценочное значение приобретают лексемы «цветы», «личинки», «букашки»; «обыкновенная летняя медленная». Они символизируют мирную жизнь, гармонию природы в противовес войне, несущей уничтожение, смерть. Бог как идея абсолютного добра отождествляется Граниным с жизнью, т.е. с представлением человека о прекрасном. Вспомним слова Н.Г. Чернышевского: «Прекрасное есть жизнь», т.е. «прекрасным существом кажется человеку то существо, в котором он видит жизнь, как он ее понимает; прекрасный предмет – тот предмет, который напоминает ему о жизни» [Чернышевский 1975: 165]. Как видим, в описании представлений человека (своих представлений) о природе Д.А. Гранин этическую оценку соединяет с эстетической, т.е. писателем провозглашается красота нравственных отношений, красота добра.

Подчеркивая противоестественность войны, убийства, через картины природы Гранин вводит в речь рационалистические оценки (утилитарные – полезный, благоприятный; нормативные – нормальный, стандартный, правильный), связанные с практическими интересами и повседневным опытом человека:

Взрывы корёжили пути, взлетали шпалы, опрокидывались вагоны, окна станции ало осветились изнутри, но все это происходило где-то далеко, я старался не видеть, не смотреть туда, я смотрел на зеленые стебли, где между травинками полз рыжий муравей, толстая бледная гусеница свешивалась с ветки. В траве шла обыкновенная летняя жизнь, медленная, прекрасная, разумная (Д.А. Гранин. Мой лейтенант. Ч.І. Бомбёжка).

Бинарность эмоционального восприятия героем романа окружающего проявляется через символическое выражение позитивной (концепты «Бог» – «жизнь») и негативной (концепты «дьявол» – «смерть») оценки:

Самолеты заходили вновь и вновь, не было конца этой *адской* карусели. Она хотела *уничтожить* весь мир. <...> *Спаси меня* <...> *Господи, защити меня, молю тебя, ради всего святого...* (Д.А. Гранин. Мой лейтенант. Ч.І. Бомбёжка).

Рассказ о преодолении лейтенантом страха не содержит той эмоциональности, с какой автор описывает переживание этого чувства, – меняется и основной характер оценки: сенсорные, психологические, этические оценки усту-

пают место оценкам рационалистическим – утилитарным (неуязвимость), нормативным («превратив меня в солдата» – контекстное оценочное значение) и телеологическим (малоэффективны):

Бомбежка эта сделала свое дело, разом превратив меня в солдата. Пережитый ужас что-то перестроил в организме. Следующие бомбежки воспринимались иначе. Я вдруг обнаружил, что они малоэффективны. Я поверил в свою неуязвимость. То есть в то, что я могу быть неуязвим (Д. А. Гранин. Мой лейтенант. Ч. I. Бомбёжка).

Достаточно четко видна смена характера оценки, если поставить в ряд номинации героя романа в состоянии страха («дрожащая слизь», «ничтожная тварь» – эстетическая, этическая оценки) и преодолевшего страх смерти («солдат» – телеологическая оценка). В словарном значении лексема «солдат» не имеет оценочной коннотации, она получает в речи оценочный компонент значения в соответствии с интенцией говорящего. «Объективным основанием для развития оценочных коннотаций служат определенные семы в значении слова, но главным является все-таки личностное отношение говорящего к реалии действительности, индивидуальные оценочные ассоциации» [Шкиль sun.tsu.ru/mminfo/000063105/331/image/331-027.pdf]. Пережитый страх во время первой бомбежки, преодоление этого страха заставили молодого лейтенанта осознать свое предназначение на войне, вернее, вспомнить о нем: нужно быть солдатом, т.е. уничтожать врага, как можно дольше оставаясь живым – такова цель воина, это является *целесообразным* (основное содержание телеологической оценки: от греческого *teleos* – цель).

Анализ вербализации концепта «страх» в романе «Мой лейтенант» Даниила Гранина свидетельствует о том, что наиболее значимы для писателя (как и для любого русского человека) ценности духовные, моральные. Смыслы, создаваемые вербализаторами концепта «страх» посредством включения в определенный контекст, позволяют сделать некоторые выводы об оценке писателем этого чувства, чаще об оценке человека, испытывающего данное чувство: главное для писателя не смыслы ядерной зоны концепта, а ближняя периферия, т.е. смыслы *преодоления* страха. Наиболее частотны этические оценки, которые совмещаются (соседствуют) с эстетической, нормативной и гедонистическими оценками. Другими словами, весьма значимым для писателя является ценностное соотношение внутреннего содержания и внешней оболочки. Сверхсловные оценочные единицы, не только называющие, но и характеризующие чувство страха, наиболее часто используются писателем для номинации.

В русском языковом сознании концепт «страх» коррелирует с концептами «смерть», «Бог», «грех», «вражеские силы (враг)», «война», «судьба», с этиче-

скими концептами «долг», «стыд», «совесть». Посредством паремиологических средств вербализации концепта «страх» носители русского языка передают следующие смыслы: «эмоциональное и физическое состояние человека»; «психическая действенность страха»; «интенсивность переживания»; «страх – смерть»; «страх – судьба, Бог»; «регулятор поступков людей»; «практическая нецелесообразность страха»; «осознанность страха»; «преувеличение значимости страха»; «преодолеть страх помогают сознание поддержки со стороны других, активные действия»; «страх – трусость»; «смелость, мужество как способность побороть страх»; «разум побеждает страх» [Бутенко 2006].

В фольклоре, паремиях заключена совокупность мнений и оценок, выработанных народом как лингвокультурной общностью. В русской лингвокультуре оценка понятия «страх» в основном этически негативная, а *преодоление* страха оценивается положительно, именно в такое представление о страхе складываются смыслы вербализаторов, представленных Даниилом Граниным в романе «Мой лейтенант».

Список использованной литературы

Бутенко, Е.Ю. Концептуализация понятия «страх» в немецкой и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук/ Е.Ю. Бутенко. – Тверь, 2006.

Гранин, Д. Мой лейтенант // all-the-books.ru/book/455-german-daniil-moy-leytenant.html

Гранин, Д. Эссе // magazines.russ.ru/authors/g/granin

Красавский, Н.А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: дис. ... д-ра филол. наук/ Н.А. Красавский. – Волгоград, 2001.

Словарь русского языка: в 4-х т.; гл. ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1981-1985 [Малый академический словарь (МАС)].

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В ПОЭЗИИ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

Н.М. Ротанова, И.С. Дудкина*

В произведениях с богатым символическим языком метафоры выступают как показатель уровня познания автора. Языковые события превращаются в формы проявления познавательной и мыслительной деятельности человека. Метафора является феноменом, выступающим главным средством описания жизни и процесса самопознания, синтезом речи и мышления. Именно поэтому метафору называют, в первую очередь, явлением сознания, а потом уже явлением языковым. По словам Валентины Авраамовны Масловой, «метафоризация

* Ротанова Надежда Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

Дудкина Ирина Сергеевна – выпускница филологического факультета (отделение русской филологии) Курганского государственного университета.

– основная ментальная операция, способ познания и объяснения мира – связана с процессом отражения и обозначения нового знания через старое» [Маслова 2004: 11].

Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора – это не образное средство языковой системы, а единица мышления, представляющая собой когнитивный механизм объединения двух понятийных сфер, при котором одна понятийная сфера (сфера-мишень) интерпретируется в терминах другой понятийной сферы (сфера-источник) на основе аналогии [Лакофф 2004: 13-14]. С когнитивной точки зрения метафора рассматривается как результат мыслительной переработки субъективных образов объективной действительности, которые откладываются в сознании в виде представлений.

Концептуальные метафоры индивидуального стиля определяются психологическими и прочими особенностями личности автора. Совокупность же мотивационных систем индивидуально-авторских концептуальных метафор дает возможность воссоздать картину мира писателя.

Мы обратились к творчеству Максимилиана Волошина периода первой мировой войны, революции и гражданской войны, рассмотрели и проанализировали метафоры как способ репрезентации в языковой форме мировосприятия писателя.

Первое впечатление Волошина от войны — это бессмысленность и массовость ее жертв. Антивоенные и антимилитаристские настроения Волошина выразились в циклах стихов «Anno mundi ardentis» («В год пылающего мира»), «Неопалимая купина», «Пути России», «Демоны глухонемые». В этих стихотворениях нет последовательно сформулированной теории пацифизма. Но, как сказал А. Белый, Волошин был «человек, глубоко чуждый милитаристскому безумию, охватившему старый мир» [Цит. по: Булгакова 2003: 8]. В его произведениях налицо все признаки действенного отрицания и осуждения войны как способа решения мировых конфликтов: решительное неприятие принципа всеобщей мобилизации и личный твердый отказ от воинской обязанности.

Максимилиан Волошин писал: «Когда на земле происходит битва, разделяющая всё человечество на два непримиримых стана, надо, чтобы кто-то стоял в своей келье на коленях и молился за всех враждующих: и за врагов, и за братьев. В эпоху всеобщего ожесточения и слепоты надо, чтобы оставались люди, которые могут противиться чувству мести и ненависти и заклинать обезумевшую реальность – благословением. В этом высший религиозный долг поэта» [Волошин 1917: 4 dugward.ru]. И его представления о мире как человека глубоко верующего отразились в метафорическом контексте его стихотворений:

Я буду воить и молить,

*Чтобы тебя в кипеньи битвы
Могли, как облаком, прикрыть
Неотвратимые молитвы* («Другу» 1915 г.).

В когнитивной модели «молитва – это облако» метафорически осмысливается понятие «молитва» (это понятийная сфера-мишень). В христианстве молитва призвана защищать того, о ком молится человек. В данном контексте молитва сравнивается с облаком по своим защитным функциям: «молитвой можно закрыть, как если бы это было облако». Облака обычно закрывают солнце на небе, оно *прячется* за тучами, следовательно, в представлении автора молитва может спрятать, укрыть от врага, от неотвратимой беды, смерти того, о ком молятся.

В стихотворении «В эти дни» противоестественность войны для человека Волошин описывает так:

*В эти дни безвольно мысль томится,
А молитва стелется, как дым.*

*В эти дни душа больна одним
Искушением — развоплотиться* («В эти дни» 1915 г.).

Не только разумом нормальный человек не способен принять ужасы войны (томиться – 1. Испытывать мучения, страдания. || Страдать, будучи лишенным свободы [МАС 1988: 379]), но и душой. Духовность, по мнению М. Волошина, обеспечивается желанием и способностью человека жить по закону Божию, но во время войны этот закон забыт, и молитва больше не возносится к Богу, а *стелется, как дым*. «Ни одну метафору нельзя понять или адекватно описать изолированно, без учета ее эмпирических оснований» [Лакофф 2004: 46], хорошее ориентировано в нашей культуре наверх, плохое вниз, поэтому «молитва *стелется*» – объяснение негативной оценки и в других концептуальных метафорах данного контекста: «безвольно мысль томится», «душа больна».

Мировая война для Волошина – это трагедия разъятия мира.

*В эти дни не спазмой трудных родов
Схвачен дух: внутри разодран он
Яростью сгрудившихся народов,
Ужасом разъявившихся времен* («В эти дни» 1915 г.).

Мир в представлении поэта – единый организм. Чтобы описать состояние народов, вовлеченных в войну, Волошин использует метафорическую модель «народ – это человек». Борющиеся между собой народы, по Волошину, – это «одна плоть»:

*В эти дни нет ни врага, ни брата:
Все во мне, и я во всех; одной*

И одна — тоскою плоть объята

И горит сама к себе враждой («В эти дни» 1915 г.).

Человек как метафорический образ воюющего народа – сам себе враг. Концепт «человек» включает такие смыслы, как «дух» и «душа» (в индивидуальной картине мира Волошина эти смыслы входят в ядерную зону концепта). Дух – моральная сила человека [МАС 1985: 455]. Душа – внутренний мир человека, его переживания, настроения, чувства и т.п. || По религиозным представлениям: бессмертное нематериальное начало в человеке, отличающее его от животных и связывающее его с Богом [МАС 1985: 456]. Для человека главное – сохранить свою бессмертную душу. Метафора «народ – это человек» позволяет поэту выразить мысль о том, что война «расчеловечивает» народы, люди перестают быть людьми; «дух... *разодран* яростью...». Волошин использует разговорный аналог глагола «рвать», чтобы, как нам кажется, подчеркнуть неприятие происходящего: рвать – 1. Резким движением разделять на части. || Раздирая на части, умерщвлять. 6. О жгучей, дёргающей боли [МАС 1987: 687-688]; драть – 1. *Разг.* Разрывать на части. 8. *Разг.* Вызывать боль [МАС 1985: 444]. Человечество, веками создававшее нравственные ценности, нормы бытия, теряет моральную силу, а значит – гибнет: «... душа больна одним / Искушением – развоплотиться». Воплотиться – получить вещественное выражение, осуществиться [МАС 1985: 211]. Волошинское «развоплотиться», мы считаем, в рамках метафорической модели «народ – это человек» надо понимать как «душа покидает плоть», т.е. означает гибель народов; и утрату человеком веры, что означает нравственную смерть человека.

Концепт «человек» как сфера-источник (по терминологии Лакоффа – Джонсона) используется и для вербализации сферы-мишени «душа». В 1905 году Волошин пишет М. Сабашниковой: «Я с утра *отравляюсь* газетными телеграммами; это страшно вредно. Мысль *загрязнена* на целый день» [Волошин Максимилиан. Собр. соч.: в 10 т. – М.: ???, 2011 Т. 1. С. 514]. А 1915 году этот образ будет использован поэтом в стихотворении «Газеты»:

Я пробегаю жадным взглядом

Вестей горючих письма,

Чтоб душу, влажную от сна,

С утра ожечь ползучим ядом («Газеты». 1915 г.).

При пересечении смыслового поля концепта «человек» с концептом «душа» создается метафорическая модель «душа – это человек», потому душа «влажная от сна» и её можно ожечь, т.е. «вызывать *на теле* ощущение жжения, ожога» [МАС 1985: 480]). Названная метафорическая модель вербализуется и в строках:

*Томлюсь и чувствую в тиши,
Как, обезболенному ложью,
Мне вырезают часть души* («Газеты». 1915 г.).

Метафора не только моделирует, то есть формирует представление об объекте, но и предопределяет способ и стиль мышления о нём. Исходное значение метафорического имени задаёт сценарий реализации метафорических употреблений. Метафорическая модель «ложь – хлороформ» используется в рамках фрейма (сценария) «хирургическая операция». В конце XIX и начале XX веков хлороформ использовался как средство для наркоза при проведении хирургических операций. Как наркоз, может воздействовать ложь на душу человека: чтобы от осознания правды человек не испытывал боли, ему вместо правды говорят ложь. Ложь меняет сознание человека: человек утрачивает нравственную основу (совесть), даже не понимая этого, он больше не чувствует душевной боли при виде страданий других людей.

В стихотворении «Газеты» (1915 г.) при создании когнитивной метафоры Волошин использует вербальную синестезию. Синестезия с точки зрения психологии – это явление восприятия, когда при раздражении одного органа чувств наряду со специфическими для него ощущениями возникают и ощущения, соответствующие другому органу чувств. Человек не только слышит звуки, но и видит их, не только осязает предмет, но и чувствует его вкус. Например, при звуках трубы одновременно возникает представление о красном цвете [Ефименко 2010]. Синестезия – это со-представление, межчувственная ассоциация. В метафорологии синестезия считается особым случаем метафоры и относится к метафорам когнитивного круга.

В синестетической метафоре «*Ложь заволакивает мозг Тягучей дремой хлороформа*» пересекаются две сферы сенсорiums – «органические ощущения» и «консистенция»: дрема – дремота, т.е. состояние, когда клонит ко сну [МАС 1985: 446], тягучий – густой и вязкий [МАС 1988: 437]. Такое со-представление, как нам кажется, возникает оттого, что люди связывают сон с обездвиженностью, замедлением жизненных процессов. А в синестетической метафоре «*гнилостной пронизан дрожью*» пересекаются такие сферы сенсорного опыта человека, как «обоняние» и «вибрация»: дрожь – частое судорожное вздрагивание тела (от холода, болезненного состояния и т.п.) [МАС 1985: 448], гнилостный – 1. Производимый, вызываемый гниением. *Гнилостный запах* [МАС 1985: 321]. Кроме того, значение метафорического признака в данном контексте может определяться и в связи с метафорами «*обезболенному ложью, Мне вырезают часть души*». В этом случае актуализируется следующий смысл: гнилостный – 2. Вызывающий, производящий гниение; гнить – *разрушаться*,

подвергаясь органическому разложению. || *перен. Приходить в упадок* [МАС 1985: 321].

Для Максимилиана Волошина душа – главный орган в человеке, духовные силы дают человеку способность жить. Утрата души означает разложение, упадок. А война лишает людей души, духовности.

Заключительные строки стихотворения «Газеты» перекликаются по смыслу с концовкой стихотворения «В эти дни», написанного тоже в 1915 году: мир у Волошина опять предстает как единый организм:

Дозволь не разлюбить врага

И брата не возненавидеть! («Газеты». 1915 г.) –

В эти дни нет ни врага, ни брата:

Все во мне, и я во всех («В эти дни». 1915 г.).

Нет справедливых войн, по мнению Максимилиана Волошина, движущей силой любой войны является алчность и жажда наживы. В стихотворении «Гражданская война» поэт пишет:

Гнев, жадность, мрачный хмель разгула, —

А вслед героям и вождям

Крадется хищник стаяй жадной,

Чтоб мощь России неоглядной

Размыкать и продать врагам! («Гражданская война». 1919 г.).

Когнитивная метафора создается через пересечение таких понятийных областей, как «человек – животное (хищник)». Концептуальные смыслы сферы-источника и сферы-мишени в данной модели порождают метафорическую экспансию «объединение людей – это стая хищных животных», поэтому вербализация метафоры «крадется хищник стаяй жадной» включает лексемы, которые характеризуют как животных, так и людей. Жадный (стремящийся взять себе, получить, иметь у себя как можно больше чего-либо, больше, чем это необходимо [МАС 1986: 469]) – это человеческое качество. У глагола «крадётся (красться)» есть значение, которое можно связать с человеком («пробираться тайком»), но контекст («крадется стаяй») утверждает нас в мысли, что реализуется метафорическая модель «человек – это хищное животное»: красться – осторожно, незаметно подбираться к добыче (о животных) [МАС 1986: 123]. А добыча, по мнению М. Волошина, – это «мощь России неоглядной». Не может быть победителя в гражданской войне, считает Волошин. Гражданская война в России рассматривается Волошиным в свете библейского братоубийства, как продолжение жертвоприношения искажённой идее справедливости. Видимо, поэтому стихотворение «Гражданская война» заканчивается строками:

А я стою один меж них

В ревущем пламени и дыме

И всеми силами своими

Молюсь за тех и за других («Гражданская война». 1919 г.).

В синестетической метафоре «в ревущем пламени» пересекаются такие сенсорные зоны, как слуховые ощущения, тактильные (температура) и зрительные. Данная метафора не противоречит ранее высказанным Волошиным представлениям о воюющих людях как «стае хищных животных»: реветь – издавать рёв (о животных); производить, издавать звуки, похожие на рев животных; громкий, неистовый крик людей [МАС 1987: 691]. Неистово кричащий человек в сжигающем его пламени – это образ ада – и не только в представлении религиозного человека, каким был Максимилиан Волошин.

Война, по Волошину, не просто бесплодна, она губительна для человечества, и единственно верная миссия поэта – быть свидетелем, «оком и ухом». Для исполнения этой свыше данной ему миссии поэт должен отказаться от участия в распре государств и сограждан.

Список использованной литературы

1. Булгакова, И.В. Мир и человек в художественном сознании М. Волошина: дис. ... канд. филол. наук/ И.В. Булгакова. – Воронеж, 2003.
2. Волошин, М.А. Судьба Верхарна: Речь. Опубликовано 1 января 1917 года/ М.А. Волошин. – Режим доступа: dugward.ru/library/voloshin/.
3. Ефименко, Н.В. Ассоциативная структура цветового значения слова и текста: звукоцветовые соответствия / Н.В. Ефименко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 22 (203). Филология. Искусствоведение. – Вып. 46. – С. 32–36.
4. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой; под ред. А.Н. Баранова/ Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

СТАТЕЙНЫЕ СПИСКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА РОССИЙСКИХ ССЫЛЬНЫХ В КУРГАНСКИЙ УЕЗД КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Р. П. Сысуева*

Статейные списки – вид официально-делопроизводственной документации в России XV – начала XVIII вв., составлявшийся по статьям или отдельным вопросам.

В Государственном архиве Курганской области хранятся рукописные статейные списки, связанные с деятельностью Тобольской казенной палаты по во-

* **Сысуева Ранса Петровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

дворению, поселению и переселению ссыльных людей различных социальных сословий и территорий России в Курганский уезд [Ф.8, Оп.1, Д.1,778л.; 16 статейных списков]. Они не изданы и не исследованы лингвистами, хотя их языковой материал важен для уточнения формирования норм русского литературного языка в целом, официально-делового стиля – в частности. В исследовании мы рассматриваем статейные списки с точки зрения их лингвистической информативности и лингвистической содержательности (преимущественно лексико-фразеологический уровень).

Написаны они скорописью, на бумаге серого и желтоватого цвета, выработанной из тряпья, чернилами черного, иногда рыжеватого или темно-коричневого цвета. Писари владели достаточно высокой правописной культурой, поэтому на фонетическом уровне находим лишь единичные отступления в сторону живой речи: прямое отражение аканья: *Калтаковъ*, 27об-28; *аствалень*, 242; *абыкновенный*, 242об; *Табольский*, 296об; *полтара*, 655; *въ Масквь*, 655; косвенное отражение аканья: *кокимъ* (но здесь же – *какимъ*), 352об; *из кокого (званія)*, 391об; *козенною (одеждою)*, 392; еканье: *коженными (рукавицами)*, 392; иканье: *принадлижащихъ (капсулей)*, 700.

Отмечаем вариативность в написании иноязычных слов, заимствованных в XVIII веке и недостаточно усвоенных писарями: *бокенбардамъ*, 294об-295; *бакенбарды*, 266об-268; *комитеть*, 294об-295, *коммитеть*, 296об-297.

Не соблюдается единство в написании заглавных и строчных букв в пределах одного слова (даже личного имени): *петръ (Крыжановскій)*, 27об-28; *Петръ (Логиновъ)*, 32об-33; *Тобольское губернское правленіе*, 242об-243; *Тобольское Губернское Правленіе*, 699об-700; *Статейный списокъ*, 468; *Статейный Списокъ*, 242.

Орфографические варианты находим в сложных прилагательных: *темно русые (волосы)*, 296об-297; *темнорусые*, 44об-45.

Из морфологических особенностей отметим преобладание в тексте имен существительных и прилагательных. Варианты написаний встречаются в окончаниях:

- существительные 1,11 скл. в Д., П п.ед.ч. имеют окончания –Е и –Ѣ: *о поселеницѣ, по волю, къ высылке*, но –Ѣ преобладает;

- полные прилагательные в Р.п.ед.ч. имеют окончания –ого и аго. Последнее является архаическим, но оно более частотно: *новаго общества, Тюменскаго общаго Окружнаго Управленія, Ялуторовскаго земскаго суда*;

- в прилагательных м.р. ед.ч. Им.п. отмечаем окончание –ой вместо –ый (*подбородокъ*) *круглой, (ротъ) обыкновенной*;

- в им.п. мн.ч.полных прилагательных ж.р. находим архаическую форму на *-ья окончательныя (отмѣтки), собственныя (вещи)* и новую на *-ые (борода и брови) русые*. Эти же окончания (*-ья* вместо *-ые*) характерны и для прилагательных м.р.: *(глаза) серыя (зубы) чистыя*;

- в Тв. п. ед.ч. существительных ж.р. обычно окончание без редукции (*-ою*): *казенною (одеждою), съ 3хъ летнею (льготою)*.

Предлоги часто пишутся слитно с соседними знаменательными словами: *заворовство, 27об-28; состатейного (списка), 27*.

Жанр документально-юридических статейных списков определяет широкое функционирование в них лексики и фразеологии официально-делового стиля. Это названия лиц по социальной принадлежности: *изъ дворянь, 93об-94; изъ дворовыхъ людей, 44об-45; изъ крестьянь, 242об-243; мѣщанинь, 32об-33; мещанка, 468об-469; помѣщикъ, 44об-45; дворовый человекъ, 44об-45*.

Ссылные люди характеризовались и в территориальном отношении: указывалось, откуда и куда они присланы, где родились. Отсюда большое количество географических названий: *Аккерманъ, 296об-297; Бергомакская волость, 44; Бессарабская область, 296об-297; Варшавская губернія, 699об-700; Вологда, 93об-94; Вологодская губернія, 93об-94; Вятская губернія, 294об-295; Емуртинжская волость, 242; Кіевъ, 311об; Кривенчугъ, 352об-353; Курганъ, 44об-45 (15 словоупотреблений); Литинскій уѣздъ, 268; Москва, 654об-655; Муромцово (село), 44об-45; Подольская губернія, 93об-94; Полтавская губернія, 352об-353; Польша, 699об-700; Самара, 399об-400; Середина буда (местечко, городок на западнорусских территориях), 468об-469; Сибирь, 44об-45 (14 словоупотреблений); Слободской (город), 294об-295; Смоленская волость, 27; Смолино (деревня), 27об-28; Стародубъ (город), 391об-392; Тобольскъ, 311; Тобольская губернія, 27об.-28 (5 словоупотреблений); Тотма, 93об.-94; Хмельники (город), 266об; Черниговская губернія, 468об-469; Ялutorовскій округъ, 242; Ярославль, 654об-655; Ярославская губернія, 654об-655*.

Богато представлены в источнике названия различных административных учреждений, связанных с судьбой ссылных. Это высшие органы государственной власти: *Государственный Совѣтъ, 93об-94; Комитет Министров, 294об.-295*, административные учреждения, осуществляющие статскую власть на местах, то есть в губерниях и уездах: губернские правления (*Владимирское, Вятское, Калужское, Кіевское, Орловское, Самарское, Тарское, Тобольское, Черниговское, Ярославское*), казенные палаты (*Курганская, Тобольская*), *Тюменское общее окружное управленіе, 339об-340*, а также названия судебных и полицейских органов: *Ярославскій окружной судъ, 654об-655*, земские суды

(Курганский, Тарский, Ялуторовский), окружные полицейские управления (Курганское, Тюменское).

Особого внимания заслуживают синонимичные наименования учреждений. Так, в текстах находим словосочетания *палата уголовного суда* (Подольская, Полтавская, Уфимская) и *уголовная палата* (Владимирская, Киевская, Самарская, Саратовская, Уфимская). При этом первое словосочетание необходимо отнести к терминам (полное и четкое наименование учреждения), а второе – к профессионализмам (сокращенная форма названия, бытующая в разговорной речи).

Все вышеперечисленные наименования относятся к министерскому делопроизводству, сложившемуся в начале XIX века. Как архаизм, как напоминание о приказном делопроизводстве, существовавшем в России до преобразований Петра Первого, выглядят названия Тобольского и Тюменского Приказов о ссыльных (294об., 468; по 4 словоупотребления).

По приведенным данным можно судить о географии проживания ссыльных: в основном это центральная Россия (Калуга, Ярославль, Самара, Вятка, Подольск, Саратов, Владимир, Уфа), а также украинские (Чернигов, Полтава, Киев), польские (Варшава), молдавские (Бессарабия) территории.

В текстах находим названия юридических документов: записка (список, опись, документ с изложением какого-либо дела): *въ алфавитъ записки*, 294; окладъ: *изъ податнаго оклада*, 268; отношение (деловая, служебная бумага к лицу равному, не подчиненному и не начальному): *по отношенію Каз. (казенной) палаты от 7 марта 1870 года № 1853, зачислен*, 316; *статейный список о ссыльномъ*, 266 (16 словоупотреблений); *увѣдомленіе послано*, 654об-655; *указъ*, 27об-28 (6 словоупотреблений).

Встречаются названия лиц по должности: *Бухгалтеръ*, 468; Голова (начальник): *правиль Голова*, 242об-243; *слушаль кандидатъ Головы*, 27об-28; *за Городничаго*, 93об-94; *Дѣлопроизводитель подписаль*, 654об-655; *распоряженіе министра*, 93об-94; *за писаря*, 27об-28; *ксендз*, 699об-700; *письмоводитель*, 32об-33; *секретарь скрепиль*, 391об-392; *совѣтникъ*, 391об-392; *столоначальникъ*, 352об-353; *членъ Приказа* (приказ – учреждение), 468.

В текстах широко представлена лексика и фразеология, связанная с судопроизводством. Это прежде всего названия осужденных лиц: *арестантъ*, 391об-392; *подсудимый*, 266об-267; *политический ссыльный*, 93; *поселенець*, 27об-28; *ссыльный*, 266 (7 словоупотреблений), *ссыльная*, 468; *сосланный на житье*, 32; *ссылаемый на житье*, 399.

Преступления / правонарушения и виды наказания осужденных представлены словосочетаниями:

- преступления / правонарушения: виновный в кражу вѣщей и укрывательство краденнаго, 654об-655; за взятіе обманомъ денегъ, 399об-400; за воровство и мошенничество, 27об-28; за кражу лошади, 339об-340; за дурное повѣденіе, 44об-45; за передачу капсулей съ злонамеренной целью по политическимъ событіямъ въ Польшу, 699об-700 (капсюля – форма, приспособление, футляр, в которые выливают, помещают что либо); за разныя кражи, 93об-94; за разныя противозаконныя поступки, 396об-397; за укрывательство воровскаго, 352об-353;

- виды наказания: лишень чиновъ и медалей, 699об-700; лишень въсехъ правъ состоянія и преимуществ, 27об-28; отправленъ подъ надзоръ полиціи, 93об-94; по выдержаніи въ тюрьмѣ отданъ подъ надзоръ общества, 399об-400; приговоренъ къ высылкѣ, 296об-297; присужденъ къ заключенію в рабочій домъ (смирительное, наказательное здание специального назначения) или... въ тюрьму, 266об-268; причисленъ въ Городъ Курганъ подъ надзоръ полиціи, 32об-33; сосланъ на житье въ Сибирь, 399об-400; ссылается въ Сибирь на водвореніе, 339об-340.

При описании личности ответчика обязательно указывались его семейное положеніе: вдовъ, 296об-297; въ замужествѣ первымъ бракомъ... сынъ отъ первой жены мужа, 468об-469; жена есть, 32об-33; женатъ первымъ бракомъ, 294об-295; семейства не имѣеть, 699об-700; холостъ, 391об-392; вероисповѣданіе: православной, 32об-33 (7 словоупотребленій); римско-католической, 699об-700; могометанъ православной (новокрещенный, переведен из исламской веры в православную), 339об-340; профессиональная деятельность: мастерства не знаетъ, 352об-353, 654об-655.

Поскольку преступника нужно было идентифицировать, его внешность тщательно описывалась. Для этого следователь рисовал очень подробный словесный портрет, особое вниманіе обращая на цветъ волос, глаз, форму и величину носа, величину рта, затем описывался овал лица и отмечались особые приметы. Приведѣмъ примеръ описанія внешности человека: *волосы на голову свѣтлорусые глаза голубыя носъ ротъ малые зубы бѣлыя подбородокъ круглый лицъ продолговатое щѣки впалые лобъ большой усы рыжіе*, 27об-28.

Цветъ волосъ характеризовался как *черный, светло-русый, тѣмно-русый, бѣлый, рыжий, с проседью, седой*, то есть черезъ традиционные и для современного русскаго языка обозначенія. То же самое можно сказать о цветѣ глаз: *голубые, черные, карие, свѣтлые*. Лицо характеризуется по несколькимъ критеріямъ: по овалу (*круглое, продолговатое*), по цвету кожи (*смуглое, бѣлое, чистое*), по наличію отличительныхъ особенностей (*виноватое* (вина – пятно), 311об, 316; *выше лѣвой брови шрамъ*, 311об, 316; *на правой щѣкѣ двѣ родинки*, 27об-

28; *бокенбардамъ прорези*, 294об-295). Далее характеризовался рост человека (*росту средняго*, 311об, 316), его телосложение (*тѣлосложенія крѣпкаго*, 399об-400) и отмечались его особые приметы (*на правой рукѣ на большиомъ пальцѣ рубецъ*, 44об-45; *особыхъ примѣтъ не имѣеть*, 294об-295).

Это стандартное описание осуждённого. Оно стилистически нейтрально, лишено эмоциональной окраски, что уже стало характерной чертой официально-делового стиля.

В статейных списках имеет место и бытовая лексика, в частности, названия одежды и обуви, в которых подсудимый отправлялся в ссылку: *снабженъ козенною одеждою... шапкою коженными рукавицами... двумя рубахами портами брюками армякомъ полушубком котами онучами и мѣшкомъ*, 391об-392; *въ собственной одеждѣ*, 468об-469. При этом отмечалось наличие или отсутствие собственных денег: *снабженъ кормовыми деньгами*, 399об-400; *собственныхъ денегъ нѣтъ*, 654об-655.

В статейных списках находим 24 личных имени и фамилии. Они подтверждают географию проживания ссылных, о чем свидетельствуют документы, присланные на них в Тобольскую губернскую палату: *Блажій (Бучинскій) – изъ дворянъ Подольской губерніи*, 93об-94; *Петръ Логиновъ – муромскій мѣщанинъ*, 32об-33; *Степанъ Павловъ Чижукъ – изъ Подольской губерніи... города Хмельники*, 266об-268; *Антонъ Мошнягъ – мѣщанинъ г. Аккермана Бессарабской области*, 296об-297; *Мратханъ Силимъ Яваровъ – изъ Бѣлбеевскихъ мѣщанъ (Уфа)*, 339об-340; *Владимиръ Нарцымовичъ Роніевскій – изъ дворянъ Варшавской Губерніи*, 699об-700; *Семень Шинкаренко – мѣщанинъ Города Стародуба Черниговской волости*, 391об-392.

Административно-юридическая и бытовая лексика второй половины XIX века, представленная во всем многообразии смысловых оттенков, делает статейные списки ценным источником для исследования словарного состава русского языка данного периода.

Таким образом, анализ статейных списков позволяет решать многие вопросы истории русского языка, и в частности, рассматривать историю слов с точки зрения их происхождения, сферы употребления, принадлежности к активному / пассивному запасу, стилистической маркировки.

Список использованной литературы

Сабенина А. М. Статейные списки и их значение для истории русского языка // Русский язык. Источники для его изучения. – М.: Наука, 1971. – С.59–84.

Словарь русского языка XI-XVII вв.: Вып. 1–29. – М.: Наука, 1975–2011.

Словарь русского языка XVIII века: Вып. 1–17. – Л.–СПб, 1984–2007.

Словарь русского языка: В 4 т / А. П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1984–1985.

Указы Тобольской казенной палаты о причислении к Курганскому округу ссыльных и сосланных на переселение и поселение. Статейные списки ссыльных [ГАКО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. 778 л.].

ПРИЕМ КОММЕНТИРОВАНИЯ И ЕГО ФУНКЦИИ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

А.И. Хорошилова*

Различные аспекты межличностного взаимодействия, осуществляемого при посредстве языка, представляют собой центр исследовательского внимания современной гуманитарной мысли. Это обуславливает актуальность изучения процесса отображения индивидуальных характеристик личности говорящего, значимых в пределах того или иного типа дискурсивной практики. Совокупность соответствующих речевых смыслов определяется Дж. Лайонзом как локутивная субъективность, под которой исследователь понимает «выражение агентом локуции (говорящим или пишущим) своих мыслей и чувств в акте высказывания. <...> самовыражение при использовании языка» [Лайонз 2003: 354]. Отмечается при этом, что «Самовыражение не может быть сведено к выражению пропозиционального знания и мнений. ... «я», выражаемое агентом локуции, является продуктом его социальной и интерперсональной ролей, которые он (или она) играл в прошлом, и оно проявляет себя социально узнаваемым способом в той роли, которую он (или она) играет в контексте высказывания» [Лайонз 2003: 356].

В рамках функционального подхода к исследованию языковых единиц обозначенная проблематика традиционно связывается с вопросами грамматической организации категории субъективной модальности. Несмотря на то, что данный аспект языковой семантики имеет длительную историю изучения, можно признать, что на настоящий момент не существует единообразного понимания категориального статуса субъективной модальности. Не имеет единого решения и вопрос о статусе субъективно-модального значения как обязательного или факультативного компонента в пределах высказывания.

Решение обозначенного спектра вопросов находится в зависимости как от понимания семантического объема рассматриваемой категории, так и от методологических принципов исследования. В том случае, если во внимание принимается прежде всего комплекс эксплицитно выраженных средств квалификации высказывания, обозначающих в его рамках отношения говорящего к сообщаемому, отсутствие формально выраженного показателя позволит говорить об

* Хорошилова Антонина Ивановна – аспирант кафедры общего и славяно-русского языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета (ФГБОУ ВПО «ВГСПУ»).
Научный руководитель: Супрун Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор.

отсутствии в высказывании значения субъективной модальности. Рассмотрение обозначенных речевых смыслов в рамках методологии когнитивного и коммуникативного исследования предполагает широкое понимание соответствующей категориальной семантики. Субъективно-модальное значение при этом определяется как имманентный признак любого высказывания на естественном языке, что обуславливается самим процессом речемышления.

Исследование и описание субъективно-модального компонента текста имеет свою специфику. Это обуславливается тем, что по наблюдениям И. Р. Гальперина, «Если фразовая модальность выражается грамматическими или лексическими средствами, то текстовая, кроме этих средств, применяемых особым способом, реализуется в характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств [Гальперин 1981: 115].

Одним из ведущих средств актуализации субъективного начала в тексте, таким образом, можно признать прием комментирования. В. И. Карасик определяет комментарий как жанр герменевтического дискурса, который «представляет собой вторичное текстовое образование и выполняет функции разъяснения, подтверждения, уточнения и критической оценки информации, которая содержится в исходном тексте» [Карасик 2010: 295]. При этом отмечается, что «важнейшими когнитивными координатами в моделировании смысла» в данном случае «являются три феномена – знание, понимание и интерпретация» [Карасик 2010: 280]. Соответствующий текстовый фрагмент имеет двучастную структуру, состоящую из фактологического и оценочного компонентов

Необходимо отметить особый статус комментария в пределах литературной критики, что обуславливается самой природой литературно-критического дискурса, основу которого составляет процесс интерпретации, вербального осмысления того или иного факта или явления действительности, сочетающего логическую оценку и индивидуальное эмоциональное переживание. Это позволяет рассматривать прием комментирования в качестве текстообразующего компонента в пределах литературно-критического текста.

Представляется возможным разграничение нескольких семантических типов комментария. По нашим наблюдениям, одним из основных конститутивных приемов построения литературно-критического текста является метатекстовый комментарий внешней направленности. Данный тип комментария содержит апелляцию к другому тексту, при этом ссылка может представлять собой как непосредственное цитирование (дословное воспроизведение фрагмента текста, сопровождаемое указанием на источник), так и косвенное, описательное упоми-

вание, пересказ: *Илья Кукулин в своей исключительной по глубине мысли и тем вернее встреченной коллегами в штыки статье уже перечислил основные дебаты площадки 2000-х* [Кузьмин 2012: 190]; *Пресс-релиз нынешнего года обтекаемо констатирует: «Увеличился объем конкурса»* [Кузьмин 2012: 186].

Функции обозначенного компонента могут быть различны: подобный тип комментария может служить как для реализации установки на полемику при посредстве обозначения позиции своего оппонента, так и для определения места собственного понимания того или иного феномена в некоем идейном и проблемном пространстве мнений, своего рода знакомством предполагаемой аудитории с иной точкой зрения на рассматриваемые вопросы. Формальными показателями в данном случае являются единицы, указывающие на обращение автора текста к чужому мнению (чужой речи): кавычки, эвиденциальные квалификаторы, оформляющие значение пересказа, конструкции косвенной речи и такие метаоператоры, как *пишет, продолжает (речь, говорить)*, соотносимые с третьим, реже вторым, лицом; а также слова-именования текста, такие как *статья, отклик, стихотворение* и сходные, которые служат для оформления фрагмента цитируемого или анализируемого текста, в некоторых случаях его обозначения или ссылки на него в общем контексте.

Специфической формой метатекстового комментария, свойственной для литературной критики, и имеющей в ее рамках характер системного и основополагающего элемента является апелляция к тексту-объекту критического анализа. Соответствующие фрагменты также могут быть представлены в контексте различным образом – как в форме цитирования, так и описательно, например, пересказом краткого содержания анализируемого произведения, характеристикой специфики его стилистической организации. Данный тип комментария реализует в тексте литературно-критической статьи различные функции. Он может употребляться как для ознакомления читателя с объектом анализа, так и для «фокусировки» его внимания на деталях, которые показались критику наиболее важными, что актуально и в случае негативной оценки (при этом привлекаются неудачные с точки зрения критика детали текста). В некоторых случаях происходит подчеркнутая диалогизация дискурса, своего рода «приглашение» читателя к размышлению вместе с критиком. Комментирование текста-объекта таким образом реализует ключевые коммуникативные задачи литературной критики, а именно служит раскрытию и сообщению смыслов, неуловимых для читателя-неспециалиста, и одновременно с этим привлекает новую аудиторию анализируемого текста. Значимой функцией апелляции к тексту-объекту является также обоснование собственной оценки, применение его в ходе аргументации.

В статье Д. Кузьмина «Поколение «Дебюта» или поколение «Трансли-та?»» видим следующее. Анализируя текст, критик приводит цитату и оформляет ее предложением-метаоператором: *В частности, у соперника Чарыевой по «Литературрентгену» Андрея Черкасова тоже есть свой луг и свой маршрут:*

*Лист оцинкованный стальной,
Лист оцинкованный рифленый,
Летим со мной
Над всей страной –
Туда, где лист зеленый.*

Далее следует комментарий, содержащий интерпретацию приведенного фрагмента:

Этот «луг зеленый» не скрывает своего фольклорного происхождения – тем контрастнее противопоставляясь «листу оцинкованному», залетевшему из какого-то прайс-листа металлопрокатного производства: постпозиция прилагательного в равной мере отличает эти два полярных друг другу стиля речи от литературной нормы. В зазоре между народно-поэтическим и промышленно-бюрократическим в аккурат помещается вся страна. Но это лишь автоэпи-граф к стихотворению [Кузьмин 2012:183].

Отдельным объектом комментирования может становиться какой-либо факт текста, например образ персонажа: *Игнаха Сопронов — сквозной персонаж трилогии, крестьянин-бедняк, который в идеологической системе советской власти должен стать (и становится) одной из опор нового мира. Он носитель справедливости, обновления, живое воплощение народа, получившего свободу, землю и готового устраивать рай на земле [Журов 2013].*

Одной из специфических форм актуализации субъективно-модальной семантики можно признать включение в текст фрагментов, содержащих непосредственные личные переживания, воспоминания, впечатления автора, являющих собой комментарий событийного плана: *Помню, в писательском доме Пицунды в начале восьмидесятых Чухонцев читал свою городскую повесть «Однофамилец» (Наталья Иванова тоже должна это помнить). Дело было у Андрея Битова, который недавно закончил своего «Человека в пейзаже». Внезапное художественное сопряжение двух текстов было поразительным. Стихи и проза были родственны печальным смыслом: жизнь интеллигенции превращалась в пьяный фантом, в пустоту слов, в нравственную необязательность, в раздвоенность души [Сидоров 2007].*

В данном случае необходимо отметить значимость употребления глаголов речевой и мыслительной деятельности в форме первого лица, упоминание конкретных лиц, мест и событий. Посредством этого происходит построение осо-

бенной дискурсивной тональности: усиление художественности, формирование интонации доверительности, обусловленное ориентацией критика на установление своего рода эмоционального диалога с предполагаемым читателем. Этот тип комментария также может употребляться в качестве своеобразного доказательства достоверности приводимых фактов, особенно в тех случаях, когда автор обозначает себя как непосредственного наблюдателя или участника событий: *За последние годы я поработала в разных жюри разнообразных премий; одну сама придумала (премия Ивана Петровича Белкина – за повесть года)* [Иванова 2004].

Отдельно нами рассматривается также комментарий рефлексивного типа, а именно авторский комментарий собственного высказывания. В первую очередь это непосредственная оценка высказывания (например, с точки зрения уместности), а также имитация хода рассуждения, характеристика процесса работы над собственным текстом: *Присутывая к этой статье, я вовсе не предполагала отклоняться от принятого критически-литературоведческого, с академическим налетом (насколько он может налететь на статью о литературе постмодерна), линейного и даже последовательного дискурса. ... Попытавшись вжиться во фрагментарность и дискретность времени современных литературных произведений, я потеряла способность описывать, анализировать и интерпретировать целое и целостно. ... В этой статье, неизбежно неполной и отрывочной, я буду говорить о слове и времени в их соотносительности, в их — как все более и более выясняется — жесткой взаимообусловленности* [Касаткина 2000]. Обозначенные структурные элементы могут употребляться с целью создания дополнительного прагматического эффекта: стилизации разговорности, непосредственности, что может служить, например, для смягчения категоричности высказывания. Комментарий-рефлексив применяется также в ходе объяснения цели того или иного речевого акта: *Разбирая столь подробно стихи двух авторов <...> я стремился продемонстрировать прежде всего уровень постановки задачи* [Кузьмин 2012: 186]. При этом, полагаем, в данном случае имеет место именно имитация фиксирования непосредственного момента процесса речемышления, так как письменный текст, в отличие от спонтанной речи, не является экспромтным, следовательно, можно признать, что все компоненты его структуры неслучайны, употреблены с определенной целью и реализуют свою функцию.

Значимость комментария в структуре литературно-критического дискурса определяет его исходная «вторичность» по отношению к тексту. (При этом текст может пониматься расширительно, в семиотическом ключе, например, в тех случаях, когда объектом критического рассмотрения становится, например,

языковая личность писателя, или гипертекст его произведений, или какое-либо явление, та или иная тенденция). Это свойство отмечал Р. Барт, в понимании которого литературная критика является «слово о слове, это вторичный язык, или метаязык (как выражаются логики), который накладывается на язык первичный (язык-объект)» [Барт 1989: 272]. Полагаем возможным разграничение собственно метаязыкового комментария, как внешней, так и рефлексивной направленности, который определяется нами как частный случай реализации метаязыковой функции языка (то есть возможности исследования и описания языка в терминах самого языка [Слюсарева 1998: 564]). Семантика и функция соответствующего компонента текста заключается в характеристике речевого произведения как языкового факта. Наличие теоретико-литературной составляющей литературно-критического дискурса предполагает обращение к анализу стилистической формы, речевого воплощения авторского замысла, что обуславливает включение специфических метаязыковых компонентов, единиц терминологического описания: *аграмматизм оборота; редкий архаизм; ритмический рисунок; звукопись; поверхностные свойства текста; ...хореический автоэпиграф зарифмован, и даже с избытком <...> но в финале из всего этого выкристаллизовывается весьма своеобразный Другой стих: с сильной анапестической тенденцией, нарушаемой в непредсказуемых местах, и с рифмой, которая то ли есть, то ли нет* [Кузьмин 2012: 185]. Наличие соответствующих операторов указывает на то, что объектом внимания критика становится языковая форма стихотворения, вместе с тем ее анализ позволяет совершить выход в смысловое пространство произведения. Происходит понимание «значения» текста через интерпретацию его «звучания». Особого внимания также заслуживает, на наш взгляд, употребление метаязыкового комментария в качестве характеристики человека по его языковому поведению: *ведущая <...> запомнившаяся главным образом причудливыми ударениями в фамилиях* [Кузьмин 2012: 178].

Отметим, что обозначенные типы комментария не только не являются взаимоисключающими в пределах одного текста (что представляется очевидным), но и вступают в отношения взаимодействия, служащего экспликации авторской оценки текста.

Список использованной литературы

- Барт, Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 615 с.
- Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 198. – 139 с.
- Журов, А.* Василий Белов: опыт разлома // Новый мир. – 2013. – № 9. [Электронный ресурс] // http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/9/.
- Иванова, Н.* Литературный дефолт // Знамя. – 2004. – № 10. [Электронный ресурс] // <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/10/>.
- Карасик, В. И.* Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010. – 422 с.

Касаткина, Т. Литература после конца времен // Новый мир. – 2000, №6. – http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/6/.

Кузьмин, Д. Поколение «Дебюта» или поколение «Транслита»? // Новый мир. – 2012 – №3. – С. 177–192.

Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика. Введение. М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.

Сидоров, Е. Поэзия как диагноз // Знамя. – 2007. – №12. [Электронный ресурс] // <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/12/>.

Слюсарева, Н. А. Функции языка // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 564–565.

ПОВТОР КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ РАССКАЗОВ ВАСИЛИЯ ЮРОВСКИХ

С.А. Черницына*

Юровских Василий Иванович (1932–2007) – журналист, писатель.

Родился в селе Юровке Далматовского района Курганской области в крестьянской семье. Учился в Уксянской средней школе (позднее сдал экстерном на аттестат зрелости) и работал в колхозе. Служил в составе группы советских войск на территории Германии. После демобилизации свыше двадцати лет работал сотрудником, ответственным секретарем, заведующим отделом, заместителем редактора в районных газетах Уксянского, Белозерского, Далматовского и Шадринского районов, в городской газете «Шадринский рабочий». Образование получил на заочном отделении факультета журналистики Уральского государственного университета и на литфаке Шадринского пединститута.

Увлечение словом началось рано. С детских лет сочинял стихи, записывал бабушкины «сказания». Печатается с 1965 года (рассказ «Гончатники»). С конца 60-х гг. его рассказы публикуются на страницах журналов «Новый мир», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъем», «Урал» и др., а в 1968 году в Челябинске вышла первая книга лирических миниатюр «Снежное утро».

С 1990 по 1995 г. был членом правления Союза писателей России. Награжден Почетной грамотой Верховного совета РСФСР (1983 г.), медалью «За трудовую доблесть» (1986 г.) [по материалам Википедии].

Все его творчество уходит глубокими корнями в природу и быт Зауралья. О языке произведений самобытного зауральского писателя не раз восторженно отзывались известные писатели и поэты. Евгений Носов в предисловии к сборнику «Материнское благословение» дал точное и глубокое определение характеру и методу творчества Василия Юровских: «Он не хочет оставаться простым

* Черницына Светлана Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

только потребителем уже устоявшегося литературного языка – он его активный творец и пополнитель. И реставратор одновременно. Любовно и бережно он очищает от архивной пыли незаслуженно забытые в суете слова и, вписывая их к месту, заставляет сызнава звучать веско и молодо» [Носов 1979: 15].

Из письма Виктора Астафьева: «Читал твой «Веснозапев», словно сахарок сосал. Талантливый ты художник! Так и держи. Прекрасно пишешь, все зримо, ощутимо до крайности, хорошо, достоверно. Мне так захотелось вместе с тобой побывать в лесу по весне или в клубничную пору летом...» [Астафьев 2009: 254].

Федор Абрамов писал: «Дорогой Василий Иванович! Вот и ты вышел в большие глубины – я имею в виду размеры книг. Поздравляю от всей души, ибо раньше твоя песенка была сродни птичке полевой, жаворонку, а теперь ты запел басом – с кем тебя сравним из пернатых? Пожалуй, надо в звериное царство заглядывать...» [материалы сайта <http://www.fabramov.ru>].

Валентин Распутин: «Книжка прекрасная: я имею в виду и то, как издана, и, главное то, что в ней. Это большая радость и радость, чтобы тексту, духу книжки было найдено столь точное, уютное и добротное жильё, этакий терем-теремок. У меня ведь дочь, которой исполнилось на днях восемь лет, и мы с ней твою книжку по вечерам читаем» (о книге «Материнское благословение», 1979 год) [Яган 2007: 56].

Иван Яган в своей новелле, посвящённой творчеству земляка, называет его «наш Пришвин» и с болью говорит: «Отпел, отщебетал зауральский соловей. Но его песня будет слышна еще долго. Его песни – книги, которые он нам оставил» [Яган 2007: 57].

В чём же заключается секрет неповторимого языка рассказов Василия Юровского? Сам писатель объяснял это так в своём рассказе «Материнское благословение»: «Бывает, напишет кто-то языком матери-земли, а другому слова его корявыми покажутся. Ну и вырежет он их, как ту сушинку: ровно да гладко станет, как на асфальте, только... безголосо. Невдомёк иному: слово-то, с виду корявое, и было той самой певучей сушинкой – материнским благословением» [Юровских 1979: 36].

На наш взгляд, одним из приёмов, индивидуализирующих язык писателя, является его обращение к дефисному повтору, который уходит своими корнями в народное творчество и всегда являлся одним из важнейших принципов структурной и семантической организации фольклорного произведения: это и двойные эпитеты (бел-горюч камень), и двойные названия (травя-мурава, стёжки-дорожки), и редупликация, основанная на прямом повторе, синонимии или фонетическом созвучии (баю-бай, плакали-рыдали, трень-брень).

Принципу повторяемости в произведениях устного народного творчества уделялось много внимания в работах языковедов-исследователей. В целом ряде публикаций освещены различные аспекты повторяемости в фольклорных текстах. Т.М. Акимова выделяет важные функции разных видов повторов в тексте народной лирической песни, среди которых уточнение мысли фольклорного произведения и усиление эмоционального звучания песни [Акимова 1987]; Е.Б. Артеменко рассматривает различные типы повторяемости в русской лирической песне и выявляет их функциональную специфику [Артеменко 2004]; Н.Д. Гусарова исследует функции лексического повтора в тексте народной былины [Гусарова 1986]; Л.В. Зубова отмечает влияние разных видов тавтологии, которая является отличительной чертой текстов русского фольклора, на стилистику художественного произведения [Зубова 2000] и т.д.

Учёные справедливо отмечают, что явление повтора в фольклорном тексте объясняется устным бытованием фольклорного произведения. Повторяемость в произведениях устного народного творчества придает им живописность, плавность, напевность; способствует замедлению развития действия в фольклорном произведении. Таким образом, «повторяемость — это одна из ведущих текстовых категорий, участвующих в структурно-смысловой организации фольклорного текста» [Лихачев 1979: 225], в создании экспрессивности, в привлечении внимания читателя (слушателя) к важным в смысловом отношении описаниям.

Рассмотрев предложенные исследователями типологии, можно выделить следующие семантические разновидности дефисных повторов:

- *синонимический повтор* – соединение синонимических понятий, а также родо-видовых пар, усиливающее единую семантику высказывания;
- *повтор-эпитет* – при котором один из соединяемых компонентов обозначает признак другого;
- *метафорический повтор* – или повтор-сравнение, в котором объединены объект и предмет сравнения в образном представлении автора.

Рассматривая дефисно оформленные повторы в рассказах Василия Юровских, мы находим примеры всех перечисленных типов:

Синонимические повторы: *зацеписто-своробливую шипику, суконно-ворсистые дудки пиканника, ясно-вёдреное небо, заветно-сердечное свидание* («Сухостоина»); *расплескать-разбрызгать, птенец-канючонок* («Сыновний зов»); *камыш-крестовник, кольнет-ворохнется сердце, кроваво-багряная ягода* («Вожаки»); *звучат-живут во мне наказы отца* («Истоки»); *вынырнет-поднимется, приелась-надоела, похрустывать-поскрипывать, освежить-*

обдуть, перебрать-переглядеть («Заступницы»); *строго-пронзительный Афанасий, резко-короткие слова, всполошатся-взметнутся* («Веснозапев»).

Повторы-эпитеты: *гибко-стеблистая пшеница, полуношник-козодой, жар-день, сучок-сушинка* («Сухостоина»); *трудяга-мураш, густо-сладкая смородина*(«Истоки»); *сорочонок-слепыш* («Сыновний зов»); *заступница-матаня, крохи-комарики*(«Заступницы»); *заискать-заспрашивать, прохладно-бодро, задумчиво-защуренные ягоды* («Куст ирги»); *песенка-светлинка* («Веснозапев»).

Метафорические повторы: *детски-розовый утренник, мозолисто-шершавая кора, дырка-зевок, упрятала-проглотила язык в клюве* («Сухостоина»); *лопухи-ладони, осока-шумиха* («Истоки»); *корни-жилы, опоясал-вырезал* («Седая берёза»); *камыш-ресницы* («Сыновний зов»); *зябко-синий дымок* («Вожаки»); *заиндевело-пыльные ягоды* («Куст ирги»); *ржаво-полосатобрюхий разбойник*(«Заступницы»); *осень ясно-ласковая, дождик-бусенец, коричневатозипунного цвета* («Веснозапев»); *вытела звонко-серебристо* («Своя песня»).

«Особинкой» в организации такого рода повторов у Юровских можно считать включение в их состав местных диалектных компонентов: *своробливый* (от *свороб* – зуд, чувство и состояние места кожи, где горит, щекочет и болит или чешется), *ведро* (хорошая, ясная погода), *матаня* (зазноба, подруга), *шипка*(*шиповник*) [Даль 2002]; просторечных и окказиональных формы слов – *полуношник, мураш, заискал*.

Но кроме повторов, которые вписываются в представленную семантическую классификацию, мы находим в рассказах Василия Юровских варианты, когда в смысловом отношении сближаются и дефисно оформляются слова, не являющиеся однородными по смыслу: *полосато-оскаленная оса, морщинисто-материнские ладони, печально-материнский вздох, зелёно-сочные дудки ягеля, поднебесно-берёзовые леса, трескуче-путаная скороговорка, осадисто-толстая жена, охрово-линялая рубаха, коряво-бурые щепотки камыша, зелёно-ситцевая рубаха, толсто-прохладные листья*. Обычно это соединение качественного и относительного прилагательного – определений одного существительного (материнские морщинистые ладони). Оформление этих слов в общую конструкцию делает речь более лаконичной и в то же время напевной. При этом семантическая сторона высказывания отнюдь не изменяется и понятие даже становится более зримым, выпуклым. Некоторые учёные склонны относить такие конструкции к окказионализмам.

Другой особой разновидностью дефисных написаний является соединение однородных членов предложения: *наведалась-ушмыгнула, обшаривали-осваивали* (осваивать – оббегать, обходить всё вокруг), *бормотал-улыбался,*

удивленно-огорчительно добавляет. Эти повторы семантически сближаются с осложнёнными сказуемыми.

Встречаются в рассказах Юровских и устойчивые фольклорные дефисные элементы: *бел-горюч камень, соловей-разбойник, моря-окияны, плакун-трава, жив-здоров*; и осложнённые глаголы-сказуемые, характерные для разговорной речи: *успевай-имай, смотри-не оплошай*.

Реже можно увидеть структурные повторы – фонетические варианты: *на веку-волоку*, простую редупликацию: *много-много, чуть-чуть, совсем-совсем* редупликацию с морфемным осложнением: *хвалила-похваливала*.

Такое обилие дефисных написаний в рассказах Василия Юровских создаёт особую песенную стихию, сближающую его творчество с поэтическими фольклорными традициями. Ю. Селезнёв в предисловии «Своя песня» к сборнику писателя «Сыновний зов» пишет: «Умейте ценить жизнь во всех ее проявлениях, не разучитесь удивляться этому великому чуду – и она раскроется вам в своей красоте поэзии; найдите в себе талант и смелость взглянуть на мир глазами восхищенного человека, будьте сердцем как дети – вот чему учит нас эта книга маленьких рассказов Василия Юровских, большая часть которых написана в жанре, напоминающем либо тургеневские «Стихотворения в прозе», либо пришвинские «Незабудки». Некоторые, лучшие из них, я рискнул бы назвать песнями в прозе; поэтика таланта Василия Юровских действительно во многом сродни поэтике именно, русской народной лирической песни» [Селезнёв 1982: 4].

Самобытное творчество нашего земляка, и особенно его неповторимый язык, ещё ждёт своего исследователя.

Список использованной литературы

Акимова, Т.М. Русская народная лирическая песня: очерки истории жанров/ Т.М. Акимова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 168 с.

Артеменко, Е.Б. Миф. Фольклор. Эстетика тождества // Этнопоэтика и традиция. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 57-67.

Астафьев, В. П. Нет мне ответа... / В. Астафьев. – М.: Сапронов, 2009. – 720 с.

Гусарова, Н.Д. Вариативный лексический повтор в языке севернорусских былин/ Н.Д. Гусарова. – Л.: Просвещение, 1986. – 14 с.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 2 т. / В.И. Даль. – М.: ОЛМА- ПРЕСС, 2002. – 2680 с.

Зубова, Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка / Л.В. Зубова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 432 с.

Лихачев, Д.С. Куликовская битва в истории русской культуры // Памятники Отечества. – М.: Просвещение, 1979. – Кн. 4. – С. 244–256.

Юровских, В.И. Материнское благословение/ В.И. Юровских// Предисловие Е. Носова. – М.: Детская литература, 1979. – 128 с.

Юровских, В.И. Сыновний зов/ В.И. Юровских// Предисловие Ю. Селезнёва. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1982. – 280 с.

Яган, И.П. Многоликая и самобытная/ И.П. Яган. – Куртамыш: Куртамышская городская типография, 2007 – 168 с.

Электронные ресурсы

Материалы сайта Википедия.

Материалы сайта Ф. Абрамова <http://www.fabramov.ru>.

Материалы сайта Управления культуры Курганской области <http://kultura.kurganobl.ru/3642.html>.

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА В РОМАНАХ В. НАБОКОВА «МАШЕНЬКА» И Г. ГАЗДАНОВА «ВЕЧЕР У КЛЭР»

Н.И. Шिताкова*

Категории «пространство» и «время» являются важнейшими составляющими как общеязыковой, так и авторской картины мира, ключевыми концептами культуры. На современном литературоведческом этапе хронотоп признается текстовой универсалией, которая формируется целым рядом приемов, в частности употреблением лексики с пространственно-темпоральной тематикой, развернутой системой времен, динамикой развития сюжета, сменой композиционной формы.

Пространственно-временная организация художественных произведений крупнейших писателей «незамеченного поколения» Русского Зарубежья В. Набокова и Г. Газданова имеет сложную разветвленную структуру. В настоящей статье рассмотрим особенности бытового и личного хронотопов, которые раскрываются уже в первых романах художников: «Машенька» Набокова и «Вечер у Клэр» Газданова. Набоков и Газданов выделяют социальное, падшее объективированное время, соответствующее миру внешнему, и время экзистенциальное – личное время, время творческого акта, открывающегося в мгновение – вечность. Подобный творческий акт характеризуется в первую очередь свободой творца и, как и в представлении А. Бергсона, неделимостью темпоральности [Бергсон 1911: 70]. Прошлое, настоящее и будущее время в концепции Набокова и Газданова сливаются, образуя мгновение-вечность.

Сюжет романов образует не любовная коллизия, а воспоминания главного героя. Б. Аверин пишет: *«У Набокова возникает новый тип сюжета – сюжет воспоминания. В предшествующих романах процесс воспоминания был упразднен, сохранялся и был важен только результат воспоминания. Набоков же сосредоточил свое внимание именно на процессе воспоминания»* [Аверин

* Шिताкова Наталья Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Орёл ГАУ».

2003: 10]. Машенька выполняет в тексте функцию «проводника» памяти. Именно после того, как Ганин видит любимую на фотографии, начинается процесс воспоминания. События произведения с этого момента развиваются в реальном мире – ему соответствует реальное время, и трансцендентальном, для которого характерно время воспоминаний.

«Вечер у Клэр» был назван в критической литературе романом-воспоминанием [Осоргин 2009: 29]. Настоящее героя – его встреча с любимой женщиной – во-первых, занимает сравнительно немного места в художественном пространстве, а во-вторых, служит поводом к началу воспоминаний. Следует отметить, что Николай не сразу обращается к воспоминаниям о Клэр (как Ганин в романе «Машенька»). Герой вспоминает все предшествующее встрече с ней: детство, родителей, свои увлечения.

Если в случае с Ганиным воспоминания разворачиваются от неожиданно увиденной им на фотографии его первой любви – Машеньки, то Николай из «Вечера у Клэр» погружается в прошлое после реальной встречи с возлюбленной, после долгих лет разлуки с ней. Заявленная в названии и ожидаемая читателями любовная коллизия трансформируется, и возникает совершенно новая, модернистская, модель повествования, доминирующим сюжетобразующим элементом которой становятся воспоминания героя. Если для традиционной литературы присуще упразднение процесса воспоминаний, то Набоков и Газданов сосредоточили свое внимание именно на нем.

Представления о настоящем и мире воспоминаний и соответственно двух типах времени реализуются у Набокова через грамматические категории глагольных форм. При описании реальности Набоковым используются глаголы в форме прошедшего времени: *«подтвердил Ганин», «он впал в туманную дремоту», «Людмила была весела»*. Воспоминания начинаются с введения автором глагольных форм настоящего времени: *«Лежишь, словно на волне воздуха... лежишь, плывешь и думаешь о том, что скоро встанешь»* [Набоков 1990: 56-57]. Автором, таким образом, подчеркивается ведущая роль воспоминаний.

Некоторыми исследователями отрицается существование в набоковской прозе действительности [Гёблер 2001: 45]. По мнению ученых, герои произведений данного автора уходят от реальности в придуманный ими мир вечных грез. [Гёблер 2001: 35] Данная мысль не совсем верна. Во-первых, действительный и трансцендентальный миры, тесно переплетаясь, сосуществуют в сознании Ганина: *«Дойдя до конца аллеи, где сияла в темной зелени хвой белая скамья, он повернул обратно, и далеко впереди в пролете между лип виден был оранжевый песок садовой площадки и блестящие стекла веранды»* [Набоков 1990: 58]. Первая половина предложения до слов «далеко впереди» повествует

о берлинской прогулке героя, далее автором рисуется пейзаж русской усадьбы. Происходит совмещение признаков *«настоящего актуального и настоящего исторического»* [Аверин 2003: 159].

Во-вторых, поводом к воспоминанию всегда является какое-либо событие, происшедшее в настоящем, а прошлое, в свою очередь, позволяет герою проецировать будущее. *«Сюжет романа – воссоединение с прошлым в полноте воспоминания, парадоксальным образом дарующего свободу от него, но не его забвение и готовность к следующему этапу жизни»* [Аверин 2003: 161]. Данная мысль позволяет говорить о гармоничном синтезе настоящего, прошлого и будущего в романе.

Реальный и трансцендентальный миры, кроме этого, соединены образом Ганина. Он, как и все любимые герои Набокова, одарен способностью к воспоминаниям, обладает волей и стремлением к свободе, что отличает его от всех прочих обитателей пансиона госпожи Дорн.

Мир, в котором живут «семь потерянных русских теней» – мир реальный и одновременно остановка во времени. Автором подчеркивается цикличность, однообразная повторяемость одних и тех же событий, лиц, образа жизни героев. Например: *«Клара подумала о том, что завтра, как и всегда, нужно ехать на службу, до шести стучать кнопками... или же, если дела нет, читать...»* [Набоков 1990: 61]. Реальное существование представляется дурно сделанным фильмом. Можно сделать вывод о цикличности, статичности, ежедневной специфической монотонности следующих друг за другом событий, происходящих в реальном мире. Время, соответствующее ему, мы назвали, воспользовавшись терминологией М.М. Бахтина, бытовым, характеризующимся всеми перечисленными особенностями.

До столкновения со своим прошлым Ганин является одним из обитателей пансиона, существующих в вышеописанной реальности. Вся его жизнь делится на две части: «до» и «после», «недавно» и «теперь», «бывало» и «сегодня», «постоянно» и «за последнее время». С первых же страниц Набоковым подчеркивается потеря героем силы воли и надежды на будущее: *«В его теле постоянно играл огонь... Теперь же ослабла какая-то гайка...»* [Набоков 1990: 40]. Процесс воспоминания действует на Ганина животворящим образом: *«прежде вялый», «угрюмый», «унылый»* он становится *«решительным»* и *«быстрым»*. Таким образом, время, соответствующее миру воспоминаний, можно охарактеризовать как личное, противопоставленное бытовому и обладающее динамичностью, способностью возрождения человека для будущего. Б. Аверин пишет: *«Воспоминания для Набокова – духовный акт воскрешения личности»* [Аверин 2003: 85]. В этом состоит жизнеутверждающая функция памяти.

Процесс воспоминаний совершается Ганиным в полном одиночестве, так как напрямую связан с сотворением новой реальности, с миротворением. По мнению Е. Уховой, *«необходимо использовать память как термин и понимать под ним активную творческую систему в создании, которая способна создавать новые, другие миры, граничащие с окружающим и привычным миром»* [Ухова 2003: 166]. Категория памяти непосредственно включается в набоковскую концепцию времени, так как для данного автора является одной из форм времени и творческой категорией. Для автора, по утверждению А. Злочевской, *«искусство не есть отображение реальности, а творческое ее пересоздание, цель которой – проникнуть за видимую поверхность жизни в некую идеальную сущность вещей»* [Злочевская 2001: 41].

Память, как и искусство, творит бытие человека, высшую реальность как для Ганина, так и для самого Набокова. В центре миропонимания автора находится отношение человека к жизни через творчество.

Настоящее героя в романе «Вечер у Клэр», как уже отмечалось, занимает сравнительно немного места в художественном пространстве и служит поводом к началу воспоминаний.

После этого воспоминания разворачиваются более или менее последовательно и охватывают юность Николая, его гимназические годы, а также время, проведенное им в Добровольческой армии. Финал романа остается открытым: автор намеренно разрывает намечающуюся в начале романа кольцевую композицию, завершая произведение сценой отплытия Николая из России. Таким образом, роман охватывает настоящее (начало произведения), прошлое (основная часть) и будущее героя (финал). Говоря о концепции времени Газданова, необходимо сказать о неделимом потоке времени, характерном для произведений данного автора. Кроме этого, категория памяти также представляется одной из форм времени, так как охватывает воспоминания, детерминированные фактом мира реального и направленные в будущее.

Стоит отметить, что Газданов никогда не погружает героя в его прошлое полностью (как это делает Набоков, меняя при этом реальный и трансцендентальный миры местами), а постепенно позволяет Николаю углубиться в свои воспоминания, используя при этом прием расширения действительности. *«Лиловый бордюры обоев изгибался волнистой линией, ... и сквозь трепещущие занавески открытого окна все стремилось и не могло не дойти до меня далекое воздушное течение, окрашенное в тот же светло-синий цвет и несущее с собой длинную галерею воспоминаний...»* [Газданов 2009: 46].

Сознание Николая удерживает из его прошлого события, непосредственно связанные с его душевной жизнью, оказавшие влияние на его мировоззре-

ние, определившие духовные ценности. А так как в концепции Газданова память является важнейшей и неотъемлемой частицей душевной жизни, то одной из основных идей романа становится идея формирования памяти. Основой создания памяти являются нравственные нормы, заложенные в детстве родителями Николая. Именно их отношения, разговоры, события, происходящие в семье, влияют на внутреннюю жизнь героя. Впоследствии Николай будет расценивать окружающих с тех моральных позиций, которые были заложены в нем с детства, продолжая совершенствовать свой душевный мир. Встречающиеся на пути Николая герои продолжают формировать его память и одновременно с этим сами становятся неотъемлемой частицей его сознания. Память наделяется жизнеутверждающей функцией (как и у Набокова), побеждая не только время, но и саму смерть и синонимизируется с бессмертием.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы: художественное пространство произведений писателей многомерно, оно складывается как непосредственно из повествования о жизни героев в настоящем, так и из воспоминаний о прошлом; бытовой хронотоп характеризуется цикличностью и статичностью; хронотоп, соответствующий миру воспоминаний, можно охарактеризовать как личный, противопоставленный бытовому и обладающий динамичностью.

Список использованной литературы:

- Аверин, Б.В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русских автобиографических традиций. – СПб.: Амфора, 2003. – 399с.
- Бергсон, А. Материя и память: Исследование об отношении тела к духу. – СПб.: Изд-во Д.Е. Жукова, 1911. – 268 с.
- Газданов, Г. Собр. соч.: В 5 т. – Т.1. – М.: Эллис Лак, 2009. – 740 с.
- Гёблер, Ф. Время и воспоминания в романе Гайто Газданова «Вечер у Клэр» // Литература: Первое сентября. – 2001. – № 45. – С. 2-15.
- Злочевская, А.В. Влияние идей русской литературной критики XIX-XX вв. на эстетическую позицию Владимира Набокова // Филологические науки. – 2001. – № 3. – С. 55-83.
- Набоков, В.В. Собр. соч.: В 4 т. – Т.1. – М.: «Правда», 1990. – 416с.
- Осоргин, М. О «душевной опустошенности» // Собр. соч.: В 5 т. – Т.5. Письма. Poleмика. Современники о Газданове. – М.: Эллис Лак, 2009. – С. 297-288.
- Ухова, Е. Призма памяти в романах Владимира Набокова // Вопросы литературы. – 2003. – № 4. – С. 159-166.

СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЕ ТРОПЫ В ПРОЗЕ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «ИНОСТРАНКА»)

И.В. Щурова*

Сергей Довлатов – один из известнейших и самобытных русских писателей второй половины XX века, творчество которого представляет большой интерес для ученых-филологов.

В исследованиях И. Сухих [Сухих 1996], А.Гениса [Генис 1999], А. Арьева [Арьев 1996], А. Зверева [Зверев 2011], П. Вайля [Вайль 2000; 2001], Н. Крыщука [Корыщук 2001], Н.С. Выгон [Выгон 2008], Н. А. Орловой [Орлова 2010] рассматриваются такие проблемы поэтики произведений писателя, как особенности стиля Довлатова (ученые спорят о том, какую из традиций, западную или русскую, продолжает писатель в своем творчестве), взаимоотношения автора и его героя, особенности жанровой системы произведений, юмористическая сторона прозы писателя.

Так, в монографии И. Сухих «Сергей Довлатов: время, место, судьба» (СПб, 1996) наследие этого автора глубоко и всесторонне рассматривается в историко-литературном контексте. Сухих видит в довлатовской прозе и голоса русских поэтов: А. Блока, О. Мандельштама, И. Бродского, Б. Пастернака; и отдельные черты, выражающиеся в обработке цитат, реминисценциях, структурном воспроизведении образа, русских прозаиков: А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М. Горького, М. Булгакова, М. Зощенко, И. Ефимова, Б. Вахтина и других представителей «ленинградской школы» (Рида Грачева, В. Попова). Анализируя особенности языка писателя, автор монографии делает вывод о том, что «пушкинско-хэмингуэевская интонация» используется и в довлатовских сюжетах [Сухих 1996].

В филологическом романе А. Гениса «Довлатов и окрестности» также немалое место уделяется своеобразному и трепетному отношению Довлатова к слову. По А. Генису, «изображенное слово – эпицентр литературного мира Довлатова» [Генис 1999]. Довлатов наследует пушкинскую традицию, поражая, по И. Бродскому, «многословную и многосложную» нацию «придаточного предложения, завихряющихся прилагательных» [Бродский 1995: 355-362] краткостью, простотой, безыскусностью. В прозе Довлатова отсутствуют пространные описания природы, интерьеров, портретные характеристики, их заменяет подчеркивающая важную характеристику образа, предмета или действия деталь.

Собственно лингвистические исследования прозы Довлатова пока немногочисленны и содержат в основном анализ синтаксических и некоторых стили-

* Щурова Инна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

стических особенностей его произведений (работы В. Ронкина, А.А. Добрычевой, И.В. Матвеевой).

В частности, в статье Владимира Ронкина «Аналитичность идиостиля Довлатова» внимание уделяется особенностям синтаксиса. Автор говорит о том, что формирование идиостиля Сергея Довлатова обусловлено, во-первых, влиянием публицистики с ее высоким требованием информативности, во-вторых, «возрастающим влиянием на литературу предтекстов (дневников, черновых набросков и планов будущего произведения) ... В-третьих, влиянием устной разговорной речи. «Коммуникативная функция живого языка в письменной речи «уравнивается в правах», а иногда и начинает доминировать над остальными (информативной, эстетической, дидактической)» [Ронкин 1999]. К особенностям идиостиля Довлатова автор статьи относит излюбленные средства экспрессивного синтаксиса: парцелляцию, номинативные цепочки, вставные конструкции.

В диссертационном исследовании А.А. Добрычевой проведено исследование явления парцелляции в текстах произведений С. Довлатова, широко использующего этот прием, что позволило не только систематизировать структурные и семантические разновидности анализируемых парцеллированных конструкций, но и описать парцелляцию как один из стилеобразующих приемов автора. Проанализировав произведения С. Довлатова («Чемодан», «Зона», «Наши», «Заповедник», «Марш одиноких»), автор делает вывод, что «использование парцелляции в текстах произведений С. Довлатова мотивировано стремлением автора к выражению иронии, передаче устной речи, а также является проявлением специфики его идиостиля. Парцелляция является ведущим средством организации текста именно потому, что расчленение высказывания позволяет актуализировать рему, заострить внимание читателя на важном, с авторской точки зрения, фрагменте текста и при этом вынести за пределы высказывания все усложняющие восприятие компоненты. Таким образом, парцелляция в тексте выполняет несколько функций: во-первых, является средством связности текста за счет смысловой спаянности компонентов, наличия конструкций с несколькими парцеллятами, наложения парцеллированных конструкций, дистантного расположения парцеллята; и, во-вторых, обеспечивает максимально полную реализацию авторского замысла. Экономные по форме и насыщенные по содержанию парцеллированные конструкции наилучшим образом реализуют ориентированность текстов С. Довлатова на читателя» [Добрычева 2012].

Анализ филологических исследований показал, что без должного внимания со стороны исследователей до сих пор оставались специфические для стиля

Довлатова средства речевой выразительности. Этим обусловлена актуальность нашей работы, целью которой явился анализ стилеобразующей роли тропов в повести «Иностранка». Выбор этой повести в качестве материала исследования объясняется тем, что в ней, по нашему мнению, наиболее полно раскрывается самобытность автора, достигшего ко времени ее написания творческой зрелости. Повесть была написана в 1986 году, когда писатель был уже эмигрантом, поэтому, как и многие другие довлатовские произведения, «Иностранка» носит отчасти автобиографический характер. 108-я улица Квинса, изображенная в «Иностранке», – галерея своеобразных шаржей на русских эмигрантов.

Термин идиостиль мы сочли целесообразным рассматривать как способ отражения и преломления в художественной речи фактов внутреннего мира конкретного писателя – носителя конкретного языка в конкретный исторический период. Обращение к тропам и фигурам всегда обусловлено чертами индивидуального стиля автора. Среди современных классификаций средств выразительности одной из наиболее перспективных нам представляется классификация Василия Павловича Москвина, которая и была положена в основу нашего исследования [Москвин 2006]

Проанализировав тропы в повести «Иностранка», мы обнаружили, что наиболее частотными и значимыми для создания идиостиля являются в прозе Довлатова такие средства выразительности, как сравнение и оксюморон. В основу этих тропов писатель кладет сопоставление далеких друг от друга понятий, что дает возможность автору продемонстрировать иронический взгляд на действительность. При этом тропы Довлатов использует строго дозированно. Создается впечатление, что автор сознательно избегает чрезмерного употребления метафор, сравнений, эпитетов, а редкие их включения отличаются тщательной выверенностью.

Сравнения считают одним из самых распространенных средств выразительности в металогической речи. Существует множество языковых способов выражения сравнения: словом, словосочетанием, сравнительным оборотом, придаточным предложением, самостоятельным предложением или ССЦ. В прозе Довлатова нельзя наблюдать всего разнообразия структурных типов сравнений. Большую их часть составляют сравнительные обороты (в «Иностранке» их 30). Чаще всего они присоединяются с помощью союза «как» (25 оборотов): *Дни тянулись одинаковые, как мешки из супермаркета* [Довлатов 1995: 49]; *...мальчик неожиданно проснулся. Он посмотрел на Рафаэля безумными, как у месячного щенка, глазами* [Довлатов 1995: 55]; значительно реже – «как будто» (4 оборота): *Раздался звук, как будто тысячи поклонников, допустим, Адриано Челентано одновременно хлопнули в ладоши* [Довлатов 1995:

69]; *Создается ощущение, как будто родина для некоторых – это переменная величина. Хочу – уеду, передумаю – вернусь. Как будто дело происходит в гастрономе или же на рынке* [Довлатов 1995: 81]. Союзы как, как будто указывают на равенство сравниваемых предметов. Сравнения с этими союзами в русском языке мыслятся как достоверные и реальные.

Оксюморон в силу своего семантического потенциала используется автором с целью воссоздать абсурдность ситуации: *«Можно быть нищим и с деньгами. И – соответственно – принцем без единой копейки* [Довлатов 1995: 17]; *Зарецкий был профессиональным разрушителем. Инстинкт разрушения приобрел в нем масштабы творческой страсти* [Довлатов 1995: 13]; *Его лицо покрывалось нежным и страшным румянцем* [Довлатов 1995: 40].

2. Не менее значимыми для создания идиостиля выступают также функционально и эмоционально окрашенные лексические средства, в частности, разговорные и просторечные слова, участвующие в создании речевой характеристики героев: *«в паршивом» (ресторане)* [Довлатов 1995: 73], *«на морде»* [9; 94], *«сортир»* [9; 93], *«барахло»* [9; 57]; *«дерьмо»* [Довлатов 1995: 17], *«быдло»* [Довлатов 1995: 59], *«дура»* [Довлатов 1995: 77], *«проститутка»* [Довлатов 1995: 73].

Аналогичную функцию выполняют в текстах Довлатова американизмы, помогающие передать речевой колорит эмигрантской среды. Использование в повести «Иностранка» именно американизмов обусловлено местом действия – это современная автору и его героям Америка. Третья волна эмиграции (которую еще называют эмиграцией «холодной войны»), под которую попал сам Довлатов, была явлением достаточно распространенным. Герои «Иностранки», в том числе и Маруся Татарович, – эмигранты, поэтому в их макаронической речи причудливым образом совмещаются русские и английские слова:

Лора сказала: - Фимуля, принеси нам кейк из холодильника... [Довлатов 1995: 36];

У одного брата – кар-сервис. У другого – прачечная [Довлатов 1995: 58];
Он сумасшедший, - говорила Муся, – крейзи! Это факт [Довлатов 1995: 68];

Что? Откуда я звоню? Из зоосектин в Медоу-парке... [Довлатов 1995: 96].

С помощью всех этих средств автор создает разговорную стилизацию, которая передает особенности речи главной героини и её окружения. Считается, что «в хорошей стилизации изображаемый стиль всегда подчинен собственному стилю автора» [Горшков 2001: 230]. На наш взгляд, обращение к разговорной стилизации, встречающееся не только в этой повести, но и в большинстве

произведений Довлатова, также представляет собой проявление индивидуально-авторского стиля этого автора. В многочисленных и разнообразных диалогах героев писателя всегда ощутим его собственный стиль.

3. Значительно реже автор прибегает к метафоре, метонимии, гиперболе, однако, пусть и не часто употребляемые, они отличаются ярким своеобразием и формируют общую ироническую интонацию текста:

метонимия: *В нем сочетались хладнокровие кинжала и горячность пистолета* [Довлатов 1995: 91]; *Он казался таким неуклюжим под бременем великих идей* [Довлатов 1995: 32];

гипербола: *Да здесь в тюрьму попасть куда сложнее, чем на Марс или Юпитер! Для этого здесь надо минимум сто человек угробить* [Довлатов 1995: 57].

4. Эпитет, традиционно высокочастотное средство создания выразительности, не является у Довлатова ярким стилеобразующим средством. Это обусловлено, на наш взгляд, установкой на разговорность, существующей в прозе Довлатова: общеязыковой характер большинства эпитетов лишает их декоративной функции. По мнению Сергея Довлатова, прилагательные – самая бесполезная часть речи. Очевидно, скупое использование автором прилагательных в тексте свидетельствует о желании писателя усилить динамику действия, создать иллюзию повествования от непосредственного участника событий, неискушенного в использовании выразительных средств.

В повести 190 эпитетов, своеобразие которых состоит именно в том, что это не индивидуально-авторские, а общеязыковые, привычные, распространенные, не нарушающие правил сочетаемости образные определения. Как правило, их можно услышать в бытовой речи любого рядового носителя русского языка: *«шутки... были весьма сомнительные»* [Довлатов 1995: 29], *«превратился в ... целеустремленного и трудолюбивого аспиранта средних дарований»* [Довлатов 1995: 24].

Кроме того, эпитеты служат средством выражения иронического мироощущения автора: *«Я люблю таких – отпетых, погибающих, беспомощных и нахальных»* [Довлатов 1995: 52], *«галстук цвета рухнувшей надежды»* [Довлатов 1995: 54].

Единичные употребления фонетико-графических средств также нельзя отнести к стилеобразующим, хотя они и усиливают комическое начало в определенных фрагментах текста. Так, в повести встречается граффон (стилистически значимое нарушение орфографических норм), который применяется для передачи колорита речи местного населения:

В результате отдельные местные жители заговорили по-нашему. Китаец из закуской приветствует меня:

– Доброе утро, Солженицын!

(У него получается – «Солозениса») [Довлатов 1995: 7].

Использование различных тропов направлено в произведениях Сергея Довлатова на создание иронии как эффективного экспрессивного элемента повествования, организующего текст:

(Караваев) Писал на единственную тему – будущее России. Причем будущее он различал гораздо яснее, чем настоящее. С пророками это бывает [Довлатов 1995: 13];

Дима был заботливый, умный, корректный. ... Каждое утро он вел записи в блокноте. ... Иногда он записывал: «Не поздороваться с Виталием Луценко». Или: «В ответ на хамство Алешиковича спокойно промолчать» [Довлатов 1995: 23].

В результате проведенного исследования мы можем сделать вывод, что язык произведений С. Довлатова не отличается многообразием использованных тропов.

Самым частотным и в то же время оригинальным тропом является сравнение (30 оборотов). Довлатовские сравнения емки, точны, ироничны, как правило, они характеризуют героя, попавшего в трудную жизненную ситуацию.

Другим стилиобразующим тропом, отличающим язык Сергея Довлатова, является оксюморон. Как и Антон Павлович Чехов, Сергей Донатович стремился, чтобы короткая фраза давала наиболее четкую характеристику лицу или предмету. С помощью оксюморонов - ироничных сочетаний слов автор стремится подчеркнуть абсурдность сложившейся ситуации.

Не менее значимы также функционально окрашенные лексические средства, в частности, разговорные и просторечные слова, американизмы, которые участвуют в создании стилизации речи героев-эмигрантов. Иллюзию разговорности – разговорную стилизацию также создает использование в основном простых, неосложненных конструкций и диалогическая форма речи.

Нечастотными средствами, репрезентированными в повести, являются метафора (6 примеров), метонимия (6 примеров) и гипербола (3 примера), а также графические средства (омофоны и граффон по 2 словоупотребления).

В творчестве Довлатова многих привлекает непринужденная манера письма: обиходно-разговорная речь его героев отличается нелогичностью, частотностью просторечия. Автор – обычный человек, эмигрант, свободно беседующий с нами в приватном разговоре.

Проведенное исследование дает нам возможность утверждать, что идиостиль С. Довлатова формируется сочетанием металогической и автологической речи.

При этом металогические фрагменты за счет использования сравнений, оксюморона способствуют узнаваемости стиля писателя. Однако, включаясь в автологическую речь, они выполняют подчиненную функцию разъяснения, дополнения, уточнения мысли автора, а автология играет доминантную стилеобразующую роль.

Список использованной литературы

Арьев, А. История рассказчика. Вступительная статья // Сухих, И.Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. – СПб., 1996. – 384 с.

Бродский, И. О Сереже Довлатове // С. Довлатов. Собрание сочинений в 3-х т. Т.3. – СПб., 1995. – С. 355-362.

Вайль, П. Он до своей славы не дожил несколько месяцев // Литературная газета. – 2000. – №37.

Вайль, П. Сергей Довлатов. Между реальностью и словесностью: к 60-летию со дня рождения // Новое время. – 2001. – №37.

Выгон, Н.С. Фольклорные истоки юмористического мироощущения в русской прозе XX века (Тэффи, М. Зощенко, С. Довлатов, Ф. Искандер) // Человек смеющийся. – М., 2008. – 290 с.

Генис, А. Довлатов и окрестности. – М.: Вагриус, 1999. – 301 с.

Горшков, А.И. Русская стилистика. – М.: Астрель – АСТ, 2001. – С. 230.

Добрычева, А.А. Парцелляция в прозе С.Довлатова: от предложения к тексту: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2012. – 32 с.

Довлатов, С. Иностранка // С. Довлатов. Собрание сочинений в 3-х т. 2-е изд. Т.3. – СПб.: Лимбус-пресс, 1995. – С. 7-100.

Зверев, А. Записки случайного постояльца // С. Довлатов. Последняя книга: Рассказы, статьи. – СПб.: Азбука, 2011. – С. 357.

Крышук, Н. Василий Шукшин и Сергей Довлатов // Довлатов С. Последняя книга. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – С. 508-513.

Матвеева, И.В. Культурный и образный мир языка писателя (На материале произведений Сергея Довлатова): Дисс. ... канд. филол. наук. – Орел, 2004. – 175 с.

Москвин, В.П. Стилистика русского языка. Теоретический курс // Изд. 4-е, перераб. и доп. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 630 с.

Орлова, Н. А. Поэтика комического в прозе С. Довлатова: семиотические механизмы и фольклорная парадигма: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2010. – 21 с.

Ронкин, В. Аналитичность идиостиля Сергея Довлатова // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба (итоги Первой международной конференции «Довлатовские чтения») / сост. А.Ю. Арьев. – СПб.: Звезда, 1999. – 320 с.

Сухих, И.Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. – СПб., 1996. – 384 с.

Интернет-ресурс

<http://www.sergeidovlatov.com/>

ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИИ

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

О. С. Бернат*

Важной проблемой, не до конца исследованной и изучаемой лингвистами по сей день, является проблема выявления механизма формирования символического значения. В данной статье мы рассматриваем символическое значение слова в качестве компонента его семантического потенциала.

Обычно лингвистами выделяются такие специфические черты символического значения слова, как знаковость, мотивированность, устойчивость, конвенциональность и воспроизводимость, связанная с психичностью знака.

Способность слова к обобщению является источником появления символического значения. На эту способность обращает внимание В. А. Звегинцев. «В слове и его значении, – отмечает он, – заложена потенциальная возможность выходить за пределы установившихся в нем лексико-семантических вариантов. Основу такой потенции составляет тот «признак», на основании которого предметы подводятся под категорию, выражающую значение слова. Эта потенция строится на обобщающей природе слова» [Звегинцев 1957: 232].

В слове как в языковом знаке можно выделить означающее (план выражения) и означаемое (план содержания). В слове-символе, по мнению Н. Арутюновой, необходимо учитывать, кроме соотношения двух начал: означающее – означаемое, еще одно составляющее – переживание [Арутюнова 1990: 24], что, на наш взгляд, является одним из условий проявления лингвистической эстетики символизма.

Так в поэтическом тексте М. И. Цветаевой «Она подкрадется неслышно...» местоимение «она» приобретает символическое значение в большей степени посредством репрезентации в произведении сильных ощущений и впечатлений автора.

*Она подкрадется неслышно –
Как полночь в дремучем лесу.*

* Бернат Оксана Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики Южно-Уральского государственного университета.

*Я знаю: в передничке пышном
Я голубя вам принесу.*

*Так: встану в дверях – и ни с места!
Свинцовыми гирями – стыд.
Но птице в переднике – тесно,
И птица сама полетит!*

Личное местоимение – субститут «она» символизирует сильное чувство (любовь или страсть), которое может вдруг появиться. Отсутствие antecedента порождает интригу, усиливая напряжение. Глубина символического смысла связана с отсутствием в тексте четкой характеристики этому чувству (любви или страсти), но с указанием на его внезапное проявление, что раскрывается в плеоназме «*подкрадется неслышно*».

О. Г. Пестова, характеризуя структуру слова-символа, выделяет в нем (по аналогии с языковым знаком) символизирующее и символизируемое. По мнению ученого, в роли символизирующего будет выступать прямое значение слова, а символизируемым будет символическое значение этого слова [Пестова 1988: 37–44]. Соглашаясь с позицией ученого, мы рассматриваем символическое значение слова как некую разновидность значения, где имеется условная или ассоциативная связь между символизирующим и символизируемым.

Так, например, в поэтическом произведении «Август – астры...» ассоциативная связь между символизирующим и символизируемым в словесимболе «*август*» прослеживается очень четко.

*Август – астры,
Август – звезды,
Август – грозди
Винограда и рябины
Ржавой – август!*

*Полновесным, благосклонным
Яблоком своим имперским,
Как дитя, играешь, август.
Как ладонью, гладишь сердце
Именем своим имперским:
Август! – Сердце!*

*Месяц поздних поцелуев,
Поздних роз и молний поздних!
Ливней звездных –
Август! – Месяц
Ливней звездных!*

В языковой системе слово «август» имеет значение «*восьмой месяц календарного года, последний месяц лета*» [Ожегов 1994: 18].

Следовательно, символизирующим будет являться данное значение. Смысл слова-символа *август* последовательно эксплицируется автором посредством анафорического повтора, воссоздающего красочную картину одного из летних месяцев, но за описанием одного из летних месяцев проступает условный мир зенита человеческой жизни (*Август! – Сердце! = середина*).

То есть символизируемое (символическое значение слова-символа «август») – «*зрелость; то, что свойственно человеку, достигшего полного развития*» соотносится с символизирующим (прямым значением слова «август») в сознании автора по признаку общности ассоциаций.

В семасиологии выделяют намеренные и непроизвольные имплицитные значения. Символ относится к намеренным имплицитным смыслам, вследствие чего представляет особый интерес для исследования. Символ входит в замысел коммуникаций и обладает сложной формой выявления: «имплицитные значения производны от взаимодействия эксплицитного значения с совокупными условиями его реализации. В этом смысле они значения от значений. Формой их выявления служит эксплицитное значение вкупе со значимым фоном его реализации» [Никитин 1988: 168].

Многими исследователями отмечается многозначность и многоплановость слова с символическим значением. По мнению А.А. Тахо-Годи, развивающей концепцию А.Ф. Лосева, символическое значение «рождает у каждого читателя бесконечный ряд идей, внешне даже не связанных с его реальной образностью, а иной раз как будто и противопоставленных ей» [Тахо-Годи 1980: 8]. При этом читатель, декодируя символистский текст, оперирует общенародными, групповыми или авторскими ассоциациями, на основании которых создается любой символ. Дело в том, что слово или образ не рождаются символами, но становятся ими в соответствующей специфической среде, которая и активизирует семантический потенциал слова. Такая специфическая среда, по мнению А. В. Леднева, создается сознательной установкой на недоговоренность, рациональную непроясненность

высказывания; акцентом на ассоциативную, а не логическую связь между образами [Леднев 1997: 31]

Следовательно, мы полагаем, что смысл символа реально существует только внутри человеческого общения, вне которого можно лишь увидеть его пустую форму, так как в результате семантических трансформаций значение слова-символа начинает указывать на некое отличное значение, которое не определяется референтом лингвистически, а мотивируется фактами экстралингвистического характера – идейно-художественными и культурно-историческими.

Механизм развития символического значения и восприятия символа подробно описан в диссертации О.Г. Пестовой, где исследователь говорит о том, что «выбор объекта символизации можно считать произвольным. Изменений в структуре значений не происходит. Предмет-символ обозначается самостоятельно употребляемыми лексемами, символическое действие обозначается фразеологическим словосочетанием. Обозначаемое действие происходит реально, обозначаемый лексемой денотат также реально участвует в описываемой ситуации...» [Пестова 1988: 152].

Описание структурных компонентов значения содержится в работе Л. М. Васильева «Современная лингвистическая семантика», где исследователь с помощью типологического анализа структурных компонентов значения определяет структуру элементарного значения слова, которая, по мнению ученого, определяется, с одной стороны, образованием макрокомпонентов (денотативных, коннотативных и т.д.) и их ингредиентов (микрокомпонентов), а с другой – образованием семантических признаков (гиперсем) и их «конкретизаторов» (гипосем) [Васильев 1990: 99]. Символическое значение слова, иное, отличное от прямого, номинативного, представляет собой расщепление коннотативного макрокомпонента и усложнение семантических признаков. Л. М. Васильев показывает, что «коннотативные (экспрессивные) компоненты значений чаще всего не поддаются полной экспликации» [Васильев 1990: 99]. На этот аспект также обращают внимание З.Д. Попова и И. А. Стернин, по мнению которых, «коннотативная часть значения лежит в мыслительной сфере, определяется особенностями системы языка, традициями употребления слова, многими субъективными моментами» [Попова, Стернин 1984: 28].

Следовательно, формирование символического значения затрагивает модальный аспект, позволяющий раскрыть ассоциативные связи между значениями отдельных лексем. «Ассоциативные связи отражают авторское мироощущение, проникновение в реальную действительность, и именно

благодаря ассоциативным связям индивидуально-авторское понимание и толкование изображаемого, как правило, предполагает частичное или полное отступление от номинативного значения лексемы. В этом и заключается процесс творчества: денотат (обозначаемый предмет) как бы «присваивает» себе несвойственное ему значение. Целый ряд предметов, явлений замыкаются чисто субъективными связями; при этом автор может актуализировать признаки изображаемого совсем не первостепенной значимости» [Шкуратова 2000: 62]. В семантике лексической единицы происходит «совмещение словарного и окказионального значений» [Баталова 1982: 110]. Ю.В. Архангельская пишет, что символ должен «вызвать в нас поток образных ассоциаций... получить двуединство значения» [Архангельская 1990: 112]. Таким образом, мы считаем, что символическое значение, как правило, не мотивируется прямым значением слова, и объяснить механизм его образования и развития семантически возможно не всегда. Если одна и та же лексема принимает участие в формировании значительного количества устойчивых словосочетаний, они систематизируются, результатом чего является выделение символа.

Список использованной литературы

- Арутюнова, Н.Д. Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 24.
- Архангельская, Ю.В. О формировании слога в стихах А. Блока // Русская речь. – М., 1990. – № 6. – С. 112.
- Баталова, Т.М. Типология семантических связей в художественном произведении // Основные понятия лингвостилистики: Межвузовский сборник. – Пермь, 1982. – С. 110.
- Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 99.
- Звегинцев, В.А. Семасиология. – М.: Изд-во МГУ, 1957. – С. 232.
- Леднев, А.В. Русский символизм // Русская литература серебряного века. – М., 1997. – С. 31.
- Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения: учебное пособие. – М.: Высш. шк., 1988. – С. 168.
- Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1994. – С. 18.
- Пестова, О.Г. Символическое значение слова как особый объект лингвистической семантики. Дисс. канд. филол. наук. – Воронеж, 1988. – С. 37 – 44; 152.
- Попова, З.Д. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения) : учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин.. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – С. 28.
- Тахо-Годи, А.А. Термин «символ» в древнегреческой литературе // Вопросы классической филологии. Вып. 7. – М.: Изд-во Московского университета, 1980. – С. 8.
- Шкуратова, Т.А. Семантические особенности поэтических символов. Дисс. канд. филол. наук. – Р.-на-Дону: Рост. гос. ун-т, 2000. – С. 62.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЛАСКОВЫХ ОБРАЩЕНИЙ К ЖЕНЩИНЕ И МУЖЧИНЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е.Е. Иванова*

В интернете активно обсуждается вопрос о ласковых обращениях, в основном к женщинам и мужчинам. На разных сайтах проводятся опросы о том, какие обращения используются в личной жизни, составляются списки ласковых слов, выражается отношение к ласковым обращениям. Это говорит о том, что вопрос о ласковых обращениях имеет определенную социальную значимость. Представляется интересным проанализировать их с лингвистической точки зрения.

Лексические средства выражения ласковых обращений исследовались в основном либо в сопоставительном плане, например, в работах Леоновой Д.Ф. [Леонова, 2011], Доховой З. Р. [Дохова, 2007] и др., либо с гендерной точки зрения в работах Гаврилюк М.А. [Гаврилюк, 2012], Гриценко Е.С. [Гриценко, 2005] и др.

Подавляющее количество ласковых обращений представляют собой уменьшительно-ласкательные имена собственные: Валюша, Игорек, Танечка и под. Однако наиболее интересными для анализа являются нарицательные наименования, о которых в дальнейшем и пойдет речь. При анализе данных опросов из источников ZonaHelp.ru, [http://www. destiny.ru](http://www.destiny.ru). Женский журнал «Статьи» Ласковые обращения к девушке, <http://gooven.net> для женщин выделяется 571 ласковое обращение, для мужчин – 906. Это подтверждает устоявшееся мнение о том, что женщины более ласковы и сентиментальны, чем мужчины, и что мужчины не любят выражать свои чувства словами.

Наибольшее количество обращений к женщине по происхождению является зоонимами (181 единиц – 31,6%): *бурундашка, бурундучок, бабочка, барабулька, барсучек, барсятинка, белочка, бельчонок, верблюжонок, галочка, галчонок, голубушка, голубка, голубочек, голуба, голубонька, голубочек, голубушка, горлица, гуля, гуська, гуся, дикая кошечка, ежунька, ёжик, ёжинька, жабик, жабулька, жирафёнок, жужа, жук, зозулька (укр. кукушка), зайнька, зайка, зайчонок, зайчик, зайчишка, зайчище, зайчонка, зайушка, зая, заяц, зверулечка, зверулька, зверушенька, зверушечка, зверушка, зверек, зверенок, звереночек, змеёныш, змейка, змеючка, казя, кашалотик, килечка, кисуля, киса, киска, кисулечка, кисюленочек, кобродка, козленок, козочка, козюличка (змея), козява, козявка, козявочка, конопляночка, коровка, коровушка, котенок, котеночек, котеныш, котёнка, котёночка, котёнушка, котик, котопусик, котя, котяшка,*

* Иванова Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего языкознания Курганского государственного университета.

коша, кошаканчик, кошечка, кошечка мармеладная, кошка, криветочка, крокодилёнок, крокодильчик, крысуля, кукушечка, кукушонок, курочка, курочка, кысик, кыся, ланочка, лань, ланька, ланюшка, ланя, лапа, лапушка, лапендря, латик, лапка, лапкин, лапонька, лапочка, лапуленок, лапулечка, лапусеньки, ласточка, ластунья, лисулечка, лисулька, лиса, лисенок, лисеночек, лисичка, лиска, лисонька, лошадка, лыбедь, львенка, львенушка, львица, львушка, мурочка, муррлыська, мурчик мой, мусик, муська, мышаня, мартышонок, малек, малюска, мамонтенок, мартышка, мишка, мосенька, моська, мотылек, мумушка, мура моя, мурашечка, муренка, муренок, муреночек, мурка, мурлыка, мурлыська, мурмусечка, мурмышка, мышастая, мышастик, мышеночек, мышка, мышонок, мышулька, мышуля, мышь, нежный кротик, обизянка, обизянушка, олененок, олененочек, оleshка, пантера, пантерка, пингвиненок, пиявочка, пони, поросяшка, птаха, пташка, птица, птичек, птичка, птичка говорун, пума.

Приведем примеры результатов интернет-опросов:

1. <http://www.bolshoyvopros.ru, spring948374> [66.1К]

Для обращения к любимой используют много ласковых слов, но чаще всего при этом упоминают разных зверюшек. Вот как нежно обращаются к любимой: зайка, рыбка, киска, птичка, мышка, ласточка.

2. skliff2005 [18К]

На вопрос игры "100 к 1": Какое животное упоминают, нежно обращаясь к любимой? большинство опрошенных людей ответило таким образом:

1.Зайка. 2.Рыбка. 3.Киска. 4.Птичка. 5.Мышка. 6.Ласточка.

3. JuliaBond [56.8К]

Психологи утверждают, что семьи, где супруги придумывают ласковые прозвища друг для друга более крепкие, чем те, где используются только имена. Конечно, это могут быть свои исключительные прозвища, но, если говорить про игру «Сто к одному», то правильными будут такие ответы:

Зайка, Рыбка, Киска, Птичка, Мышка, Ласточка.

4. полиграфовна [12.8К]

"Какое животное или птицу упоминают, нежно обращаясь к любимой" задает нежный вопрос в игре 100к 1. Ответ знает все женское население, которое не раз слышали от своих мужчин нежные слова. И поэтому ответ был сформулирован: Зайка; Рыбка; Мышка; Киска; Птичка; Ласточка.

Среди обращений к мужчинам так же преобладают зоонимы (174 единицы – 19,2%): *барсик, бегемотик, бобик, буйволенок, букашечка, бурундук, бурундучок, бурундучок канареешный, волчище, волчонок, воробушек, голубочек, голубь мой, гусёнок, гусёночек, дельфинчик, динозаврик, добрый жук, енот-поласкун, ёжечка, ёжик, животное, жучечка, зайка, зайкин мурьсайкин, зай-*

кин пусик, зайца, зайчик, зайчишка, зайчонок, зайчонок ушастенький, зайчоньши, заяюшка, зая, заяся, заяц, зверек, зверенок, звереночек, звереньши, зверrrrrr, зверуленька, зверулечка, зверушенька, зверушечка, зверюга, индюшонок, кабанчик, кашелотик, кенгурёнок, киса, кисеньши, кисёнок мой, кисик, кисуня, кисюлечка, китенок, клопик, козлик, козюлечка, козявочка, комарик, кот, котмуркот, котейка, котенок, котеночек, котёнок, котёныч, котёныши, котик, котусик, котька, котькин, котя, котяра, кошак, крокодильчик, кролик, кроля, крысеночек, крысотень, лапа, лапатушенька, лапкин, лапочка, лапулечка, лапуля, лапундер свинохвостый, лапуня, лапусик, лапуся, лапушка, лапушник ты мой, лапушонок, лев, лис, лисичечка, львеночек, лягушонок, мартышканчик, медвежонок, мистер слоник, мишка, мопсик, морда, мордочка, муравьишка, мурашка, мурзик, мурзявка, мыши, мышастик, мышулькин, оранжевый кроль, орлёнок, пандочка, паучок, пёрышко, пёсик, пингвин лапчатый, пингвиненок, пингвинчик, пони, поросёнок мой, поросёночек, пташечка, птеродактиль мой редкостный, птица, птичек, рисенок, рыба моя золотая, рыбонька, сверчок ты мой, свинушечка, скарабейчик, скусик мой, слонёнок, слоник, совёнок, слонопатамчик, сокол, сокол ты мой ясный, сокол ясный, соколенок, соколик, соловушка, соловьенок, суслик мой, суслик, тигрен, тигренок, тигренулька, тигрокрысик, тигрочка, тигрюндик, тигрюша, утенок, утёночек, утя, хищничек, хоботочек, хомяк, хомячок, хрюшенька, хрюшечка, цыплёнок, цыпочка, червячок, чижик, чушка, шакал, ягнёнок, ящуренок.

Часть обращений-зоонимов является общей для мужчин и женщин: бурдундук, голубочек, заяка, зайчик, зайчишка, заяюшка, зая, заяц, зверулечка, зверулька, зверушенька, зверушечка, зверушка, зверек, зверенок, кашалотик, киса, кисулечка, котенок, котеночек, котеньши, котик, котя, крокодильчик, лапа, лапкин, лапочка, лапулечка, пони, птичек. И женщины, и мужчины сравниваются с бурдундуком, голубем, жуком, ежом, зайцем, зверем, кашалотом, кошкой или котом, козой или козлом, крокодилом, крысой, лапой, лисой, обезьяной, медведем, львицей или львом, мышью, муравьем, пингвином, пони, свиньей, собакой, птицей. Кроме этого, женщины сравниваются с бабочкой, белкой, верблюдом, галкой, жабой, горлицей, кукушкой, змеей, килькой, коброй, коноплянкой, курицей, ланью, ласточкой, лошадьё, лебедью, маллюском, мамонтом, мотыльком, кротом, пантерой, пиявкой, пумой. Мужчины сравниваются с барсом, бегемотом, буйволом, волком, воробьем, дельфином, енотом, кабаном, индюком, кенгуру, китом, клопом, комаром, кроликом, львом, лягушкой, медведем, сверчком, слоном, соколом, соловьем, сусликом, тигром, уткой, хомяком, червяком, шакалом, ящером. Данные сравнения отражают особенности внешности или поведения женщины и мужчины. Все они используются с уменьшительно-

ласкательными суффиксами и выражают любовь, иногда имеют оттенок иронии.

На втором месте среди обращений к женщинам находятся обращения, образованные от слов с семантикой поведения (62 единицы – 10,8%): *баловница, веселушка, вреднулька, выдумщица, гримзочка, дива, диковинка, добрулечка, живчик, журчинка, забава, забавница, забияка, загадка, заморочинка, заморочка, занозка, здравоохранительница, каприза, капризулька, контря, куксик, куська, мастерица, милая стервочка, нюнчик, нюшка, нямка, обжорка, обманщица, озорница, охохонюшка, проказница, глупышка, крейзюша, заманиха, замануша, заманяшка, игруленок, игруленочек, игрулечка, игрулька, игруша, игрушечка, маняшка, неженка, нежинка, нежка, горячка, зажигалка, зажигалочка, зажигусик, извращунья, куська, лизулечка, лизунья, лизонья, лизулька, ластена, обнимашка, пыхтелочка, пыхтунья.*

Среди обращений к мужчинам семантика поведения находится только на пятом месте, то есть можно сказать, что для женщин она менее актуальна (67 единиц – 7,3%): *бука, весельчак, вредина, вреденький ты мой, вреднюсик, вреднятина, вруша, выдумщик, глупостник замечательный, глупышка, говоренок, гогочка, гроза морей, гудочек, дурачок, дурашка, задира, зануда ты моя, ласкуля, ласкунчик, ленивец, ленивчик, нежняночка мой, обаяшка, обманщик мой, озорник, очаровашка, очкарипакостник, пивохлабик, половой гигант, попрыгунчик, пыжик, ревнивец, романтик, рыжая вредина, рычуля, рычун, сексик, сексбомб мой, смешинка, сонечко, тихоня, умелец, умница, умничка, фантазмик, хаханья, хитруля, хитруня, хитрюшка, хихонья, хмурик, целовальник мой, целовинка, чихунчик, шалун, шалунишка, шалуночек, шебуригун, шепоточек, шутник, щекотун, эротикон, эротоман, юморенок, юморист, юморочек.*

Женщина может сравниваться с ребенком (39 единиц – 6,8%): *девочка, девчончик, девчоньш, девчоночка, девчоньшек, детка, дивчинонько, карапуз, карапузенок, ляля, маленькая, малипуська, малыш, малышастик, малышка, малышкин, малышоночек, манюничка, манюня, эмбриёнчик, бэбик, бэбичка, бэйба, бэйби, бэйбик, кроха, крохотница, крохотулька, крохотная, кроша, крошечка, крошка, малютка, малявка, малявочка.*

Точно так же с ребенком сравнивается мужчина, однако в общем количестве обращений к мужчине данная семантика, в отличие от обращений к женщине, занимает одно из последних мест (20 единиц – 2,2%): *детонья, деточка, карапузик, кроха, крохотулечка, крошечка, маленький, малипуська, малыш, малышонок, малышок, мальчик, мальчик мой, мальчишка, малюсенький, малюшечка, малявочка, мой кроха, паренёчек, эмбриончик.*

К бионимам относится 36 единиц – 6,3% обращений к женщине: *абрикоска, аленький цветочек, ананасик сочный мой, барбариска, бульбулюшечка, березка, березонька, вербонька, веточка, голубичка, земляничка, изюминка, изюмка, клубничка, клюква моя из сахара, клюковка, колокольчик, колюка (трава), косточка, кочерыжечка, лепесток, липка, липонька, липочка, листик, лютик, магнолия, маковка, малинка, морковочка, незабудка, одуванчик, орешек, персик, персик мой апельсиновый.*

Чаще бионимы в качестве обращений к мужчине используют женщины (68 единиц – 7,5%): *апельсинчик, ароматный цветочек, баклажанчик, бананчик, баобаб, боровичок, брюковка, бутончик, вишенка, гранатик, грибочек, волнушечка, дубок, дубочек, кабачок, кактусёнок, камышонок, кедр, кипарис, кипарисик, колючик, кочерыжечка, листочек, лопушок, морковь, морковочка, мухоморчик, нектаринка, огурчик, опеночек, орешек, пенек, пенек дубовенький, пенек еловенький, пенек любименький, пенечек-с-глазками, пенёчек, персик, персик мой, персик перекаточный, перчик, перчик остренький, поганочка, подберезовичек, подосиновичек, помидорчик, пэреци, пэреци душистый, редиска, репка, ромашка, росточек, стручочек, сыроежечка, турнепсик, тыквочка, урюк, фасолинка, хризантем, цветик, цветок мой, цветочек, цветулечек, чистотел, яблочко, ягодинка, ягодка пупырчатая.*

Есть обращения, не соотносящиеся со словами или значениями общеупотребительных слов. Это индивидуальные образования с ласковым звучанием. Они употребляются по отношению и к женщинам, и к мужчинам, однако для женщин данные обращения более характерны. Мужчины используют 35 таких единиц, что составляет 6,1% от всего количества обращений: *запупындренка, зася, зафидрушка апупенистая, зюзика, зюзя, зюська, гуня, казабазя, кракозьябрик, крякозьявочка, кутявочка, лампапудрочка, лимпампулечка, лимпампусенька, лупусик, люленька, люля, люся, мармулеточка, потя-потя, примпампулечка, пумпусик, пуня, пурумпусичек, пусенок, пусечка, пусичка, пуська, пуся, масик, маськина, масюлька, масюсечка, мася, масяньчик.*

Женщины используют 152 подобные единицы, что составляет 16,7% от всего количества обращений. Для женщин такие обращения стоят на втором месте после зоонимов. Этот факт говорит о большей склонности женщин либо к словотворчеству, либо к «сюсюканью»: *агуша, амонька, бамбушечка, басечка, бирулестик, бирюллик ты мой, бобочка, бобубасечка, бобчик, буба, бубусик, бумочка, буслик, буся, бусявый, груник, гугулька, дюдюка, жужик, жутик, запампезная афигеточка, запупыночка, запупырь, зася, затютенька, зёбр, зёбрик, зюзюка, зюзя, зюсик, зяка, зяся, казипушечка, какавушка согревающая, канюська, карамбонда, кракозьябрик, крокозьябка, кряказямблик, кузючка, кузя, кука, ку-*

кусечка, кукусик, кукуся, кумпусюмчик, курчонок, кусяня, куся-пупусина моя, кутя пушистенский, куцик, лампапусик, лампосос привлекательный, ластоперик, липусичек, лупик, лю-пу-пусик, мамуш, масик, масич, масюнчик, масюхлик, масюш, мася, масявсик, масянчик, масяпавочка, масяттик, матютя, млявик, модерёнок шизокрылый, муля, мумзик, мумрик, мурмулька, мурмурчик, мурмузик, мурьяся, мусечка, муси-пусик, мусик, мусичек, муся мой, мусяк, мусяпусенька, нехачусик, перепупочка, плуша, прибамбасик, примпампусик, пусеночек, пусенька, пуси-утик, пусик, пусимусик, пусипусик, пусюнчик, пуся, пусячина, распупчик, распупырка, распупырь, симбишка, снусмумрик, снюсик, сплюшенька, стютяка, сусел, сусечка, сусюмчик, темодакчик, тилленок, тилльчик, типулька, титюшкин, трампампушик, трахотушечка, тупырёчек, тусик, тыпчик, тырбочка, тюська, тютелька, тютенька, тютя, тримпампусечка, уся, утипусик, фобик, фунька, фуня, фуфи, хрюндель, хрюндик, хрюнечка, цурипотик, цуцык, цуцынка, чипыш, чучука, шанька, шлемпампумчик, шлемпапец, шлетик, шурашакало, шуриунчик, юська, ю-тю-тюлечка, юмочка, яснышко.

32 единицы – 5,6% обращений к женщине отражают названия частей организма человека: *моё сердечко на ножках, голопопик, глазик мой, носик, носяшка, глазастенская, голубоглазая, голубоглазая моя, голубоглазка моя ненаглядная, душа моя, душенька, душечка, душка, губастенская, губастик, зеленоглазка, златовласка, кареглазик, конопушка, краснощёкая, кудряшка, кучерёнок, кучеряшка, острый язычок, популенька, пузик, пупок, пятачатина, пяточок, пяточка, моя душа.*

Примерно такое же количество обращений, через названия частей организма, используют женщины по отношению к мужчине (48 единиц – 5,2%): *душа моей души, душа моя, душечка, душка, желудочек, животик мой, животинка, зеница моего ока, зубастенский, зубастик, кареглазик, коленка моя, кровинушка, носик мой, писюньчик, попик, попочка, попочка моя аппетитная, пузанчик, пузанюшка, пузеньш, пузечкин, пузик, пузяттик, пульсик, пупка, пупочек, пупырешек мой, пупырёчек, пупыринка, пупырка, пупырчик зябленький, пупырышек, пупырышка, пупырь, ручки шаловливые, ряшечка, сердечко моё, соплюшечка, толстопопик, толстопузик, толстый пуззи, ушастик, ушки на ножках, харюшка ненаглядная, харюшка ясноокая, четырёхглазик, ясноглазый.*

Большое количество обращений восходит к персонажам легенд, сказок, мультфильмов, прецедентным именам. Для мужчин, однако, такие обращения не характерны (29 единиц – 5%): *амазонка, амурчик мой, ангел, ангелёнок, ангелок, ангелочек, багира, богиня, валькирия, вампируша, ведьмочка, дракоша, дьяволица, колдунья, вахмурка моя, кузяка, мальвиночка, мультяшка, мурзенок, мурзик, мурзилка, мурзилочка, королева, королева, моя принцесса, понка, по-*

ночка (милая добрая уточка, героиня мультсериала "Утиные истории"), *принцеска, принцесса*.

А вот среди обращений к мужчинам подобные слова занимают третье место (73 единицы – 8,0%): *ангел, ангелок, ангелочек, ангельский, аполлон, атлант, барабасик, барабулечка, бармалей, бармалейчик, буденьный, буратинка, винниплюшенька, волшебник, гарфилд ненаглядный, геракл, геркулес, гоблиночек, горыныч, демон ты мой пучеглазый, добрый фей, добрыня никитич; домовёнок, дракон, дьявол, дьяволенок, казанова, карлсончик, кентаврик пустотельный, колобок, королевич, кудесник, леишачок, леиший, лошарик, маг, минотавр, монстр, нафаня, принц, ромео, рыцарь мой, рюрик, собакевич, телепузик, топтыжка, терминатор, умка, умочка, упыренок, фунтик, хаврошечка, хани, царевич, царёк, цезарь, циклопчик, чародей, чебурунька, чертенок, чертик, чертушка, чингачгук, чудище, чудо-юдо-рыба-кит, чудовище, чудовище любимое, чудушко, чундовище, чучундр, шерхан, эльфик, энерджайзер.*

К словам, отражающим отношение говорящего, восходит 26 единиц – 4,5% обращений к женщине: *возлюбленная, дорогая, дорогуша, дорогушая, единственная моя, желанная моя, жизнь моя, зазноба, кохана, любушка, любимая, любимка, любимочка, любишечка, любовь моя, мечта, мечта поэта, муза моя, отрада, май лав, замечательница, миленка, милая, миленькая, милечка, милка*. Примерно такое же количество единиц используется и женщинами при обращении к мужчинам (44 единицы – 4,8%): *аманте, амур, амурчик, бесючичка, бесюшик, владыка, властелин, возлюбленный, волшебник, гений, герой, голубчик, дарлинг, дорогой, дорогулька, дорогуша, единственный, касатик, любавый, любименький, любимка, любимчик, любимый, любовь моя, милаш, милашка, миленок, миленький, милёнок, милый, мон амур, ненаглядный, отрада, половинка, прелесть, радость, радость моя, родимый, родненький, родной, роднулька, совершенство, счастье мое, чудо*.

К названиям продуктов относится 24 единицы – 4,2% обращений к мужчине. В основном это названия кондитерских изделий: *булочка, бульбулюшечка, зефирчик, ириска, карамелька, колбаска, колобочек, конфетинка, конфетка, кренделек, медовая, медок, мармеладка, пампочка, пампусик, пампушечка, пампушка, печенька, плюшечка, помпушечка, пончик, пышка*. Женщины используют при обращении к мужчинам 30 единиц – 3,3%: *батончик, бублик, варенечек мой ленивый, ватрушечка, восточная сладость, грудиночка, зефирный ты мой, зефирчик, кексик шоколадный, конфетка, кренделёк, кренделёчек, кусочек мой, медвежатинка, мюслик, пампушечка, пельмень, пельмешек, пельмешка, пироженка моя, пирожок, плюшенька, пончик, сахар, сахариночка, сахарок, сахарочек, шоколадина, шоколадный*.

Небольшое количество обращений и к женщинам, и к мужчинам восходит к словам, характеризующим внешние данные. Это говорит о том, что внешность и для тех, и для других, как бы это ни казалось кому-либо странным, играет далеко не первую роль. Среди обращений к женщинам встречается 23 такие единицы – 4,0%: *милашка, модница, нудисточка, мое совершенство, ненаглядяда, прелестница, прелесть, краса, красава, красавица, красивейшая моя, красоточка, красуля, миловзора, очаровульчкa, очаровунчик, очаровуша, очаровательница, очаровашка, пушистик, пушок пухлик, пухлястик*. Среди обращений к мужчинам – 45 единиц, что составляет 4,9%: *атлет, богатырь, бодрыш, бэтмен, вислоухий, волосатик, глазастик, глазастый, голопутик, долговязик, здоровяк, картинка, коротышечка, красавец, красавец неописуемый, красавецкин, красатусик, красотулик, красотуля, крепыш, крепышок, кудряшка, кучеряшка, лохматик, лохматулечка, лысик, лыська, лысюлечка, лысяшка, мохнастик, мохнатик, небритик, пухлик, пухлячок, пушистик, пушиська, пушинка, симпануля, симпанец, симпанулечка, симпанулянец, симпаняга, симпанка, смугляшик, толстячок*.

И женщины, и мужчины могут сравниваться с явлением природы. Среди обращений к женщине таких единиц насчитывается 22 – 3,8%: *зарюша, заря, звезда, звездинка, звездочка, звездуленок, звездуленька, звездулечка, зоренька, зорька, зорюшка, небесеко, небушко, облачко, огонек, облачко мое пушистое, искорка, искринка, льдинка, лучик, лучик солнца, лучик мой*. Среди обращений к мужчинам явления природы упоминаются в 29 единицах, что составляет 3,2%): *ветерок, ветерочек, буйный океан, вихрь, дождик, дождинок, жизнь моя, звезда моей души, звездочка моих очей, звездуленок, искорка, ласковый ветерок, лучик солнца, месяц ясный, огонёчек, огонь, ручеёк, свет очей моих, смерч, солнц мой ясный, солнце, солнышко, солнышко мое, солнышок, тайфун, ураган, холмик, ямочка, ясно солнышко*.

Достаточно редко женщина сравнивается с драгоценностями (20 единиц – 3,5%): *алмаз души, алмазная, бриллиант мой, бриллиантовая, бубусинка, бусеночек, бусенька, бусинка, буська, буся, драгоценная, жемчужина, жемчужная, златичко, золотая, золотинок, золотко, золотко бриллиантовое, золотце, золотце моё самоварное*. Еще реже женщины используют такие сравнения по отношению к мужчине (15 единиц – 1,65%): *алмаз, бриллиант моей души, бриллиантик, бриллиантовый мой, брильянтовый, бусинка, золотинушка, золотой мой, золото моё, золотце самоварное, малахитик, нефрит, янтарный, яхонтовый, яшмовый*.

В некоторых обращениях мужчины и женщины сравниваются с различными предметами. Это, как правило, какие-то индивидуальные ассоциации. 17

обращений – 2,9% относится к женщинам: *бубенчик, бантик, бомбочка, гаечка, завиточек, загогулинка, капелька, клубочек, кристаллик, норка, понька, поня, пушинка, кнопа, кнопик, кнопка, кнопочка*. В 34 единицах – 3,75% мужчины сравниваются с предметами: *акумуляторчик, амати, бокальчик, гаечка, верное перо, воздушный шарик, динамит, карандашик, карданчик, кирпичик, кнопа, кнопусик, комочек, кохинор брульянтовый, кружочек, крупинка, крупиночка, крющочек, паровозик, паровозище, пимпочка, пультик, снеговичок, сокровище, сокровище мое, стаместочка, танчик, тигер, топорик, утюжочек, фантик, харлей девидсон, чучело моё, шушпанчик*.

Есть обращения, восходящие к наименованиям различных социальных ролей. Мужчины употребляют 13 таких единиц – 2,2%: *бабулик, бабулька, подруженька, подружка, мадмуазель, мамзелька, мамулёк, мамуля, мамочка, пана, панночка, партизаночка, героиня*. Женщины используют 33 таких обращения – 3,6%: *друг сердешный, дядечка, защитник, кормилец, добытчик, крутой, мужаня, мужик, мужичок, мужланчик, мужчинка, папик, папочка, папуля, пионер, пират, программистик ненаглядный, адмирал, академик, капитан, капитошка, магистр, маэстро, мой генерал, партизанчик ненаглядный, разбойник, солдатик, стахановец, старикашечка, старикашка, старичок, товарищ, чемпион*.

Значительно меньшее количество обращений связано с названиями кукол. Для женщин используется 5 единиц – 0,8%: *барбизюлька, кукленок, куколка, пусик, пусяшка*; для мужчин – 7 единиц (0,7%): *куклёнок, куклёночек, пус, пусеньши, пусик, пусик, пусинька*.

Единичные обращения восходят к экзотизмам. Женщин называют: *зимбабвочка, папуасик, папуасочка, команча*. Мужчин – *дженгельменчик, джигит, кабальеро, ковбой, легионер, линдемманчик мой зубастенький, мачо, мачо-пусик, чукча моя ласковая*.

В отличие от предыдущих обращений, только женщины сравнивают мужчин с лекарственными средствами. Таких обращений достаточно много – 47 единиц, что составляет 5,18% от всех обращений к мужчинам: *азалептинчик, азафенчик, акатинольчик, акинетончик, алзоламчик, алпразоламчик, амизольчик, амиксидик, аминазинчик, аминалончик, аминостигминчик, амиптилинчик, амиридинчик, амирольчик, амитриптилинчик, анальгинчик, анафранильчик, анексатик, анилокаинчик, апауринчик, апилепсинчик, аспиринок, баклофенчик, бевальгинчик, белласпончик, беллатаминальчик, бемитильчик, бензональчик, берлидормик, бетамаксик, биоксетинчик, бриетальчик, витаминчик, димедрольчик, диферелинчик, золадексик, папаверинчик, папазольчик, пегинтрончик, пенталгинчик, промедольчик нескончаемый, пургенчик, ребетольчик, ремикей-*

дик, рибавиринчик, роферончик, цитрамончик. Данный факт можно объяснить пристрастием женщин к лечению, в отличие от мужчин.

Только женщины в обращении к мужчинам используют вкусовые ассоциации: *вкусняшка, сладкий, сладкий мальчик, сладкин, сладкусик, сладурче, слатусь, шладкий* и бранные слова: *мерзавчик, сволочь ненаглядная, спиногрыз твоей ласковый*. И только для мужчин характерны ассоциации с запахом: *душистик, пахучка*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что и женщины, и мужчины при обращении чаще всего используют названия животных с уменьшительно-ласкательными суффиксами. И для тех, и для других главным является выражение нежного отношения, и те, и другие для обращения употребляют слова одинаковых тематических групп. Разница заключается только в приоритетах. Мужчины при обращении к женщинам прежде всего заостряют внимание на поведении, затем сравнивают женщину с ребенком, используют бионимы, индивидуальные словообразования, сравнения с частями организма человека, персонажами легенд, сказок, мультфильмов. Женщины при обращении к мужчинам чаще сравнивают их с персонажами легенд, сказок, мультфильмов, используют прецедентные имена, бионимы, затем отмечают поведение, сравнивают мужчину с частями организма, лекарственными средствами.

Небольшое количество обращений и к мужчине, и к женщине подчеркивает внешние данные, отношение, социальные роли, опирается на сравнение с продуктом, предметом, явлением природы, ребенком, драгоценностью, куклой. Единичны обращения через запах, вкус, экзотизмы и бранные слова.

Список использованной литературы

Гаврилюк, М.А. Языковые средства выражения гендерной асимметрии в китайском языке // Вестник ИГЛУ. 2012. №4.

Гриценко, Е.С. Язык как средство конструирования гендера : дисс. ... д-ра филол. наук. 10.02.19 – теория языка / Е.С. Гриценко. – Нижний Новгород, 2005. – 405 с.

Гольдин, В.Е. Обращение. Теоретические проблемы. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 136 с.

Дохова, З.Р. Лингвистический статус обращения : на материале русского и кабардино-черкесского языков, Нальчик, 2007.

Леонова, Д.Ф. Ласковое обращение в казахском и русском языках. // Филология и литературоведение. – № 3 Декабрь 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2011/12/59>

Петрова, Н.Э. К вопросу о гендерной асимметрии. Новый взгляд на проблемы современного языкознания / Н.Э. Петрова, Е.О. Егорова // Материалы III международной научной конференции школьников, студентов и аспирантов / Науч. ред. Боженкова Н.А. – Курск, 2012. – 191 с.

ОТСУТСТВИЕ ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ В ЛАСКОВЫХ ОБРАЩЕНИЯХ К ЖЕНЩИНЕ И МУЖЧИНЕ

Е.Е. Иванова*

Лексические средства выражения ласковых обращений исследовались с гендерной точки зрения в работах Гаврилюк М.А. [Гаврилюк, 2012], Гриценко Е.С. [Гриценко, 2005] и других.

В работах гендерной направленности часто подчеркивается, что в языке выражается гендерная асимметрия, в частности патерналистское, покровительственное отношение к женщине, подчеркивание ее зависимости, второстепенности; эротизация, потребительское отношение к женщине, изображение ее как сексуального объекта, обесценивание женщины, которое проявляется в наименовании ее как животного, придание гастрономических коннотаций словам, номинирующим лиц женского пола. Рассмотрим, отражается ли на самом деле гендерная асимметрия в ласковых обращениях.

Наибольшее количество обращений к женщине, действительно, по происхождению является зоонимами (179): *бурундашка, бурундучок, бабочка, барабулька, барсучек, барсятинка, белочка, бельченок, верблюжонок, галочка, галчонок, голубушка, голубка, голубочек, голуба, голубонька, голубочек, голубушка, горлица, гуля, гуська, гуся, дикая кошечка, ежунька, ёжик, ёжинька, жабик, жабулька, жирафёнок, жуужа, жук, зозулька (укр. кукушка), зайнька, зайка, зайченок, зайчик, зайчишка, зайчище, зайчонка, заюшка, зая, заяц, зверулечка, зверулька, зверушенька, зверушечка, зверушка, зверек, зверенок, звереночек, змеёныш, змейка, змеючка, казя, кашалотик, килечка, кисуля, киса, киска, кисулечка, кисюленочек, коброчка, козленок, козочка, козюличка (диал.змея), козява, козявка, козявочка, конопляночка, котенок, котеночек, котёныш, котёнка, котёночка, котёнушка, котик, котопусик, котя, котяшка, кошаша, кошаканчик, кошечка, кошечка мармеладная, кошка, криветочка, крокодилёнок, крокодильчик, крысуля, кукушечка, кукушонок, курочка, курочка, кысик, кыся, ланочка, лань, ланька, ланюшка, ланя, лапа, лапушка, лапендря, лапик, лапка, лапкин, лапонька, лапочка, лапуленок, лапулечка, лапусеньки, ласточка, ластунья, лисулечка, лисулька, лиса, лисенок, лисеночек, лисичка, лиска, лисонька, лошадка, лыбедь, львенка, львенушка, львица, львушка, мурочка, мурррлыська, мурчик мой, мусик, муська, мышаня, мартышонок, малек, малюска, мамоненок, мартышка, мишка, мосенька, моська, мотылек, мумушка, мура моя, мурашечка, муренка, муренок, муреночек, мурка, мурлыка, мурлыська, мурмушечка, мурмышка, мышастая, мышастик, мышеночек, мышка, мышонок, мы-*

* Иванова Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего языкознания Курганского государственного университета.

шулька, мышуля, мышь, нежный кротик, обизянка, обизянушка, олененок, оленочек, олешика, пантера, пантерка, пингвиненок, пиявочка, пони, поросюшка, птаха, пташка, птица, птичек, птичка, птичка говорун, пума.

Приведем примеры результатов интернет-опросов:

1. <http://www.bolshoyvopros.ru>, spring948374 [66.1К]

Для обращения к любимой используют много ласковых слов, но чаще всего при этом упоминают разных зверюшек. Вот как нежно обращаются к любимой: *зайка, рыбка, киска, птичка, мышка, ласточка.*

2. skliff2005 [18К]

На вопрос игры "100 к 1": Какое животное упоминают, нежно обращаясь к любимой? большинство опрошенных людей ответило таким образом: *1.Зайка. 2.Рыбка. 3.Киска. 4.Птичка. 5.Мышка. 6.Ласточка.*

3. JuliaBond [56.8К]

Психологи утверждают, что семьи, где супруги придумывают ласковые прозвища друг для друга более крепкие, чем те, где используются только имена. Конечно, это могут быть свои исключительные прозвища, но, если говорить про игру «Сто к одному», то правильными будут такие ответы: *Зайка, Рыбка, Киска, Птичка, Мышка, Ласточка.*

4. полиграфовна [12.8К]

"Какое животное или птицу упоминают, нежно обращаясь к любимой" задает нежный вопрос в игре 100к 1. Ответ знает все женское население, которое не раз слышали от своих мужчин нежные слова. И поэтому ответ был сформулирован: *Зайка; Рыбка; Мышка; Киска; Птичка; Ласточка.*

Но и среди обращений к мужчинам преобладают зоонимы (174): *барсик, бегемотик, бобик, буйволенок, букашечка, бурундук, бурундучок, бурундучок канареешный, волчище, волчонок, воробушек, голубочек, голубь мой, гусёнок, гусёночек, дельфинчик, динозаврик, добрый жук, енот-поласкун, ёжечка, ёжик, животное, жучечка, зайка, зайкин мурысайкин, зайкин пупсик, зайца, зайчик, зайчишка, зайчонок, зайчонок ушастьенький, зайчоныш, зайюшка, зая, заяся, заяц, зверек, зверенок, звереночек, звереныш, зверrrrrr, зверуленька, зверулечка, зверушенька, зверушечка, зверюга, индюшонок, кабанчик, кашелотик, кенгурёнок, киса, кисеныш, кисёнок мой, кисик, кисуня, кисюлечка, китенок, клопик, козлик, козюлечка, козявочка, комарик, кот, кот-муркот, котейка, котенок, котеночек, котёнок, котёныч, котёныш, котик, котусик, котька, котькин, котя, котяра, кошак, крокодильчик, кролик, кроля, крысеночек, крысотень, лапа, лапатушенька, лапкин, лапочка, лапулечка, лапуля, лапундер свинохвостый, лапуня, лапусик, лапуся, лапушка, лапушник ты мой, лапушонок, лев, лис, лисичечка, львеночек, лягушонок, мартишканчик, медвежонок, мистер слоник,*

мишка, мопсик, морда, мордочка, муравьишка, мурашка, мурзик, мурзявка, мыш, мышастик, мышулькин, оранжевый кроль, орлёнок, пандочка, паучок, пёрышко, пёсик, пингвин лапчатый, пингвиненок, пингвинчик, пони, поросёнок мой, поросёночек, пташечка, птеродактиль мой редкостный, птиц, птичек, рисенок, рыба моя золотая, рыбонька, сверчок ты мой, свинушечка, скарабейчик, скунсик мой, слонёнок, слоник, слонопатамчик, совёнок, сокол, сокол ты мой ясный, сокол ясный, соколенок, соколик, соловушка, соловьенок, суслик мой, суслик, тигрен, тигренок, тигренулька, тигрокрысик, тигрочка, тигрюндик, тигрюша, утенок, утёночек, утя, хищничек, хоботочек, хомяк, хомячок, хрюшенька, хрюшечка, цыплёнок, цыпочка, червячок, чирик, чушка, шакал, ягнёнок, ящуренок.

Следовательно, при сопоставительном анализе обращений к женщинам и мужчинам становится очевидным, что никакого пренебрежительного отношения к женщине в сравнении ее с животным нет.

Часть обращений-зоонимов является общей для женщин и мужчин: *бурундучок, голубочек, зайка, зайчик, зайчишка, заюшка, зая, заяц, зверулечка, зверулька, зверушенька, зверушечка, зверушка, зверек, зверенок, кашалотик, киса, кисулечка, котенок, котеночек, котеныш, котик, котя, крокодильчик, лапа, лапки, лапочка, лапулечка, пони, птичек.* И женщины, и мужчины сравниваются с *бурундуком, голубем, жуком, ежом, зайцем, зверем, кашалотом, кошкой или котом, козой или козлом, крокодилом, крысой, лапой, лисой, обезьяной, медведем, львицей или львом, мышью, муравьем, пингвином, пони, свиньей, собакой, птицей.* Кроме этого, женщины сравниваются с *бабочкой, белкой, верблюдом, галкой, жабой, горлицей, кукушкой, змеей, килькой, коброй, коноплянкой, курицей, ланью, ласточкой, лошадью, лебедью, маллюском, мамонтом, мотыльком, кротом, пантерой, пиявкой, пумой.* Мужчины сравниваются с *барсом, бегемотом, буйволом, волком, воробьем, дельфином, енотом, кабаном, индюком, кенгуру, китом, клопом, комаром, кроликом, львом, лягушкой, медведем, сверчком, слоном, соколом, соловьем, сусликом, тигром, уткой, хомяком, червяком, шакалом, ящером.* Данные сравнения отражают особенности внешности или поведения женщины и мужчины, они используются с уменьшительно-ласкательными суффиксами и выражают любовь, иногда имеют оттенок иронии.

Рассмотрим обращения, в которых есть гастрономические ассоциации. 22 обращения к женщине относятся к названиям продуктов: *булочка, бульбулшечка, зефирчик, ириска, карамелька, колбаска, колбочек, конфетинка, конфетка, кренделек, медовая, медок, мармеладка, пампочка, пампусик, пампушечка, пампушка, печенька, плюшечка, помпушечка, пончик, пышка.* Но и 37

обращений к мужчинам обозначает продукты и имеет гастрономические ассоциации: *батончик, бублик, варенечек мой ленивый, ватрушечка, восточная сладость, грудиночка, зефирный ты мой, зефирчик, кексик шоколадный, конфетка, кренделёк, кренделёчек, кусочек мой, медвежатинка, мюслик, пампушечка, пельмень, пельмешек, пельмешка, пироженка моя, пирожок, плюшенька, пончик, сахар, сахариночка, сахарок, сахарочек, шоколадина, шоколадный, вкусняшка, сладкий, сладкий мальчик, сладкин, сладкусик, сладурче, слатусь, шладкий*. Очевидно, что никакого ущемления женщины в подобных обращениях нет.

Эротизация в обращениях к женщине действительно есть (36): *заманиха, замануша, заманяшка, игруленок, игруленочек, игрулечка, игрулька, игруша, маняшка, неженка, нежинка, нежка, горячка, зажигалка, зажигалочка, зажигусик, извращунья, куська, лизулечка, лизунья, лизонья, лизулька, ластена, обнимашка, пыхтелочка, пыхтунья, липка, липонья, липочка, голопопик, популенька, пузик, пупок, желанная моя, нудисточка, норка*.

Но точно так же сексуальные качества отражаются в обращениях к мужчине (57): *акамуляторчик, динамит, карандашик, паровозик, паровозище, пимпочка, танчик, аполлон, атлант, казанова, энерджайзер, кочерыжечка, морковка, морковочка, огурчик, стручочек, бодрыш, голопузик, ласкуля, ласкунчик, нежняночка мой, озорник, половой гигант, попрыгунчик, сексик, сексбомб мой, целовальник мой, целовинка, шалун, шалунишка, шалуночек, шебуришун, шепоточек, щекотун, эротикон, эротоман, холмик, животик мой, животинка, тисюньчик, попик, попочка, попочка моя аппетитная, пузанчик, пузанюшка, пузеныш, пузечкин, пузик, пузяттик, пупка, пупочек, ручки шаловливые, толстопопик, толстопузик, толстый пуззи, мачо, мачо-пупик*.

Таким образом, в ласковых обращениях к женщине и мужчине нет основных черт недооценивания, обесценивания как форм гендерной лингвистической дискриминации: патерналистского, покровительственного отношения к женщине, подчеркивания ее зависимости, второстепенности, тривиализации и деперсонализации; потребительского отношения к женщине, изображения ее как сексуального объекта.

Список использованной литературы

Гаврилюк, М. А. Языковые средства выражения гендерной асимметрии в китайском языке // Вестник ИГЛУ. 2012. №4.

Гриценко, Е. С. Язык как средство конструирования гендера. – Нижний Новгород, 2005.

Петрова, Н.Э. К вопросу о гендерной асимметрии. Новый взгляд на проблемы современного языкознания / Н.Э. Петрова, Е.О. Егорова // Материалы III международной научной конференции школьников, студентов и аспирантов / ред. Боженкова Н.А. – Курск, 2012. 191 с.

КОНКУРИРУЮЩИЕ ВАРИАНТЫ В ДЕЛОВОМ ТЕКСТЕ

Н.Л. Карнаух*

В административно-правовой сфере деятельности, в правовых отношениях между людьми, гражданами и государством используется официально-деловой стиль речи с исторически сложившимися чертами и языковыми особенностями.

При написании деловых текстов носители языка также руководствуются требованиями к оформлению документов (ГОСТ Р 6.30-2003). И хотя государственный стандарт по делопроизводству носит не обязательный, а рекомендательный характер, в государственных учреждениях и организациях создаются регламенты с учетом требований, изложенных в нем.

Безусловно, при создании различного вида документов необходимо опираться на нормы современного литературного языка, правила русской орфографии и пунктуации. Источниками языковой нормы выступают авторитетные словари, грамматики и справочники.

Однако в языковой практике мы нередко сталкиваемся с конкурирующими вариантами, и рядовой носитель языка не всегда может самостоятельно сделать правильный выбор, да и в словарях нередко наблюдаются разночтения. Разберем некоторые из них.

Первое из затруднений – слитное, дефисное и раздельное написание новых слов и устойчивых сочетаний, которые появились в конце XX–XXI веке. Этой сложнейшей теме русской орфографии посвящен словарь В.В. Лопатина и Е.Л. Лопатиной.

Наблюдая за лингвистическим ландшафтом, мы встречаем самые разнообразные написания. Например, первая часть сложных слов *спорт...* (кодифицировано слитное написание) в городских вывесках и объявлениях представлена в раздельном или дефисном написании как «*спорт бар / спорт клуб*» или «*спорт-бар / спорт-клуб*».

Подобная участь и у первой части сложных слов с морфемой *видео-* и *авто-*. Водителей на российских дорогах предупреждают, что ведется *видеофиксация* или *видеосъемка* нарушений, но чаще всего сложное слово ошибочно написано в два слова или через дефис. То же самое наблюдаем с неправильным написанием «*авто детали / авто запчасти*» вместо *автомодели* и *автомозапчасти*. Подобное наблюдение касается и первых частей сложных слов *экспресс-* и *мини-*, вместо нормированного написания через дефис, например, *экспресс-электричка* (*экспресс-услуга*) и *мини-порт* чаще всего встречается неверное

* Карнаух Наталья Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин МГУУ Правительства Москвы.

написание в два слова «*экспресс электричка / экспресс услуга*» или слитное написание «*минипорт*», «*минимаркет*». Однако, возможно, мы должны руководствоваться написанием «*минимаркет*» по аналогии со словарным вариантом «*минимобиль*» [Лопатин:198], потому что слова «*маркет*» и «*мобиль*» не употребляются самостоятельно.

Трудности возникают при употреблении слова «*машино-место*» Встречается слитное, раздельное и написание через дефис, зафиксированное в словаре [Лопатин:188]. Некоторые специалисты также различают написание через дефис этого слова как единицы измерения. Но если речь идет о гаражном боксе определенных размеров, то предлагается писать слитно.

Следующий пример касается правил пунктуации. В деловом письме мы указываем должность адресата. Нередко руководители, особенно государственных структур, совмещают несколько должностей. Во внутренних нормативных актах написание двух должностей, принадлежащих одному лицу, фиксируется как написание через дефис. Как правильно расставить знаки препинания, если какой-то руководитель, занимая две должности, становится, например, еще и полномочным представителем властных структур, например, в Государственной думе? В регламентирующих инструкциях исполнителям предписывают в реквизите «адресат» указывать двойную должность руководителя в соответствии с утвержденными актами, т.е. через дефис, а дальше необходимо поставить еще один дефис, чтобы соблюсти единообразие – принцип деловой речи? Или все-таки отдать предпочтение запятой, если все три должности являются однородными членами предложения? Описанный вариант требует рассмотрения и принятия решения (которого сможет придерживаться создатель документа) от языкового сообщества.

Конкурирующие варианты находим в заключительной части деловых писем. По традиции после формул речевого этикета «*С уважением*», «*Искренне Ваш*», «*Всегда Ваш*» следует запятая [Пахомов 2012 : 480]. Как мы знаем, концовка делового текста – указание должности, подпись и расшифровка подписи автора. Если этикетная формула печатается заранее, то после запятой необходимо писать должность со строчной буквы. Например, «*С уважением, председатель конференции ... И. И. Ф.*».

В языковой практике чаще всего формулу речевого этикета в деловом тексте адресант пишет от руки. И мы не знаем, поставит ли он запятую, восклицательный знак или после вежливой формулы будет отсутствовать знак препинания. Многие носители языка придерживаются мнения, что названные формулы в предложении являются обстоятельством образа действия: *к Вам обращается такой-то И.О.Ф.* (как?) «*с уважением*». Думается, что и в первом, и

во втором случае мы имеем дело с равноправными вариантами. И, может быть, поэтому в электронной переписке, уходя от традиционной запятой после этикетной формулы, участники нередко заканчивают словами «*Ваш/а*» и менее формальным «*До связи*».

Возникает еще один вопрос, какой из конкурирующих вариантов использовать: *ЗАЯВЛЕНИЕ И.О.Ф* или *ЗАЯВЛЕНИЕ ОТ И.О.Ф*. Первый вариант традиционный, из школьной практики. Второй вариант продиктован требованиями делопроизводства: при указании адресанта без предлога «*от*» носители языка забывают употреблять фамилию в родительном падеже. Кроме того, сотрудники кадровых служб выделяют предлог в отдельную строку для того, чтобы четко представлять, в какое из структурных подразделений направлять документ.

Необходимо также помнить, что слово «*ЗАЯВЛЕНИЕ*» является заголовком [ГОСТ Р 6.30-2003], пишется прописными буквами без точки, как и другие виды справочно-информационных документов: «*ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА*», «*СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА*», «*ХОДАТАЙСТВО*». В языковой же практике преобладают варианты написания «*Заявление*» или «*Служебная записка*», где только первая буква прописная. Практикуется использование устаревшего варианта, когда реквизиты «*Адресат*» – «*Адресант*» – «*Заголовок*» (все строчные буквы) рассматриваются как единое предложение, в конце которого ставится точка. Например,

 Кому?
от Кого?

заявление.

Конкурирующие варианты мы наблюдаем при склонении фамилий в официально-деловом стиле речи. Так, в реквизите «адресат» мы указываем фамилию в дательном падеже (кому?). В соответствии правилами с русского языка фамилии мужского рода славянского и иноязычного происхождения на согласный звук склоняются. Однако очень часто по традиции, сложившейся в семье, обладатели фамилии (например, *Марихбейн*, *Чмиль*, *Чуш* и другие) рассматривают ее как несклоняемую. Сравните варианты (кому?) «*Марихбейну Илье*» и (кому?) «*Марихбейн Илье*». Обратим внимание, что в первом нормированном склоняемом варианте не нарушается принцип благозвучия речи. Но именно опасность подобного нарушения становится причиной для выбора несклоняемого варианта, если носителю языка кажется, что при склонении его фамилия звучит неблагозвучно. Сравните варианты (кому?) «*Чмилю Артему*» и «*Чмиль Артему*».

То же касается мужских и женских фамилий славянского происхождения на безударный **-а** (например, *Муза*, *Чуча*). Склоняемым вариантам (кому?) «*Му-*

зе Илье» и «Музе Юлии» обладатели фамилии нередко предпочитают несклоняемые (кому?) «Муза Илье» и «Муза Юлии». Подобные проблемы наблюдаем при склонении мужских и женских фамилий славянского происхождения на ударный **-а** (например, *Шульга, Лобода*).

Трудности возникают и при склонении мужских фамилий на **-ок, -ек, -ец**, которые склоняются с выпадением (например, *Коренок Иван* – кому? *Коренку Ивану*) или без выпадения гласных звуков. Например, *мы поздравляем тренера хоккейной команды Олега Знарока* (фамилия склоняется с сохранением беглого **О**) или обращаемся к «*Виктору Емецу*». Варианты с выпадением **О** и **Е** звучат неблагозвучно, встречаются только в разговорной речи, могут обидеть обладателя фамилии, и тогда он отдаст предпочтение несклоняемому варианту (кому? *Виктору Емец*).

Таким образом, при выборе склоняемого или несклоняемого варианта нужно быть внимательным: определить, мужскому или женскому роду принадлежит та или иная фамилия, а затем остановиться на одном из конкурирующих вариантов, опираясь, в том числе и на мнение обладателя фамилии, которое в некоторых случаях является решающим, несмотря на действующие правила русского языка.

Подведём итоги: в деловых текстах мы наблюдаем конкурирующие языковые варианты. Как правило, в объявлениях, текстах городских вывесок, на баннерах и растяжках используются неверные варианты, содержащие ошибочные написания, легко устранимые при обращении к словарям.

Мы также встречаемся и с равноправными вариантами, как например, при использовании формул речевого этикета в деловой переписке. Некоторые из описанных случаев нуждаются в рассмотрении авторов словарей и в дополнительных разъяснениях разработчиков стандарта по делопроизводству, которые в настоящее время готовят его новую редакцию.

Список использованной литературы

Лопатин, В. В. Слитно, отдельно или через дефис? Орфографический словарь / В.В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – М. : Эксмо, 2007. – 480 с.

Пахомов, В. М. Трудные случаи русской пунктуации: Словарь-справочник / В.М. Пахомов, В. В. Свинцов, И. В. Филатова. – М. : Эксмо, 2012. – 576 с.

Требования к оформлению документов. ГОСТ Р 6.30-2003. – М. : Издательство стандартов, 2003. – 67 с. (ГОСТ Р 6.30-2003).

СИНОНИМИКО-АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СИСТЕМНОСТИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

И.П. Кудрявцева*

В данной статье рассматриваются фразеологические единицы с компонентами, обозначающими время: *time, hour, minute, moment, second*. Рассматриваемые фразеологические единицы (далее ФЕ) организуются в рамках единого фразеосемантического поля времени, внутри которого отчетливо прослеживаются синонимико-антонимические связи.

Под фразеологическими синонимами понимаются ФЕ, «соотнесенные с одним лексико-грамматическим разрядом, имеющие равный набор основных компонентов значения, и такие различающиеся семантико-стилистические дифференциальные признаки и дистрибутивные свойства, которые могут нейтрализоваться в определенных узуальных контекстах» [Черная 1974: 88]. Нейтрализация дополнительных сем значения может происходить, когда они становятся несущественными для содержания определенного высказывания. Синонимические связи соответствуют системной организации фразеологического состава языка.

В состав «синонимического гнезда» входят «фразеологические синонимы, содержащие общие компоненты, но не содержащие синонимичных компонентов» [Кунин 1996: 129]. Члены одного синонимического гнезда могут характеризоваться разной стилистической принадлежностью. Для нашего материала характерны стилистические пометы *разг.* или *coll., spoken, informal, not fml*, а также есть несколько ФЕ с пометой *old-fashioned*. Синонимические гнезда исследуемого материала состоят, как правило, из двух-трех ФЕ. Количество адвербиальных синонимичных ФЕ преобладает над глагольными.

Приведем обобщенные данные о синонимических отношениях ФЕ внутри фразеомикрополей фразеосемантического поля времени в виде таблицы:

	дифференциальные семы	синонимические гнезда
1	постоянно, always	<i>any old time (not fml) – every time (not fml); all the time – 24(or twenty-four) hours a day</i>
	часто, often	<i>time and (time) again (not fml) – time after time (not fml) – many a time (old-fashioned) – times</i>

* Кудрявцева Ирина Петровна – кандидат филологических наук, преподаватель департамента иностранных языков кафедры английского языка для математических и экономических специальностей Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Одинцово).

		<i>and often – times out of number</i>
	иногда, sometimes	<i>at times – from time to time</i>
2	долгая длительность, long time, a good deal	<i>do smth in your own good time – take one’s time</i>
	очень долгая длительность, very long	<i>for all time – for time immemorial</i>
	короткая длительность, недолго; not long	<i>be (hard) pressed/pushed for time – have no time to lose</i>
	очень короткая длительность, мгновенно; very briefly, immediately	<i>on the spur of the moment – in the heat of the moment; in no time (at all) – in half a mo/sec; just a minute – half a mo/sec</i>
3	период, характеризующийся состоянием; period of time characterized by state	<i>a minute/moment/second to call one’s own – one’s spare time; in one’s spare time – in one’s hours of ease; not have a minute/moment/second to call one’s own – not have time to turn round</i>
	период, характер. деятельностью; period of time characterized by action	<i>lose time – waste one’s time; pass (the) time – kill (the) time</i>
	время суток (утро, ночь); time of day and night (morning, night)	<i>after hours – the (wee) small hours – the short hours</i>
4	измерение времени, measurement of time	<i>keep bad time – lose time; How’s the time? – What time do you make it?</i>
5	благоприятное время, right opportunity, right conditions	<i>gain time – mark time – play/stall for time; now’s the time – the time is ripe for</i>
	неблагоприятное время, not convenient time, unsuitable time	<i>at all hours of the day/night – at an unearthly hour – in an ill/evil hour</i>
6	одновременно, simultaneously	<i>at the same time – at one and the same time</i>
	последовательность, sequence	<i>by the time (that) – by this/that time</i>
	заблаговременность, in advance	<i>ahead of time/schedule - in good time</i>
	своевременность, at the time arranged	<i>in time – to time – on time – dead on time- on the hour/half-hour</i>
	несвоевременно, late	<i>out of time – behind time – in bad time</i>

	почти поздно, almost late	<i>(just) at/in the (very) nick of time – (spoken) - not before time – at the eleventh hour – not a moment too soon</i>
7	настоящее, present	<i>for the moment – for the time being</i>
	будущее, future	<i>at some time or other – in (the) course/fullness/process of time – in time ; at any moment- in a matter of minutes/moments/seconds – in ten/five/eight seconds/minutes flat</i>
	прошлое, past	<i>at one time or another – once upon a time (not fml) – in times gone by</i>
8	приятное время, pleasant time	<i>have (got) one's moments (not fml) – have a good time (not fml) – have a high (old) time (old-fash) – have a rare old time of it (not fml) – have the time of one's life – have a/the whale of a (good) time (not fml)</i>
	неприятное, unpleasant time	<i>fall on/hit hard times – have a bad/rough/hard/thin time – have a time of it (not fml); a bad quarter of an hour – a hell of a time (not fml) – lean time (not fml)</i>

Наиболее многочисленны синонимичные ФЕ, обозначающие такие характеристики, как частая повторяемость, своевременность и запоздалость действия или явления. Обширно синонимическое гнездо глагольных ФЕ, передающих значение приятного времяпрепровождения.

Антонимия фразеологизмов обнаруживается путем анализа структуры их значений и установления у противопоставляемых ФЕ общих и противоположных семантических компонентов значения. Фразеологические антонимы подобно фразеологическим синонимам относятся к одному грамматическому классу и к одному или разным функциональным стилям [Кунин 1996: 134]. Одним из продуктивных способов образования фразеологических антонимов является **замена прилагательного** в составе ФЕ:

- good – bad: *keep good/bad time (of a clock)* – «to show the time correctly/incorrectly» [Seidl];
- late – early: *keep bad /late hours* – «to get up, go to bed, start and finish work etc at late, irregular hours» [Seidl]; *keep good/early hours* – «means to do smth (e.g. get up and go to bed, start and finish work etc) at a good/early time» [Seidl];

- long – small, short: *the long hours* – «время суток, когда часы бьют много раз подряд (например, 11 или 12 часов)» [АРФС]; *(in) the (wee) small hours of the morning* – «the early morning, between about 1 o'clock and 4 o'clock» [LID]; *the short hours* – «время суток, когда часы бьют всего несколько ударов (например, 2 или 3 часа)» [АРФС];
- Good, happy – ill, evil: *in a good (или happy) hour* – «в добрый час; вовремя» [АРФС]; *in an ill (или evil) hour* – «в недобрый, злополучный час; не вовремя» [АРФС].

К другим способам образования фразеологических антонимов относятся:

- **использование отрицания *not***: *for the first etc time* – «marks the place (first etc) in a number of occurrences» [ODEI] – *not for the first time* – «as has happened sometimes, or often, before» [ODEI];
- **замена предлога**: *abreast of (или (up)with) the times* – «вровень с веком, не отстающий от жизни» [АРФС] – *behind (one's) time (или the times)* – «устарелый, отсталый, не идущий в ногу с веком, отставший от жизни» [АРФС];
- **замена глагола**: *buy time* – ««покупать время», получить возможность за плату выступить по радио или телевидению» [АРФС] – *sell time* – «амер. “продавать время”, предоставлять за плату возможность выступить по радио или телевидению» [АРФС].

Отметим, что в настоящее время исследователи переносят акценты с изучения внутренних свойств системы на ее функционирование в речи. Контекстные и дискурсные условия реализации фразеологизма раскрывают его информативный потенциал и представляют значительный интерес для изучения.

Список использованной литературы

- Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1996. – 384 с.
- Черная, А.И. Семантико-стилистические особенности английских фразеологических единиц со значением движения-перемещения: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1974. – 257 с.
- Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с. [АРФС]
- Longman idioms dictionary. – Addison Wesley Longman Ltd, 2000. – 398 p. [LID]
- Seidl, J. English idioms and how to use them. – Oxford. 1978. – 275 p. [Seidl]
- Cowie, A.P., Mackin R., McCaig I.R. Oxford dictionary of English idioms. OUP, 1993. – 748 p. [ODEI]

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В «СКАЗКАХ О ТРОЙКЕ» БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

С.А. Черницына*

Языковая игра – термин Людвиг Витгенштейна, австрийского философа и мыслителя XX века, введенный им в «Философских исследованиях» 1945 года [Витгенштейн 2011]. В русском языкознании термин вошел в широкий научный обиход после публикации одноименной работы Елены Андреевны Земской в соавторстве [Земская и др. 1983]. Подходы к определению данного понятия весьма разнородны, однако доктор филологических наук Светлана Васильевна Ильясова, обобщая разные точки зрения, выделяет его наиболее существенные признаки: комический эффект и намеренная ненормативность [Ильясова 2009].

Языковая игра может создаваться средствами разных языковых уровней.

На фонетико-графическом уровне:

- фонетическими повторами;
- искажением фонетического облика слова путем замены или перестановки букв;
- делением слова на псевдозначимые фонетические отрезки (обычно с использованием дефиса);
- вставкой в слово символа или заменой на него буквы;
- варьированием прописных и строчных букв, шрифтов;
- транслитерацией.

На словообразовательном уровне:

- созданием окказионализмов;
- использованием акронимов.

На лексико-фразеологическом уровне:

- намеренным столкновением в контексте противоположных, лексически несовместимых значений слов и в употреблении слов в несвойственном для них значении;
- употреблением стилистически разнородных элементов;
- обыгрыванием системных отношений лексического уровня: полисемии, омонимии, синонимии, антонимии, паронимии;
- обыгрыванием иностранных, устаревших слов, терминологии;
- буквализацией слов и выражений;
- клише и фразеологизмами, которые употребляются как в трансформированном виде, так и в трансформированном значении.

* Черницына Светлана Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

На грамматическом уровне:

- переосмыслением грамматических показателей слова;
- искажением законов синтаксической сочетаемости;
- трансформацией прецедентных текстов [Норман 2006: 100-101].

Языковая игра особенно активно используется в произведениях тех жанров, где она является одним из продуктивных способов создания комического эффекта, к которым в частности относятся варианты «Сказки о Тройке» братьев Стругацких.

«Сказка о Тройке» – сатирическая повесть братьев Стругацких (1968), связанная общими героями с повестью «Понедельник начинается в субботу». Предполагалось печатать повесть в «Детской литературе» и в «Молодой гвардии», но оба издательства неожиданно для авторов отказались. Существуют два основных варианта текста: пространный, впервые опубликованный в журнале «Смена» в 1987 году; и краткий – для альманаха «Ангара» (специально «подогнанный» под объём), напечатанный в 1968 году. Варианты различаются дополнительными героями и сюжетными линиями. Повесть публиковалась за границей в журнале «Посев».

В «Сказке о Тройке» мы встречаем магов из НИИЧАВО. Всемогущие, способные воду обратить в вино, они теперь – чтобы поработать с экспонатами колонии необъясненных явлений (одному из магов необходим Черный Ящик, другому – говорящий Клоп и т. д.) – вынуждены искать окольные пути, то и дело ставя под угрозу чувство собственного достоинства, хитрить, ловчить, заискивать даже... Перед кем? Кто стоит между ученым и объектом приложения его сил? Тут-то и вырастает зловещий образ комиссии «по рационализации и утилизации необъяснимых явлений» – Тройки.

Название многозначительное. Есть здесь явственная отсылка к приснопамятным «тройкам» – скоротечным судам сталинских времен над «врагами народа. Есть и другая, более неожиданная, сатирически «перевернутая» параллель – с евангельской святой троицей [Арбитман 1987].

В повестях представители Тройки не просто аморальны, но и абсолютно не имеют никакого понятия о науке, которой им надлежит «ведать». Вот в чем причина сатирической неразберихи в повести и возможность реальных кризисов в жизни: в некомпетентности «хозяев науки», в неумении и нежелании признавать ошибки, судить обо всем иначе, чем через призму инструкции, и видеть дальше собственной ладони. Более того, административная система в это время, которое позже назовут «застойным», и не способствовала появлению на командных должностях в науке настоящих ученых – нерассуждающий человек был удобнее. В повести Стругацких в руках Тройки оказывается большая Круг-

лая Печать, символ власти, могущий узаконить любое, самое нелепое их решение. Жанр сатирической фантастики позволил Стругацким довести ситуацию столкновения интересов науки и административного невежества до абсурда, до рокового предела, показать опасные последствия такого столкновения [Стругацкие].

Языковая игра в произведениях братьев Стругацких является одним из основных средств создания комического эффекта и создаётся элементами всех языковых уровней. Одним из наиболее ярких приёмов является окказиональное словообразование и употребление фразеологизмов.

Слова – окказионализмы. Создание индивидуально-авторских неологизмов обычно связано с использованием словообразовательных ресурсов родного языка. Эстетическая ценность таких новообразований определяется искусством автора, его умением применить наиболее яркие и стилистически оправданные экспрессивные краски тех или иных словообразовательных моделей. В «Сказках о Тройке» мы выделили 40 окказионализмов, большинство из которых построено на основе использования словообразовательных ресурсов языка и способами, характерными для русского словообразования в целом. В таблице 2 представлены варианты окказионализмов, которые полностью соответствуют законам русского словообразования, и поэтому их часто называют в языкознании «потенциальными словами».

Таблица 1

Окказионализмы

Слово	Производящее	Словообразовательная морфема, значение	Аналогия
<i>Префиксальный</i>			
пронуть	нуть	ПРО- «законченность действия»	пробежать
подраспустить	распустить	ПОД-«неполнота действия»	подзабыть
контрдоговор	договор	КОНТР- «противо»	контратака
контрзаклинание	заклинание		
<i>Суффиксальный</i>			
зубовщина	Зубо	-ЩИН-разг. «бытовое или общественное явление, характеризующееся признаком, присущим мотивирующему имени»	достоевщина
воронятина	ворон	-ЯТИН- «мясо животного»	телятина

		го»	
амфибрахист	амфибрахий	-ИСТ- «человек по роду занятий»	иллюзионист
думатель	думать	-ТЕЛЬ- «прибор, выполняющий действие»	ускоритель
ответание	ответать	-НИЙ- «абстрактное действие»	протираание
дорассмотрение	дорассмотреть		
антропофагический	антропофаг	-ИЧЕСК- «характерный для того, что названо производящей основой»	прозаический
трансгрессироваться	трансгрессия	-ИРОВА- + -СЯ- «самостоятельно совершить действие»	катапультироваться
Префиксально-суффиксальный			
собрачник	брак	СО- «совместность»	сотрудник
соутробец	утроба	-НИК-, -ЕЦ- «лицо»	сослуживец
оквадратить	квадрат	О- + -И- «сделать подобным тому, что названо производящей основой»	опредметить
подсигивать	сигать	ПОД- + -ИВА- «неполнота действия несов вида»	подмигивать
Сложение основ			
лифтовод	лифт + водить		садовод
маготехника	маг + техника		светотехника
мотокавалерия	мотоцикл + кавалерия		мотопехота
припискомания	приписки + мания		наркомания
взаимопожирание	взаимный + пожирание		взаимопонимание
взаимоотчуждённость	взаимный + отчуждённость		взаимовежливость
каменнолицый	каменный + лицо		бледнолицый
ядоопасный	яд + опасный		пожароопасный
галактоцентрический	галактика + центрический		гелиоцентрический
верхнечеловеческий	верхний + человеческий		общечеловеческий
Сложно-суффиксальный			
наукотлюбивый	наука + любить + -ИВ-		трудолюбивый
девятистотомное	девятисто + том + -Н-		многотомное
однозаявочные	один + заявка + -Н-		одноклеточные

фактосочинитель- ство	факт + сочинить + -ТЕЛЬСТВ-	членовредитель- ство
Слияние слов		
глубокоценимый	глубоко ценимый	глубокоуважае- мый

Кроме этих «потенциальных слов» Стругацкие в окказиональном словотворчестве прибегают и к различным видам трансформации, являющимся отступлением от словообразовательных норм. К числу таких трансформаций следует отнести:

1) *использование нехарактерных для словообразовательного типа производящих основ*: качественные наречия образуются не от качественных прилагательных (*сдвоенно, дальнобойно*); в основе лежит иная часть речи (*мармеладчики* – «человек как носитель признака», обычно образуются от глаголов – *потатчик*, а от сущ. со значением «человек по роду занятий» – *автоматчик*).

2) *чересступенчатое словообразование* – когда производящая основа уже является окказиональным словом, придуманным автором, хотя в целом схема типа сохраняется: *фактосочинительство от фактосочинитель* (аналогия – *членовредительство от членовредитель*); *реморализатор и реморализация от реморализовать* (как *организатор и организация от организовать*); *счастливенько от счастливенький* (как *счастливо от счастливый*); *ощупкой от ощупка* (*шуткой от шутка*); *заколдунский от заколдун* (*учительский от учитель*); *отлягиваться от отлягивать* (как *отпихиваться от отпихивать*)

Весьма выразительными являются немногочисленные окказиональные *акронимы* в повестях – особый вид аббревиатур, образованных начальными звуками (напр. НАТО, вуз, НАСА, ТАСС). Фактически, акроним представляет собой слово, являющееся сокращением, которое можно произнести слитно (в отличие от аббревиатуры, которую произносят «по буквам»), что позволяет включить его в языковую игру. Слитное произнесение может создавать новые смыслы. Комический эффект особенно ярок, если смысл составляющих акроним слов антонимичен (или контрастен) смыслу вновь образованного слитного слова. Этим приёмом пользуются братья Стругацкие в своих повестях: ТПРУ-НЯ – Тройка по рационализации и утилизации необъяснимых явлений. НИИЧАВО – Научно-исследовательский институт чародейства и волшебства

Окказиональное употребление фразеологии. Нелепые, парадоксальные ситуации изображены и при помощи фразеологических оборотов и устойчивых сочетаний, клише, искаженных по форме или по семантике. Соответственно выделяются два вида окказиональных преобразований фразеологизмов: семантические и структурные.

К **структурным** преобразованиям следует отнести:

- замену или перестановку одного или нескольких лексических компонентов;
- расширение фразеологизмов за счет дополнительных компонентов;
- смешанный вариант – расширение с лексической заменой компонентов;
- фразеологическая контаминация(каламбур) – смешение нескольких фразеологизмов в одном сочетании.

К **семантическим** видоизменениям относятся:

- изменение смысла фразеологизма путём помещения в необычный контекст;
- создание собственных фразеологизмов на основе отдалённой ассоциации с устойчивыми выражениями языка.

Структурные преобразования фразеологии наиболее частотны в прозе братьев Стругацких.

Таблица 2

Структурные преобразования фразеологизмов

Окказиональный вариант	Исходный вариант
Замена компонента	
<i>Как последний осёл</i>	<i>Как последний дурак</i>
<i>Жонглировать цифрами и бросаться старичками</i>	<i>Жонглировать фактами и разбрасываться словами</i>
<i>В три дня не обгадишь!</i>	<i>В три дня не объедешь</i>
<i>Ваше дело полубомбочное</i>	<i>Ваше дело сторона</i>
<i>Старая ты песочница</i>	<i>Старая перичница</i>
<i>Впал в юмористическое настроение</i>	<i>Впал в задумчивость</i>
<i>Гнёзда кипения противоречивых страстей</i>	<i>Гнездо раздора</i>
<i>Кто не ошибается, тот не ест</i>	<i>Кто не работает, тот не ест</i>
<i>Предложение было встречено штыками и картечью</i>	<i>Предложение было встречено аплодисментами</i>
<i>Уход в кусты</i>	<i>Уйти в кусты</i>
<i>Ввести в рамки</i>	<i>Вышел за рамки</i>
<i>С аккордеоном на изготовку</i>	<i>С автоматом (оружием) на изготовку</i>
<i>Порыв снизу</i>	<i>Инициатива (почин) снизу</i>
<i>Вогнал его в смущение</i>	<i>Вогнать в краску</i>

<i>Тройка троицу любит</i>	<i>Бог троицу любит</i>
<i>Смотреть на мир через черное стекло</i>	<i>Смотреть на мир сквозь розовые очки</i>
<i>Высшая мера рационализации</i>	<i>Высшая мера наказания</i>
<i>Свет стал мраком перед глазами</i>	<i>Свет померк в глазах</i>
<i>Слышно, как умывается муха</i>	<i>Слышно, как летит муха</i>
Расширение компонентного состава	
<i>Он грыз гранит науки, не жалея ни зубов, ни гранита</i>	<i>Грызть гранит науки</i>
<i>Вовремя рвануть когти, унося что-нибудь в клюве при этом</i>	<i>Рвать когти</i>
<i>Черт меня подери со всеми потрохами, включая аппендикс и двенадцатиперстную кишку!</i>	<i>Черт меня подери со всеми потрохами</i>
<i>Уши развеивают по чужим домам</i>	<i>Уши развесить</i>
<i>Нельзя ждать милостей от природы и бюрократии</i>	<i>Нельзя ждать милости от природы</i>
<i>Время собирать камни уже миновало, наступило время камнями убивать</i>	<i>Время собирать камни</i>
<i>Сидим в глубокой потенциальной галоше</i>	<i>Сесть в галошу</i>
<i>Прямое попадание в кабину самого необученного академика</i>	<i>Прямое попадание снаряда</i>
<i>Доктор самых неожиданных наук</i>	<i>Доктор (технических) наук</i>
<i>Рубикон пришлось переходить вторично</i>	<i>Перейти Рубикон</i>
<i>Исполнение духа и буквы инструкции</i>	<i>Исполнение буквы закона</i>
Смешанный тип	
<i>Крокодила съел, собакой закусил</i>	<i>Собаку съесть</i>
<i>О невидании как своих ушей без зеркала</i>	<i>Не видеть как своих ушей</i>
<i>Оправился послежелудочного удара</i>	<i>Оправиться от удара</i>
<i>Фортуна повернула к нам свою спину</i>	<i>Удача отвернулась от нас</i>
<i>Ставить каменные точки над разными буквами</i>	<i>Расставить все точки над И</i>
<i>Утрата административного обоняния</i>	<i>Утратить нюх</i>
<i>Охранять посевы знаний от плевел</i>	<i>Отделять зёрна от плевел</i>

невежества	
<i>Платон был и остается его другом, но науке, в лице его, научного консультанта, истина все-таки дороже</i>	<i>Платон мне друг, но истина дороже</i>
<i>Исключить навсегда из памяти народа, то есть из географических и топографических карт</i>	<i>Стереть(ся) из памяти народной</i>
Контаминация	
<i>Бедя, которую я сам накачал себе на голову</i>	<i>Накликать беду + не было печали – черти накачали+ на голову</i>
<i>Вернуть в лоно семьи двух слетевших с нарезки хоккейных болельщиков</i>	<i>Вернуться в лоно церкви + слететь с катушек</i>
<i>Сукин кот</i>	<i>Сукин сын + ёшкин кот</i>
<i>Он пожрал глазами сначала заявку, потом фотографию на документе, а на закуску — самого Эдика</i>	<i>Пожирать глазами + оставить на закуску</i>
<i>Хлебовводов меня сразил, зарезал он меня, убил и в землю закопал</i>	<i>Зарезать без ножа + у попа была собака... он её убил, и в землю закопал, и надпись написал</i>
<i>Ты такой ещё не нюхивал</i>	<i>Не нюхать пороху + не видывал</i>
<i>Наука в моем лице потеряла дар речи</i>	<i>Потерять дар речи + в лице такого-то</i>

Анализ компонентных преобразований устойчивых сочетаний позволяет сделать вывод, что чаще всего наблюдается замена компонента **синонимом или синонимичным выражением**: дурак-осёл, раздор – кипение страстей, померк – стал мраком; словом **одной смысловой группы**: задумчивость – юмористическое настроение (душевное состояние), крокодил – собака (животные), закон – инструкция (документы); **антонимом**: аплодисменты – штыки и картечь, ввести – выйти; **однокоренным словом**: уход – уйти, рвать – рвануть. Однако наибольшим комическим потенциалом обладают видоизменения, нарушающие какие-либо логические связи между понятиями. Таким образом возникает эффект неожиданности, заключающий в себе юмористическое начало: *высшая мера рационализации (наказания), слышно, как умывается (летит) муха, с аккордеоном (автоматом) на перевес и т.п.*

Смысловые преобразования фразеологизмов менее частотны, но не менее выразительны. В тексте нам встретились варианты, приобретающие иной смысл в контексте повествования. Например: *Ему предъявили счет за каждую выпитую из членов Тройки каплю крови, и он оплатил этот счет сполна. За*

что же мы кровь свою проливали? В этих фразах обыгрываются высокие патетические устойчивые сочетания: *пролить кровь* (пострадать за какое-то дело), *пить кровь* (притеснять, эксплуатировать), но по ситуации значение этих сочетаний буквализируется – речь идет о крови, выпитой комарами. Возникает комический контраст прямого и переносного смысла высказывания. Аналогичные варианты – *Залетил мне уста Печатью Молчания Эйхмана-Ежова. Теперь получили все: никто не был забыт, и ничто не было забыто.*

Вторая группа контекстов не содержит конкретных компонентов фразеологизмов, а только вызывает смутное воспоминание о них (**аллюзию**). Как правило, они передают структурные особенности устойчивых выражений или содержат одно из слов, отсылающих к ним, и поэтому в определенных контекстах вызывают смысловые ассоциации. Такие фразеологизмы обычно называют авторскими: *Чего он взад-вперед мотается, как жесть по ветру? (как говно в проруби). Гранит дал трещину, бастион несколько накренился (гранит науки). Выбегалло понял, с какой стороны масло на данном бутерброде (бутерброд падает маслом вниз).*

Основной стилистической функцией языковой игры в «Сказках о Тройке» является функция создания комического эффекта, сатирического обличения персонажей – прежде всего, членов Тройки, которые изображаются как люди, ничего не смыслящие в науке – предмете их непосредственной деятельности.

Список использованной литературы

Арбитман, Р. До и после «Сказки...» // Заря молодежи (Саратов). – 1987. – 19 сент. – С. 8–9.

Витгенштейн, Л. Философские исследования/ Л. Витгенштейн. – М.: АСТРЕЛЬ, 2011. – 352 с.

Земская, Е.А. Речевые приемы комического в советской литературе / Е.А. Земская. – М.: Астрель, 1959. – 234 с.

Земская, Е.А. Языковая игра / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест. – М.: Наука, 1983. – С. 172 – 214.

Ильясова, С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С.В. Ильясова. – М.: Астрель, 2009. – 213 с.

Норман, Б.Ю. Игра на гранях языка/ Б.Ю. Норман. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 344 с.

Сковородников, А. П. О понятии и термине «Языковая игра» // Филологические науки. – 2004. – № 2. – С. 25-43.

Фразеологический словарь русского языка – М.: Астрель, 2006. – 873 с.

Материалы сайтов:

Википедия // ru.wikipedia.org (Википедия)

Аркадий и Борис Стругацкие // strugacki.ru (Стругацкие)

ПОЛОНИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И.А. Шушарина*

Одним из видимых результатов бытового, культурного, научного, религиозного, технического, экономического взаимодействия языков является процесс заимствования, то есть «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой» [Крысин 1968 : 7]. Известно, что русский язык в разное время принял не один десяток тысяч заимствований, которые затронули разные языковые уровни. Это и изначально греческий по происхождению звук [ф], для которого в глаголице и кириллице существовало по две буквы, но сам русский язык не имел глухого губно-зубного спيرانта, и отдельные морфемы (например, префиксы *а-, архи-, анти-, де-, контр-, пан-, ультра-*; суффиксы *-аж, -ант, -ёр, -изировать, -ировать, -изм, -ист, -ст*), и словообразовательные модели (*благонравие, богобоязнь, любомудрие, добропорядочность, злонамерение; масс-медиа, кофе-брейк, пресс-релиз, смарт-часы, смарт-ТВ (смарт-телевизор), PR-отдел, IT-технологии, скейтборд*), и грамматические формы (например, вышедшая уже из употребления форма супина, так называемое «желательное наклонение», использующееся в восклицательных конструкциях «*Да здравствует...!*», «*Да будет...*»), и синтаксические конструкции (например, утратившийся сейчас греческий оборот «дательный самостоятельный»). Однако наибольшее количество заимствований приходится, безусловно, на лексику, которая в разное время пополнялась словами из греческого, латинского, тюркских, голландского, итальянского, французского, немецкого, английского и других языков.

Свыше тысячи лексем пришли в русский язык из польского языка или его посредством. Наиболее полный в настоящее время список заимствований содержится в «Новом словаре польских заимствований в русском языке» В. Витковского [Witkowski 2006]. Среди них такие, например, слова, как *абсолютный, автобус, автограф, автор, авторитет, агент, агония, адвокат, адмирал, адрес, аккуратный, акция, бунт, бутылка, быдло, Венгрия, вензель, гонор, доконать, доскональный, забияка, клянчить, кухня, мещанин, мещанство, музыка, муштра, муштровать, отчизна, панцирь, Париж, повидло, подлец, поединок, пончик, поручик, потрафить, почта, предместье, приватный, пудра, рынок, рыцарь, таблица, танец, тарелка, фигляр, хлопец, хорунжий, цель, цифра, шкодить, шкодливый, школа, шлях, шляхта, шляхтич, шмат, шнур, шнурок, шоры, шпага, шпагат, шпалера, шпана, шпаргалка, штиговать, штик, штилька, штулька, шрам, штольня, штука, штурм, штык, шулер, шумовка, ярмарка и*

* Шушарина Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

др., а также образованные по польским моделям союзы *если* (из польского *jeśli*), *так что* (из польского *tak co*), частица *якобы* (*jakoby*) [Там же].

Однако далеко не все из вышеперечисленных слов имеют в польском и русском языках абсолютно одинаковый набор значений. Чаще всего полное совпадение значений обнаруживается в том случае, если слово было сначала заимствовано в польский язык, а затем спустя незначительное время попало из него в русский. Среди полных эквивалентов можно найти географические наименования (*Węgry* : Венгрия, *Paryż* : Париж), научные термины (*agonia* (из греч.) : агония, *absolutny* (из лат.) : абсолютный, *sztolnia* (из нем.) : штольня), термины искусства (*autograf* (из греч.) : автограф, *muzyka* (из лат.) : музыка, *taniec* (из ср.-в.-нем.) : танец), военные термины (*bunt* (из нем.) : бунт, *cel* (из ср.-в.-нем.) : цель, *szpada / szpada* (из лат.) : шпага, *szrama* (из ср.-в.-нем.) : шрам, *szturm* (из нем.) : штурм), социальные термины (*autobus* (из англ.) : автобус, *autorytet* (из нем.) : авторитет, *adres* (из нем.) : адрес, *jarmark* (из ср.-в.-нем.) : ярмарка, *poczta* (из ит.) : почта, *szkoła* (из лат.) : школа, *szlachta* (из ср.-в.-нем.) : шляхта), наименования лиц по роду занятий, профессии, званию и т.п. (*autor* (из лат.) : автор, *agent* (из нем.) : агент, *adwokat* (из нем.) : адвокат, *admiral* (из англ.) : адмирал, *rycerz* (из ср.-в.-нем.) : рыцарь, *szlachciś* (из ср.-в.-нем.) : шляхтич, *szuler* (из нем.) : шулер), слова, обозначающие предметы быта (*butelka* (из фр.) : бутылка, *puder* (из фр.) : пудра, *talerz* (из ср.-в.-нем.) : тарелка, *szor* (из ср.-в.-нем.) : шоры, *sznur* (из нем.) : шнур, *szpilka* (из ср.-в.-нем.) : шпилька, *szpulka* (из ср.-в.-нем.) : шпулька). Перечисленные слова, как правило, имеют лишь одно значение как в польском, так и в русском языке, исключение составляют лишь некоторые лексемы. Так, слово *szpilka* в польском языке имеет значения «булавка», «заколочка для волос, шпилька», «высокий тонкий каблук», «туфли на таких каблуках». Все эти значения мы обнаруживаем и в русском языке. Единственное различие в употреблении этих коррелятов можно найти в устойчивом сочетании «*ani szpilki wetknąć*», которому соответствует русское «яблоку негде упасть». При сохранении общей семантики выражения «тесно до такой степени, что невозможно поместить ещё что-либо малое», представление о самом малом в разных языках варьируется.

Совпадающий набор значений имеют и некоторые полонизмы, возникшие непосредственно в польском языке. Происходило это в том случае, когда в русский язык вместе со словом был заимствован концепт или значительная его часть. Так, в «Жалованной грамоте городам и дворянству» [ПСЗРИ 1830 : XXII : 358-384], законодательном акте, изданном Екатериной II 21 апреля 1785 года, в Российской империи было впервые закреплено сословие мещан – городского податного населения (ремесленников, мелких торговцев). Однако в «Словаре

русского языка XI–XVII веков» [СРЯ XI–XVII : IX : 143-144] первое употребление в значении «житель посада, слободы, входивший в городское податное сословие» фиксируется под 1514 годом, а для Смоленщины в значении «горожанин вообще, представитель торгово-ремесленной части населения города» – под 1495 годом. Представление о жителе города, который одновременно по разным позициям противопоставлен селянам (место жительства), купцам (доход), дворянам (знатность) и духовенству (сакральность), вместе с лексемами *мещанин*, *мещанство*, *мещанский* пришло в русский язык через белорусские, литовские, входившие в Речь Посполиту, и пограничные с ними российские земли, где сформировалось под польским влиянием. Но и в польском языке это представление не являлось исконным. Оно было заимствовано из немецкой культуры, в которой в Средние века и сложился этот концепт, вербализованный лексемой *Bürger*. В польском языке наиболее удобным вербализатором концепта стал элемент, соотносящийся с общеславянским корнем **měst-* > **mět-* «*метить*, *метка*», который в польском языке реализовался в лексемах *miasto* ‘город’, *mieszczanin* ‘житель города’, *mieszczanski* ‘мещанский’ (*stan mieszczanski* ‘мещанское сословие’), *mieszczanstwo* ‘мещанство, городские жители’, *mieszczka* ‘уст. горожанка’, ‘*презр.* мещанка, обывательница’, *mieszczuch* ‘горожанин’, ‘*презр.* мещанин, обыватель’, *mieszkać* ‘проживать’ и др. В современных русском и польском языках корреляты *мещанин* : *mieszczanin* как термины сохраняют историческое значение «представитель городского податного сословия ниже купеческого; горожанин», но в XIX веке в рамках концепта без влияния литературы в обоих языках сформировалось ещё одно значение: «человек с мелкими, ограниченными интересами, узким кругозором, человек консервативных взглядов» [см. USJP; Кузнецов 2000; Шведова 2007].

В чешской и польской кулинарной культуре возникло представление о способе приготовления сладкого блюда из протертых плодов фруктовых деревьев, сваренных с патокой (изначально) или сахаром. Вербализатором представления о тянущейся, свивающейся после варки сладкой массе, которую в процессе приготовления постоянно нужно было помешивать, поднимая то, что находится на дне посуды, наверх (вить), выступает лексема *powidła*, восходящая к общеславянскому **viti* [Черных 1999: II : 47]. Очень яркой западнославянской чертой в слове является рефлекс **dl** на месте общеславянского **dl*, которому в русском языке должен соответствовать л (ср. русское образование от того же корня *вилы*). Из польского языка в русский был заимствован способ приготовления блюда и название готового блюда.

Не менее интересна история общеславянского слова *подлый*. В русском языке оно известно с XVII века в значении ‘простой, не изысканный, низкого

качества': «Подлая пища – простая ядь» [Алфавит XVII в.; цит. по СРЯ XI–XVII: 15: 280], то есть простая еда, низкого качества. Более ранних упоминаний этого слова в русских текстах не отмечено. Вероятно, эта лексема связана по происхождению с наречием и предлогом *podle* 'близко, возле, рядом, в непосредственной близости; по протяжению, рядом и вдоль чего-л.' [СРЯ XI–XVII: 15: 275], известном также в польском языке. В польском языке примеры употребления прилагательного *podły* фиксируются в текстах с XVI века. Самым распространенным значением является близкое к русскому «негодный, мало значимый, низко ценимый, тяжёлый». Кроме того, отмечаются значения «маленький, незначительный по размеру» и «плохой с точки зрения нравственности, морали» * [SP XVI : 25: 465]. Последнее значение было заимствовано в русский язык из польского и фиксируется в качестве дополнительного в русскоязычных словарях только с конца XVIII – начала XIX века. Следует заметить, что сословное значение («человек низкого происхождения, из холопов, крепостных») в современных польском и русском языках отсутствуют, зато сохранилось значение, характеризующее человека с точки зрения морали, а в польском языке сохраняется также значение качества чего-либо (*podła pogoda* – скверная погода, *podły nastrój* – скверное настроение, *podły gatunek* – низкий сорт).

Среди полонизмов в русском языке немало слов, которые в определённых контекстах могут оказаться «ложными друзьями переводчика». Прежде всего это многозначные в польском языке слова. Они проникли в русский язык из польского или посредством польского лишь в одном-двух значениях, остальные же носителю русского языка неизвестны, хотя сама лексема хорошо знакома. Именно поэтому перевод некоторых польских текстов может вызывать затруднения. Сравним значения некоторых частичных польско-русских эквивалентов, пришедших в русский язык из польского.

Акcja / акция

= Целенаправленное действие, предпринимаемое для достижения какой-л. цели: *Oddziały specjalne rozpoczęły akcję odbicia zakładników*. – Специальный отдел начал акцию освобождения заложников; *akcja protestu* – акция протеста.

В русский язык из польского пришло только это значение лексемы. Помимо него, в польском эта лексема обозначает действия в профессиональной деятельности, но на русский язык она должна переводиться уже при помощи иных языковых единиц:

* Перевод наш. – И.Ш.

≠ Совокупность мероприятий для осуществления важной общественно-политической или экономической задачи: *akcja wyborcza* – избирательная кампания;

≠ *воен.* Военное действие, сражение, военная операция: *wprowadzić do akcji* – ввести в действие (в бой);

≠ *спорт.* Наступательные действия, атака: *Strzela! Gol!!! Co za akcja!* – Удар! Гол!!! Какая атака!

В польском языке лексема *akcja* в польском языке используется также в качестве литературоведческого термина, которому в русском языке соответствует термин *действие*:

≠ *литер.* В литературном произведении ход событий, связанных хронологической или причинно-следственной связью: *Akcja tej powieści rozgrywa się w Anglii.* – Действие романа происходит в Англии.

Это слово можно обнаружить и в польском воровском жаргоне, где оно имеет значение «преступление».

Из немецкого языка в чешский, а оттуда в польский было заимствовано слово *kuchnia*, которое обозначает помещение для приготовления пищи (*dwa pokoje z kuchnią* – две комнаты с кухней), характерный для какого-либо региона состав блюд (*kuchnia rosyjska* – русская кухня, *kuchnia polska* – польская кухня), оборудование для приготовления пищи вне помещения (*kuchnia polowa* – полевая кухня). Позднее в польском языке развилось еще одно значение, которое также пришло в русский язык, – внутренние, скрытые механизмы чего-либо (*kuchnia teatralna* – театральная кухня). Во всех этих значениях полонизм *кухня* хорошо известен и в русском языке, однако это не все значения, в которых употребляется слово в польском языке. В древневерхненемецком *kuchīna* восходит к латинскому *coquere* «готовить» [Шанский: VIII: 462; Фасмер: II: 436], поэтому не только помещение, где варят и стряпают, обозначается данной лексемой, но и оборудование для приготовления пищи, плита также называется в польском языке *kuchniy*, *kuchenka*: *kuchnia gazowa* – газовая плита, *kuchnia mikrofalowa* – микроволновая печь. Кроме того, и в польском, и в русском языках в XX веке возникли новые не совпадающие значения: в польском – режим питания, набор употребляемых в пищу продуктов (*kuchnia dietetyczna* – диететический стол), в русском языке – кухонный гарнитур, набор мебели для обстановки кухни (*Мы купили новую кухню.* – Kupiliśmy nowy zestaw kuchenny).

Не менее интересна судьба полонизмов собственно славянского происхождения. Так, на общеславянской основе от корня *bi- (*biti) в славянских языках образовалась лексема *забить* / *zabić*, одним из значений которой является «убить», причем в польском языке у данной лексемы это было основным

значением [первое из пяти приведённых в словаре; SSt: 69: 42–46], в русском – одним из второстепенных, малочастотных (в словаре русского языка XI–XVII веков из семи приведенных значений оно занимает седьмое место [СРЯ XI–XVII: V: 134]). Далее в польском языке возникло *zabijak* «убийца». Того, кто очень воинственно настроен, склонен затевать драки, свары, ссоры поляки позднее стали называть *zabijaka*. Лексема с этим значением была заимствована в русский язык. Однако словом *zabijaka* поляки называют не только задир, но и авантюристов, искателей приключений. Последнее значение в русском языке не известно, поэтому фраза «*Don Kichot to prawdziwy zabijaka*» может быть истолкована неверно.

Рассмотрим значения еще трёх полонизмов.

Отчизна

Ojczyzna

= Отечестве, родина, место, где родился (в РЯ – высокое, поэтическое, в ПЯ общеупотребительное): *miłość do ojczyzny* – любовь к родине, *bronić ojczyzny* – защищать Родину / Отчизну, *służyć ojczyźnie* – служить Родине / Отчизне / Отечеству, посл. *Miie blizny dla ojczyzny* – раны, полученные в борьбе с врагами Отечества и являющиеся предметом гордости;

≠ перен., книж. место, откуда что-л. берет своё начало: *ojczyzna baroku* – место зарождения барокко.

Пончик

Pączek

= *кулин.* кулинарное изделие из дрожжевого теста кольцеобразной формы: *świeże pączki* – свежие пончики, *smażyć pączki* – жарить пончики;

≠ *бот.* почка: *pączki na drzewie* – почки на дереве, *pączki kwiatów* – завязи цветов.

Общеславянское **рѣк-* в русском языке преобразовалось в *пуч* / *пучок*, в польском – в *рѣк* / *pączek*. Первоначально – комочек, нечто пышное, раздувшееся. В русском языке лексема *пучок* сохранило исходное значение, а для обозначения кулинарного изделия, пришедшего из Польши, стал использоваться полонизм. Огласовка *-он-* в корне полонизма передаёт произношение польского непереднего носового гласного.

Цифра

Cyfra

= *мат.* Знак, используемый для записи числа: *cyfry arabskie / rzymskie* – арабские / римские цифры.

= *разг.* Цифровая камера: *filmy na cyfrze* – фильмы на цифре, т. е. снятые на цифровую камеру.

≠ *узор*

≠ *инициалы*

≠ *перен., мн.* Числовой, количественный показатель: *Дайте мне цифры, тогда и будем говорить.* – Dajcie mi dane cyfrowe, to będziemy rozmawiać.

≠ *устар.* Орнамент, узор, рисунок: *cyfry na bluzie* – узор на блузке;

≠ *устар.* Монограмма, инициалы имени и фамилии: *postawić swoje cyfry na dokumencie* – поставить на документе свои инициалы;

≠ *dane cyfrowe*

Первоначально в русский язык из польского слово пришло как математический термин. В связи с этим заимствовано было лишь одно значение польской лексемы.

Нет сомнения, что слова русского языка *быдло*, *фигляр*, *хорунжий* являются по происхождению полонизмами. В русский язык они пришли со значениями «скот» (*bydło*), 1) «фокусник», 2) «проказник, озорник» (*figlarz*), 1) «знаменосец», 2) «младший офицерский чин» (*chorąży*). В этих же значениях слова продолжают употребляться в современном польском языке, но в русском они устарели. Сейчас лексема *быдло* употребляется в значении 1) «духовно неразвитые, бессловесно покорные люди, позволяющие себя эксплуатировать», 2) «тупой, грубый, бескультурный человек» *фигляр* – «кривляка, человек, стремящийся паясничаньем, шутовскими выходками заслужит расположение кого-либо», звание *хорунжий* не употребляется в современной российской армии, а сохраняется только в казачьей среде и как историзм. Эти новые для русского языка значения отсутствуют в польском языке.

Необычны случаи полонизмов, когда заимствованное значение в языке-источнике устарело, а в языке-реципиенте активно употребляется. Так, из общеславянского **(u)enz-* / **(u)anz-* в русском языке появились слова *вязать*, *вязь* / *узел*, *узы*, в польском – *węzeł*. Семантика слов связана с переплетением чего-либо длинного (канатов, веревок, лент, волос, линий, связующих нитей души и т.п.). В русском языке слово *вензель* впервые появилось на рубеже XVII–XVIII веков в значении «монограмма», «сочетание начальных букв имени и фамилии в виде вязи» [Черных 1999 : 1: 141]. Сочетание *en* на месте праславянского носового гласного непереднего ряда свидетельствует о польском происхождении слова, в котором этот гласный в положении перед фрикативным согласным до сих пор сохраняет назальное произношение, но в открытом слоге изменился в

гласный переднего ряда, не смягчающий предшествующего согласного (лехитская перегласовка, проходившая до вторичного смягчения согласных в польском языке). В польском языке значение «причудливое переплетение линий начальных букв имени и фамилии» уже к началу XIX века утратилось. В польских текстах XIX–XXI веков в этом значении используется позднее французское заимствование *monogram* [SSt : 62 : 97–98 (*węzeł*); 24 : 126 (*monogram*)]. За словом *węzeł* закрепились значения, соответствующие русским лексемам *узел* и *узы*.

Устарели в современном польском языке заимствованные в русский вместе с соответствующими лексемами значения ещё нескольких слов: *шпаргалка* (в совр. польском *szpargaly* – только ‘исписанные бумаги, старые бумаги, ненужные бумаги’), но не ‘листок с записями, которыми пользуется ученик, неуверенный в своих знаниях’, несмотря на то что это значение известно в старопольских текстах; *доконать* (в современном польском *dokonać* ‘произвести’, ‘совершить что-л.’, ‘сделать что-л.’, ‘довести до конца’, но не ‘довести до крайности, погубить’, хотя и употреблялось в этом значении в польской литературе XVI–XVII вв. и др.

Известны полонизмы, которые соотносятся со словами, имеющими в современном польском языке несколько иную огласовку. Так, известная в южных областях России и на Украине лексема *илях* «наезженная дорога, тракт» соотносится с польским словом *szlak*, употребляющимся в частности с тем же значением и восходит к ср.-в.-нем. *slach* ‘удар, след (от конского копыта), дорога’ [ЭСУЯ: 6: 443]. В современном польском языке слово *szpik* употребляется только в одном значении: «костный мозг», но восходит оно к немецкому *Speck* ‘свиное сало’ [Boryś 2006: 606] и в XVI веке было известно в польском языке прежде всего в этом значении [SP XVI: 33: 656]. В русский язык слово *шпик* пришло именно из польского языка в своем первоначальном значении – ‘соленое подкожное свиное сало’ [Шведова 2007: 1112]. Из польского же языка к нам пришло еще одно слово – *шпик* – разг. ‘сыщик, тайный агент’ [Шведова 2007: 1112]. Однако соотносится оно в польском языке не со словом *szpik*, а со словом *szpieg* ‘агент особого назначения’, ‘тайный агент’, образованного от глагола *szpiegować* ‘подслушивать, следить за кем-л.’ [Boryś 2006: 606], который в свою очередь пришел в польский язык из средне-верхне-немецкого. Таким образом, в польском языке есть два совершенно разных слова, которые никоим образом друг с другом не соотносятся, а в русском языке они слились фонетически и образовали внутриязыковую омонимию. Кроме того, с точки зрения современного состояния, польское *szpik* и русские *шпик 1*, *шпик 2* образуют две пары «ложных друзей переводчика».

Наконец заслуживает внимания ещё одна группа полонизмов, возникновение которых в русском языке связано с непониманием русскими тех или

иных действий поляков. Самыми яркими примерами таких слов являются *гонор* : *honor* и *клянчить* : *klezczeć*. Польское представление о шляхетской чести, собственном достоинстве (*honor*), восходящее в Речи Посполитой к рыцарству, было воспринято русскими ополченцами времён Смуты как высокомерие и заносчивость (*гонор*). Рыцарская традиция, высказывая какую-либо просьбу, опускаться на колени (*klezczeć, klezczeć przed kimś, czymś*), была интерпретирована как 'надоедать просьбами, выпрашивать что-л.' (*клянчить*).

Таким образом, полонизмы, присутствующие в русском языке, далеко не всегда имеют те же самые значения, что и соответствующие им польские слова. Связано это с тем, что оба языка развиваются, и это приводит к возникновению семантической асимметрии в языке-источнике и языке языке-реципиенте. В связи с этим даже очевидные в русском языке полонизмы могут стать ложными друзьями переводчика.

Список использованной литературы

- Крысин, Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М. : Наука, 1968. – 206 с.
- Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
- Полное собрание законов Российской империи сь 1649 года. Томъ XXII. 1784–1788. – СПб. : Типографія II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярїи, 1830. – 1175 с. [*ПСЗРИ*]
- Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 9. – М.: Наука, 1981. – 352 с. [*СРЯ XI–XVII*]
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с.
- Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2 т. – М.: Русский язык, 1999.
- Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. – М.: Прогресс, 1986.
- Шанский, Н.М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–X... - М. : Изд-во Московского университета, 1963 – 2007...
- Етимологічний словник української мови. У 7 т. / О.С. Мельничук [и др.]. – Київ: Наукова думка; Інститут мовознавства ім. А.А. Потебни, 1982 – 2012. [*ЭСУЯ*]
- Boryś, W. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Kraków: Wydawnictwo literackie, 2006. – 864 s.
- Słownik polszczyzny XVI wieku. W 34 t. – Wrocław – Warszawa: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1956 – 2010. [*SP XVI*]
- Słownik staropolski. W 76 t. – Warszawa – Kraków: Polska Akademia nauk, 1953 – 2002. [*SSt*]
- Uniwersalny słownik języka polskiego; wersja 1.0. [Электронный ресурс]. – Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2004. [*USJP*]
- Witkowski, W. Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. – Kraków: «Universitas», 2006. – 256 с.

НОМО LOQUENS КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИИ

ОСНОВНЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Л. Н. Авдони́на*

Степень профессиональной пригодности человека тесно связана с правилами речевого поведения и системой речевых формул общения – речевым этикетом. Знание правил речевого этикета необходимо для организации успешного общения всем члена общества, в том числе политикам, юристам, педагогам, врачам, журналистам, предпринимателям.

Н. И. Формановская приводит следующее определение речевого этикета: «Речевой этикет – это социально значимые и национально-специфические правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» [Формановская 1998: 240]. При использовании речевого этикета учитывается социальное положение партнеров, их профессии, вероисповедание, национальности, пол и т.п. Одновременно речевой этикет связан с ситуацией общения (конференция, совещание, семинар и т.п.). Таким образом, речевой этикет «в определенной степени отражает нравственное состояние общества, его моральные устои» [Введенская 2004: 251].

Современное российское общество неоднородно, что осложняет функционирование русского языка в соответствии с речевой культурой. В 90-х гг. XX века, по мнению О. Б. Сиротининой, стало понятно влияние на реальное функционирование языка фактора отношения человека к языковым нормам, культурным и нравственным ценностям: этот фактор получил название «тип речевой культуры» [Сиротинина 2005: 6].

О. Б. Сиротинина выделяет пять типов речевой культуры (полнофункциональный, неполнофункциональный, среднелитературный, литературно-жаргонизирующий, обиходный) и дает им характеристику. Например, «благодаря полнофункциональному типу речевой культуры сохраняется преемственность между поколениями носителей русского языка» и «одновременно осу-

* **Авдони́на Лионо́ра Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Пензенского государственного университета.

ществляется вхождение в литературный язык нового», поэтому велика его роль в сохранении и развитии литературного языка [Сиротинина 2003: 4-5]. Для самого распространенного среднелитературного типа речевой культуры характерно нарушение коммуникативных и этических норм, что оказывает большое влияние на общее состояние речевой культуры общества вследствие распространения носителей данного типа речевой культуры в школе и вузе, на радио и телевидении, среди общественных деятелей и государственных чиновников.

Состояние русской речи и речевой культуры в начале XXI века обсуждается не только в средствах массовой информации, но и на государственном уровне. Все это должно, по мнению О. Б. Сиротининой [Сиротинина 2003: 9], привести к формированию хорошей речи, бережному отношению к традициям и осторожному использованию новаций, избегая, с одной стороны, дальнейшей жаргонизации речи, а с другой – пуристического неприятия всего нового. Существенную роль в процессе становления хорошей речи играют этические составляющие речевого общения.

Этические средства общения – это устойчивые этикетные формы, которые используются в определенных коммуникативных ситуациях. Выделяют этикетные формулы знакомства, представления, приветствия и прощания, формулы речевого этикета для торжественных и скорбных ситуаций, в деловом и профессиональном общении.

Одна из важнейших особенностей русского этикета – использование местоимений *ты* и *вы* как формы второго лица единственного числа. Выбор формы местоимения определяется обстановкой (официальная/неофициальная), социальным положением собеседников и отношениями между ними. Подчеркнутое использование *ты* как демонстрация дружеского отношения или демократизма чаще всего становится знаком пренебрежительного отношения или даже оскорблением, особенно в сфере официального общения [Введенская 2003: 143]. В то же время как нарушение этической нормы воспринимается не только одностороннее «тыканье», но и местоименное именование во множественном числе из вежливости отсутствующего лица.

Употребление обращений – один из сложных и спорных вопросов русского речевого этикета. Так, в русском речевом этикете нет обращения людей друг к другу. Слова *женщина* и *мужчина*, которые в последние годы часто используют в качестве обращений, нарушают норму речевого этикета: в официальной и неофициальной обстановке желательно употребить этикетные формулы – *будьте добры*, *будьте любезны*, *извините*, *простите* [Введенская 2004: 270].

В русской речевой культуре обращения имеют социальную окраску. Например, слово *гражданин*, зафиксированное в памятниках XI века, служило сначала фонетическим вариантом слова *горожанин*. В художественных текстах XVIII века слово *гражданин* приобретает значение «полноправный член общества, государства». Одновременно в творчестве А. Н. Радищева расширяется семантика слова *гражданин*: писатель называет гражданином человека, который предан Родине, служит ей и народу. Новое содержание слова *гражданин*, синонимичное слову *патриот*, характерно для поэтических текстов XIX века. В 20 – 30-е гг. XX века стало нормой использовать слово *гражданин* при обращении арестованных, заключенных, судимых к работникам органов правопорядка и наоборот: *гражданин судья*, *гражданин подследственный*, *гражданин прокурор* и т.п. [Введенская 2004: 265-266]. Негативная ассоциация вместе с социальной окраской постепенно превратилась в отрицательную коннотацию слова *гражданин*, что сделало невозможным использование его в качестве общеупотребительного обращения.

Профессиональное речевое общение должно проходить согласно правилам и нормам речевого этикета, которые могут быть представлены как в виде традиционных этикетных формул, так сложной этикетной структуры. В официальной обстановке этикетная информация может передаваться с помощью этикетной рамки, этикетных вкраплений, этикетного каркаса [6, с. 150.]. Данные этикетные средства позволяют организовать успешное проведение контакта: демонстрируют внимание к собеседнику и заинтересованность в общении, способствуют взаимопониманию, определяют тональность официального общения. В качестве этикетных средств, по мнению Н. Г. Тырниковой, используются коммуникативы, фатические фразы, этические повторы и этикетные подсказки [Тырникова 2005: 151]. Так, к языковым средствам, которые могут организовать этикетный каркас, Н. Г. Тырникова относит коммуникативы *да* и *нет*, выражающие согласие или несогласие, что является сигналом внимания со стороны слушающего и способствует поддержанию контакта [Тырникова 2005: 152-153].

Этикетная коммуникация, по мнению В. В. Дементьева, может быть прямой и непрямой. Однако «общие правила соотношения прямой и непрямой коммуникации особым образом проявляются в случае функционирования систем этикета: любая возможная непрямая коммуникация (в том числе вежливые косвенные высказывания) не выходит за пределы факультативных смыслов, дополнительных по отношению к основным этикетным смыслам, всегда выраженным прямо» [Дементьев 2005: 203], что особенно важно в официальном общении.

Таким образом, успешность профессионального общения зависит от этической составляющей. Хорошей и эффективной считается речь, организованная в том числе и в соответствии с требованиями этических норм, что способствует улучшению межличностных отношений, взаимопониманию и достижению коммуникативных целей.

Список использованной литературы

Введенская, Л.А. Деловая риторика : учебное пособие для вузов / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. – Москва: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2004. – 512 с.

Введенская, Л.А. Русский язык и культура речи : учебное пособие для вузов / Л. А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е. Ю. Кашаева. – Ростов н/Д : изд-во «Феникс», 2003. – 544 с.

Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация и этикетные смыслы / В. В. Дементьев // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. – С. 196-204.

Сиротинина, О.Б. Реальное функционирование русского языка в его соотношении с типами речевой культуры / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. – С. 6-16.

Сиротинина, О.Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – С. 3-20.

Тырникова, Н.Г. Этикетный каркас дискурса / Н. Г. Тырникова // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. – С. 149-161.

Формановская, Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н.И. Формановская. – М. : Издательский центр «Академия», 1998. – 292 с.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ КРУЖОК КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Н.В. Бабура*

Наличие местных, территориальных особенностей в русском языке давно обратило на себя внимание ученых, стало предметом специальных научных исследований. И это не случайно. Знание местных особенностей русской речи может быть использовано для решения многих важных научных и практических вопросов. Здесь прежде всего следует отметить то, что без учета своеобразия местных говоров неполными и недостаточными оказываются наши общие представления о русском языке как языке русского народа, о его сложности, о наличии в нем географических различий, о тех дополнительных богатствах и выразительных возможностях, которыми он располагает.

* **Бабура Надежда Викторовна** – учитель русского языка и литературы МАОУ СОШ № 10 города Тюмени. Научный руководитель – канд. пед. наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета Черницына Светлана Алексеевна.

Учет особенностей местных говоров очень важен при изучении целого ряда вопросов истории русского народа, в частности вопросов его расселения в пределах нашей страны. Ведь особенности любого конкретного говора достаточно определенно могут указывать, скажем, на северную или южную основу в историческом происхождении того населения, которое пользуется этим говором. Уже поэтому историков не могут не интересовать местные говоры при изучении истории конкретных групп русского населения, как и при изучении истории русского народа в целом.

Трудно обойтись без знания местных говоров при изучении и объяснении географических названий (топонимов). Многие из них образованы на основе диалектных слов. С их помощью такие топонимы и объясняются.

Знание местных языковых особенностей в ряде случаев помогает лучшему пониманию своеобразия языка художественных произведений, в том числе местных авторов.

В процессе деятельности ряда поколений ученых сформировалась особая отрасль языковедческой науки – русская диалектология (греч. *dialectos* – речь, разговор, говор; *logos* – учение).

Предметом диалектологии является изучение местных говоров русского языка в их современном состоянии и историческом развитии. В числе более конкретных задач этой науки можно указать такие, как установление диалектных различий русского языка; выявление территорий их распространения, исследование исторического происхождения таких различий, описание отдельных местных говоров, подготовка диалектологических атласов, изучение изменений, происходящих в местных говорах в настоящее время.

Важную задачу диалектологии составляет изучение словарного состава местных говоров и создание словарей местных слов. И это понятно. Местные слова не только многочисленны и разнообразны в русском языке. Часть из них вошла в русский литературный язык и обогатила его.

Все перечисленные выше обстоятельства позволяют констатировать тот факт, что изучение диалектологии в школе может способствовать успешной языковой социализации личности ребёнка.

Для организации такой работы подходит форма кружка, позволяющая рассмотреть различные аспекты диалектологической науки в их соотнесённости с местной языковой стихией.

Целью кружка «Русская диалектология» является обогащение знания обучающихся о функциональном разнообразии национального языка.

Заявленная цель осуществляется путем реализации следующих задач:

- формирование знаний о специфических чертах диалектного языка;

- выработка умений использовать обозначенные выше знания в систематическом анализе диалектных текстов;
- обучение методам и приёмам исследования современных говоров.

Программа кружка рассчитана на 34 часа (1 час в неделю).

В итоге обучающийся должен:

- иметь общее понятие о диалектном языке как специфической форме национального русского языка, методах диалектологии и ее значении для других наук и учебных дисциплин;
- знать основные позиции различий литературного и диалектного языка на разных уровнях системы (фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом) для соответствующей фильтрации диалектного материала при записи и обработке;
- хорошо ориентироваться в диалектном членении русского языка и уметь определять тип говора (по принадлежности его к наречию и группе говоров).

Этнолингвистическое пространство на территории Тюменской области сформировалось в последнее тысячелетие благодаря жизнедеятельности самодийского, обско-угорского, тюркского и славяно-русского населения.

Памятники топонимии, лексические и фонетические реликты в языках местных этносов свидетельствуют, что древнейшими из ныне живущих в Западной Сибири народов являются селькупы (около 4500 тыс. чел.). Они генетически родственны по языку древним шумерам и, возможно, бирманцам. В конце XVI в. селькупы занимали обширные территории современных Нижневартовского и Сургутского районов, но к середине XVIII в. были оттеснены обскими утрами в междуречье Среднего Таза, Пура и Надыма. В современном селькупском языке (письменность с 1937 на кириллической основе) выделяются два наречия: тазовско-баишенское и нарымское, которые распадаются на ряд говоров, отличающихся некоторыми фонетическими особенностями. В языке селькупов обнаруживаются отдельные черты сходства с древнетюркскими и угорско-самодийскими наречиями.

Ненцы, или в прошлом самоеды (самоядь), близки по языку и культуре энцам и нганасанам, а также ассимилированным южным самодийцам – туба, намасинцам, койбалам, сойотам. Предки самодийцев проживали в эпоху неолита в верховьях Енисея. Их продвижение из Саяно-Алтайского нагорья на северные территории проходило по междуречью Енисея и Оби, где они оставили островные ареалы топонимии. На своём пути к северу самодийцы-ненцы вступали в контакты с аборигенами - селькупам, кетам, саамами. Ненецкая письменность на латинице появилась в 1932, однако с 1937 она строится на основе

русской графической системы. В ненецком языке два наречия: наречие тундровых и таёжных (лесных) ненцев. Различия между ними в основном заключаются в звуковых и лексических расхождениях.

Проникновение предков обских угров в Западную Сибирь относится к концу VII в., когда они начали вытесняться на Урал проникшими в Волжско-Камское междуречье поволжскими булгарами. К XIII в. угорские племена проживали в нижнем течении рек Конда, Тобол и Тура на юге и Анаг, Большой Юган и Вах на востоке. Манси – это самоназвание вогулов, а ханты - остяков. Эти этнические имена предположительно означают «человек», «мужчина», «народ». Хантыйский язык (письменность на кириллической графике с 1937) делится на два массива: западный – ханты, и восточный – кантей, либо на три диалектные группы – северную, южную и восточную. В число западных (хантыйских) диалектов входят усть-полуйский, собский, шурышкарский, казымский, самаровский, иртышский, кондинский и демьяновский говоры. Восточные (кантыкские) диалекты включают агано-юганский, са-лымский, ваховский и васюганский говоры. В говорах хантыйского языка, несмотря на сходство грамматики, имеются серьёзные различия фонетического и лексического характера, что свидетельствует об условности самого наименования «хантыйский язык».

Манси (вогулы) объективно относятся к генетически родственным ханты народам, их языки составляют вместе с венгерским угорскую группу финно-угорской семьи языков. В основу мансийского литературного языка положен диалект северных манси (говоры – сосьвинский, сьвинский, верхнелозьвинский), более подробно описанный, в отличие от западного с нижне-среднелозьвинским, пелымским и вагильским диалектами,

Автохтонное тюркское население появилось в междуречье Ишима и Тобола около X в., когда оно вступило в контакты с утрами, оттеснив их на более северные территории или смешавшись с ними. Государство западносибирских татар – Тюменское ханство – возникло в конце XIV в. В 20-е XV в. оно попало в зависимость к образовавшемуся около 1495 Сибирскому ханству со столицей Искер. Его населяли тюрки-автохтоны – ай-ялы, шибяки, куртаки, нанги, туранцы, токузы, саргаты, нагайцы, ясколбы и др., принявшие в XIX в. в качестве самоназвания русский этноним татары. Язык западносибирских татар имеет раннекипчакскую общетюркскую основу, которая в говорах тюменско-ялуторовских, вагайско-тобольских и барабинских татар дополняется огузскими чертами. В звуковом строе татарского языка сохраняются реликты угорского влияния, что связано с продолжительными контактами с предками манси и ханты. Лексика западносибирского татарского наречия имеет многие черты

общности с лексикой восточнотюркских языков, составивших этническую основу сибирских татар на Алтае: *кай* – «первый снег», «ненастье», «буран». В последнее столетие в татарский лексикон проникло большое количество русских заимствованных слов, обозначающих научно-технические, гуманитарные и новые бытовые явления и реалии [данные сайта <http://tvtm.ru/stati/spravochnaja-v-gorodah-rossi>].

Работа по изучению говора начинается с составления словарика тюменца. В диалектах Тюменской области много совершенно непонятных, на первый взгляд, слов вроде «*чичереветь*» (засыхать, останавливаться в росте), «*отбаздырять*» («сильно избить»), «*цапка*» (ручное орудие для рыхления земли, прополки картофеля). Но есть и слова-«обманки», значащие не то, что кажется: *взрослый* – высокого роста; *гнусно* – когда много гнуса, насекомых; *душка* – стопка вина; *перья* – плавники. Или обманчиво знакомые молодежи: *халява* – большая бутылка, стеклянный сосуд; *чуваки* – глубокая обувь.

Знакомясь с такими словами, ребята учатся лучше понимать родную речь и соотносить звуковую оболочку и смысловое наполнение непонятных названий.

Следом за словарной работой следует анализ текстов местной литературы, содержащих диалектные языковые черты. Прежде всего это сказки известного русского поэта П.П. Ершова, Ю. Афанасьева, И.М. Ермакова и др. Таким образом обучающиеся учатся понимать красоту русского слова, раскрывают для себя все стилистические возможности диалектизма

Создав мотивировку к изучению диалектологии, мы переходим к рассмотрению различных языковых особенностей многообразных говоров Сибири.

Работа предполагает в качестве завершающего этапа создание школьниками учебного проекта с презентацией материала. Тематика проектов разнообразна: от анализа произведений художественной литературы – до создания диалектного словаря личности своей бабушки или дедушки (у кого есть такая возможность). Участвуя в проектной деятельности, обучающиеся приобретают самые разнообразные умения и навыки: отбирать и интерпретировать языковой материал, разрабатывать план проекта, работать с компьютерными материалами и программами. Но основной целью проекта является формирование творческого мышления учащихся. В основе учебного процесса оказывается сотрудничество и продуктивное общение учащихся, что является немаловажным аспектом их языковой социализации. Важной чертой проектного подхода является гуманизм, внимание и уважение к личности ученика, позитивный заряд, направленный не только на обучение, но и на развитие личности обучаемого.

Таким образом, диалектологический кружок в школе успешно решает ряд сложных задач языковой социализации школьников.

Использованная литература

Блинова, О.И. Русская диалектология. Лексика : учебное пособие / О.И. Блинова.- Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 106 с.

Ступницкая, М.А. Творческий потенциал проектной деятельности школьников. Развитие творческих способностей школьников и формирование различных моделей учета индивидуальных достижений/ М.А. Ступницкая.– М.: Школьная книга, 2006. – 291 с.

Материалы справочного сайта русских городов <http://tvtn.ru/stati/spravochnaja-v-gorodah-rossi>.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РЕКЛАМЫ ЖЕНКОЙ КОСМЕТИКИ)

О.А. Белоусова, И.А. Шушарина*

В последние годы Россия претерпела множество экономических и политических изменений. Они повлекли за собой кардинальные перемены на всех уровнях жизни россиян, в том числе и культурном. Люди стали чаще «выходить в свет», чтобы не только приобщиться к современной культуре, но и показать себя. Важную роль в этом процессе сыграла западная культура и СМИ, пропагандируя здоровый и красивый образ жизни. Под воздействием этих факторов в постсоветском обществе создается новый образ красивой, вечно молодой, активной, преуспевающей женщины, главными спутниками которой становятся не только мобильный телефон, ноутбук, машина, но и сумочка, наполненная до краев косметикой, а также личный стилист – косметолог. Если в середине 90-х после эпохи дефицита потребитель готов был принять все, что ему предлагали, то сегодня косметические компании находятся в условиях жесткой конкуренции и им требуется прилагать гораздо больше усилий, чтобы завоевать внимание потребителя. Для этого косметические фирмы и салоны красоты используют различные рекламные, маркетинговые и PR-стратегии, тем самым, с одной стороны, реализуя брендообразующую функцию с целью продать товар и услугу, а с другой – идеологическую, продавая не просто товар и услугу, а нечто нематериальное: молодость, красоту, здоровье, совершенство.

* Белоусова Ольга Александровна – выпускница филологического факультета (отделение русской филологии) Курганского государственного университета.

Шушарина Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

Реклама, являясь важнейшей разновидностью массовой коммуникации, прочно вошла в жизнь современного человека. Рекламный текст, основанный на использовании выразительных возможностей языковых единиц всех уровней, оказывает значительное влияние на формирование различных стереотипов и образа жизни современного человека и общества в целом. Реклама относится к манипулятивной коммуникации, цель которой – побудить человека вести себя определенным образом, совершая одни поступки и воздерживаясь от других. Эффективность такой коммуникации достигается обращением к эмоциям и социальным установкам человека. Рекламные тексты звучат в теле- и радиоэфире, печатаются на страницах периодических изданий. Реклама в значительной степени определяет наш образ и стиль жизни. На многих языках рекламу называют «пропагандой», строго говоря, реклама – агитация, т.е. процесс, в ходе которого личность призывается к совершению какого-либо действия.

Источником нашего исследования послужили тексты рекламы женской косметики, которые мы обнаружили в женских журналах, на интернет-сайтах, в рекламных блоках телеканалов «Первый», «Россия 1», «Fashion One». Это были отдельные номера журналов «Косметика и парфюмерия», «Новости в мире косметики», «Женские секреты», «Она / She», «Лиза», «Lady-store», «Glamour», «Vogue», «Cosmopolitan», «Prostowoman.ru», рекламные тексты интернет-магазинов «YVES ROCHER France», «Dr Pierre Ricaud Paris», «MAX FACTOR».

Рекламные тексты должны воздействовать на человека с целью побудить его приобрести те или иные товары / услуги. Чтобы побудить потребителя к совершению покупки, необходимо привлечь его внимание. Существует множество моделей воздействия рекламы. Например, А.С. Кармин в книге «Психология рекламы» упоминает следующие: «Attention – Interest – Desire – Action»; «Attention – Interest – Desire – Motivation – Action»; «Attention – Comprehension – Conviction – Action»* [Кармин, 2004: 36]. Получается, что привлечение внимания является обязательным элементом в рекламной цепочке, оно предшествует как самому восприятию рекламной информации, так и её обработке сознанием. Получается, что весь комплекс средств воздействия в рекламе, начиная от построения текста и заканчивая выбором конкретных языковых средств и их распределением в тексте, направлен на достижение глобальной цели привлечения внимания.

А.Н. Лебедев-Любимов отмечает, что в зависимости от интереса человека к рекламируемому товару внимание подразделяется на произвольное и произвольное [Лебедев-Любимов 2006:189]. Он полагает, что произвольное вни-

* «Сообщение – Интерес – Желание – Действие»; «Внимание – Интерес – Желание – Мотивация – Действие»; «Внимание – Понимание – Убеждение – Действие» (Перевод наш).

мание вызывается внешним видом или свойствами рекламного сообщения, выступающими в роли раздражителя: динамичность, интенсивность, контрастность, размер. «Непроизвольное внимание быстро иссякает, если не закрепить его вниманием произвольным, то есть сознательно направленным и регулируемым» [Там же]. Непроизвольное внимание может привлечь картинка, размер и форма букв (визуальная составляющая поликодового текста), яркий рекламный лозунг, построенный на игре слов, эмоционально окрашенная лексика и т.д. (лингвистическая составляющая поликодового текста). Так, например, в теле-рекламе женской косметики чаще всего визуализируется сексуальный женский образ, подчеркивающий притягательность и выразительность глаз, соблазнительные контуры губ, ухоженность и пышность волос. В журнальной рекламе и интернет-рекламе, помимо женского образа, представлены ёмкости, в которых продаётся косметика: красивые баночки, изящные флаконы, яркие тюбики и т.п. Однако такие способы интенсификации внимания имеют определенные границы. Целенаправленность произвольного внимания – важнейший фактор эффективности рекламы.

Способы привлечения произвольного внимания к рекламе зависят от конкретного вида рекламы, свойств передаваемого сообщения и характера аудитории.

Используя метод сплошной выборки и контекстного анализа, в рекламе женской косметики мы выявили несколько групп лексических средств воздействия на покупателя: эмоционально-экспрессивная лексика, специализированные термины и названия авторитетных организаций, тропы. Немаловажную роль для привлечения внимания покупателя играют также местоимения 1 и 2 лица.

В рекламе женской косметики широко используется эмоционально-экспрессивная лексика с ярко выраженной положительной и отрицательной коннотацией. Это объясняется тем, что копирайтер стремится создать положительный образ рекламируемого товара и на контрасте показать, против чего используется тот или иной продукт. В целом, «эмоциональная окрашенность информации, правильное чередование стандартных и экспрессивных элементов в тексте способствуют более живому и глубокому восприятию рекламы...» [Розенталь 1981: 43], а значит, и более эффективно привлекают внимание. Эмоционально-экспрессивную лексику мы выявляли на основе анализа словарных статей [Кузнецов 2000; Шведова 2007] и контекстуального анализа. При этом иногда оказывается, что эмоциональность в контексте рекламы получает лексика, которая в повседневной речи является нейтральной.

Эмоционально-экспрессивная лексика в рекламе женской косметики создаёт образ очаровательной женщины, которая внимательно следит за состоянием своей кожи, умело использует косметические средства, чтобы подчеркнуть черты своего лица (в первую очередь глаз и губ), не забывает о руках и теле. Авторы рекламы, используя лексику с положительной коннотацией, рисуют **внешний облик женщины**. Чаще всего в рекламных текстах употребляются лексемы *красота, красивый: женщина чувствует себя красивой, красивая кожа, культовое средство для красивого декольте, купайся в красоте, энергия и красота*. В этих лексемах реализуется значение «красивая, привлекательная внешность» [Кузнецов 2000:]. Поддерживается это значение синонимами, которые усиливают эффект привлекательности: *великолепие, великолепный, ослепительный, интригующий, выразительный, роскошный, идеальный, изысканный*. Значение привлекательности, таким образом, дополняется семами «загадка» (интригующий, невероятный, загадочный, магический), «утонченность» (изысканный, утонченный, невесомый), «роскошь» (роскошный, драгоценный, безупречный, бриллиантовый, бархатистый), «идеал» (идеальный, совершенный). Привлекательным женский образ делает и сема «блеск», которая реализуется в лексемах *блеск, блестящий, ослепительный, сияние, алмаз, бриллиант, бриллиантовый*. Эти лексемы применяются и по отношению ко всему образу женщины, и по отношению к отдельным частям ее тела: *Уникальный изогнутый аппликатор наполнит блеском каждый изгиб твоих губ, придавая им соблазнительный объем; Более объёмные и блестящие губы; Блестящие, соблазнительные губы; Ослепительный блеск. Гладкие и мягкие губы; Ты ослепительна!; Восстановление сияния кожи; Моделируют овал лица и придают сияние; Блеск для губ Lipfinity color and gloss. Многомерный цвет и сияние до 10 часов; Ваша кожа сияет серебром; насыщение клеток кислородом, сияющая кожа. Сияние свежести.*

Блеск и сияние неразрывно связаны с чистотой: *Нежная текстура снимает макияж, очищает кожу; Эффект релаксации кожи и комфорта. Комфортное очищение; Очищение, свежесть и тонус кожи. А чистота несет свежесть и здоровье. А здоровый вид – это вид отдохнувшей женщины: *Ночной эксперт для отдохнувшего взгляда; Наша новая тональная основа содержит люминайзер для роскошного сияния здоровой кожи.**

Внешний вид женщины неразрывно связан с его **оценкой**. Проявляется она через лексемы *безупречный* «= Безукоризненный» [Кузнецов 2000:68], *идеальный* «Превосходный, совершенный, образцовый» [Кузнецов 2000:374], *нежный* «1) Мягкий, приятный на ощупь; 2) Отличающийся изяществом очертаний или миниатюрностью; 3) Имеющий светлый, мягкий, тёплый тон» [Куз-

нецов 2000:622], *неотразимый* «Оказывающий сильное воздействие, влекущий к себе, покоряющий чем-л.» [Кузнецов 2000:631], *обольстительный* «Неотразимо привлекательный, способный обольстить» [Кузнецов 2000:679], *соблазнительный* «Чувственно привлекательный, возбуждающий чувственное влечение» [Кузнецов 2000:1224], *совершенный* «Отличающийся совершенством, являющийся совершенством» [Кузнецов 2000:1226]. Вместе с тем, с точки зрения рекламодателей, образ женщины должен быть *естественным* «Существующий от природы, природный, натуральный» [Кузнецов 2000:297] и *классическим* «Созданный классиками; совершенный, образцовый» [Кузнецов 2000:431]: *Роскошь комфорта и естественности; Классический образ в любую погоду.*

Надо отметить, что авторы рекламных текстов обращают внимание и на то, что женщина без косметических средств не была такой привлекательной. На это указывает группа лексики с **отрицательной коннотацией**, описывающей образ женщины до применения косметических средств. Причем лексика с отрицательной коннотацией имеет противоположность в группе лексики, описывающей внешность положительно:

Лексика, описывающая внешность со знаком «плюс»	Лексика, описывающая внешность со знаком «минус»
Увлажнённая кожа	Сухая кожа
Сияющий блеск	Жирный блеск
Гладкая, нежная кожа	морщинки
Бархатная кожа	шершавость
эластичность	шелушение
Смягчение кожи	Стянутость кожи
Золотистая кожа	покраснение
Матовый цвет кожи	Пигментные пятна
Витамины, сыворотка, бальзам, питать кожу, питательный	токсины
Сияние глаз	Мешки под глазами
Отдохнувший взгляд	Припухлость век
Здоровая кожа	Ослабленная кожа
Молодость, омоложение, повернуть время вспять	старение
релаксация	усталость
Наполненная энергией	вялая

Если в рекламе косметики упоминаются косметические недостатки, то, благодаря использованию языковой фигуры **метаморфоза**, копирайтер показывает, что все недостатки легко устранимы с помощью рекламируемых косметических средств, потому что косметика *устраняет шершавость, стянутость, шелушение кожи; замедляет старение; матирует кожу и сужает поры; действует против припухлостей век вокруг глаз, против мешков под глазами; уменьшает интенсивность пигментных пятен; заполняет морщинки контура губ; предупреждает появление покраснений на коже; устраняет жирный блеск кожи и придаёт ей сказочное сияние.*

Метаморфоза – это всегда чудо, поэтому и копирайтерами **преображение** женщины подается с помощью слов этой лексико-семантической группы: *обыкновенное становится необыкновенным, чудеса случаются, магическая сила молодости, волшебство преобразования рук, дарит мечту, мгновенный результат как по волшебству, фантастические ароматы, невероятная сила обольщения. Эффект фокуса, чуда поддерживается постоянно повторяющимися словами *мгновенный, мгновенно, за 1 минуту, в 3 касания, в одно касание, за 10 минут, за 15 минут.* Сюда же можно отнести и такой пример: *Уход SOS! Мгновенный результат!; экспресс-лифтинг.**

Обращение к **категории времени** происходит и тогда, когда необходимо подчеркнуть, что эффект при использовании косметики достигается мгновенно и держится долго, а также работает не только в настоящем, но и на будущее: *безупречная кожа сегодня и в будущем; Многомерный цвет и сияние до 10 часов; Безупречное покрытие и забота о коже (крем-основа). Не смывается до 8 часов; Роскошные губы до 12 часов за 2 простых шага; Дерзкий объем до 24 часов; Элегантные, безупречные, блестящие ногти до 7 дней.*

Обозначение **избранности, исключительности**: *редкие минералы воды, изысканный, кастинг крем, уникальная серия, идеальное сочетание, идеальный маникюр в домашних условиях, кожа становится абсолютно чистой, моментально, эксклюзивная формула, удивительная стойкость, культовые цвета, безупречная стойкость, абсолютное совершенство, идеальный тон, ультракомфорт, идеально ровный цвет лица, абсолютная инновация, ультраудлиняющая оболочка, революционная технология, абсолютный комфорт, удивительная процедура, суперщеточка, идеальный и естественный макияж, безупречный макияж, идеальный цвет, идеальный тон, уникальный запатентованный кислородный транспорт, потрясающие оттенки.*

Обозначение **ценности**: *драгоценный оттенок; ослепительный бриллиант; ценные масла; бриллиантовый блеск; микровключения алмазов; неотра-*

зимый бриллиантовый блеск; сияние драгоценностей; роскошь комфорта и естественности; роскошь совершенного тона; бархатная роскошь пудры.

Обозначение **качества косметики**: Надежная защита сияния кожи в зимнее время; Эффект салонного ухода у Вас дома; Натуральный оттенок загара; Бережно освобождает кожу от токсинов; Эффективность и удовольствие от освобождения кожи от токсинов; Роскошь комфорта и естественности; MAX FACTOR позволят вас проявить все мастерство макияжа.

Лексический материал представляет обобщенный портрет чувственной женщины, которая обращает особое внимание на свою внешность, красоту, хочет считать себя избранной и драгоценной.

Рекламный образ – это открытие потребителем каких-либо новых сторон рекламируемого товара, поэтому большую роль при создании ассоциаций играют образные средства – тропы. Использование тропов делает язык рекламы более оригинальным и за счет этого более действенным.

Чаще всего, создавая рекламу косметических средств, копирайтеры прибегают к эпитетам. Именно они создают красочную картинку, которую хочется ощутить на себе: Наполните вашу кожу первозданной влагой; Glam Shine sorbet – леденцовый прозрачный блеск. Роскошный эффект объема; Роскошный. Шокирующий. Больше чем блеск. В этих кубиках заключен соблазнительный, чувственный, фантастически сияющий блеск для губ; Завитые-завитые – сверхпушистые – густые! Тушь одна – эффекта 3!; Лак сочетает в себе драгоценную, ослепляющую, алмазную пыль.

Особенно часто эпитеты используются в рекламе декоративной косметики, с их помощью описываются губы, глаза, щеки после употребления продукта. Эпитеты очень часто используются в рекламе товаров, которые должны «обольстить» потребителя косметики, парфюмерии, предметов роскоши и др. Так, авторы рекламного текста помады Juicy Rouge не скупятся на эпитеты:

Наконец сияющий цвет надолго сохранится на ваших губах. Juicy Rouge – стойкий эффект влажных губ. Аппетитный цвет, свежий и искрящийся. Настоящее наслаждение: тающая сладость малины, увлажняющая и нежная текстура. Для сияющих и манящих губ.

Располагаются эпитеты по определенным стандартным схемам. Одна из них заключается в подборе эпитетов по контрасту. Антонимы позволяют подчеркивать положительные качества товара – «Легкая пудра для бархатистой кожи» (бархат – это тяжелая ткань), «Обыкновенное становится необыкновенным»; «Пышный и невесомый объём ресниц». Сильный эффект дают ряды эпитетов, в которых каждый из компонентов дополняет другой: Волосы мягкие и

послушные; Неотразимый бриллиантовый блеск; Мягкий карандаш для выразительного взгляда, Пленяющие роковые тени, Соблазнительные сочные губы.

Не избегает реклама и гиперболизированных эпитетов – они подчеркивают достоинства товара, акцентируя на них внимание целевой аудитории, например: *Сногшибательная! Сногшибательный объем мгновенно; Создай сногшибательный образ; Shamtu. Головокружительный объем! Неотразимый бриллиантовый блеск.*

В рекламе косметических средств сравнение используется, чтобы показать, насколько хороши стали те или иные части тела: *Кожа гладкая, как шелк, мягкая, как бархат; Ваша кожа сияет серебром; Оттенки, вечно прекрасные как бриллианты; Освежающее как фруктовое мороженое, и тающее на коже как крем; Кожа бархатная как кашемир; Волосы как шелк; Для кожи, бархатистой при прикосновении, словно персик; Оттенки столь же неповторимые, как вы сами; Цвет такой естественный как натуральный!*

В последнее время активно стала использоваться в рекламе формула «**больше, чем...**» - это позволяет не просто констатировать, что продукт является лучшим в своей товарной категории, а вообще вывести его за пределы товарной категории - в результате он начинает восприниматься как «суперпродукт»: *Больше, чем комфорт; Больше, чем нежность; Больше, чем гармония.*

Проанализировав рекламные тексты, мы пришли к выводу, что практически все стилистические приемы употребляются с одинаковой частотностью. Языковые средства помогают не только преобразить рекламный текст, но и повысить его эмоциональность, оригинальность, сделать его более живым и красочным. К тому же данные средства помогают наиболее ярко нарисовать в воображении женщин результат от его применения. Покупая тот или иной косметический товар, потребитель платит не только за него, но и за удовольствие, получаемое от его применения, а также за эффективность рекламируемого средства. И чем лучше будут описаны эти два процесса, тем больше внимания, а следовательно, и материальных средств привлечет товар.

Список использованной литературы

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

Кармин, А.С. Психология рекламы. – СПб.: ДНК, 2004. – 509 с.

Лебедев-Любимов, А.Н. Психология рекламы / А.Н. Лебедев-Любимов [и др.]. – 2-е изд. – СПб.: Питер принт, 2006. – 384 с.

Розенталь, Д.Э. Язык рекламных текстов: учеб. пособие для фак. журналистики вузов / Д.Э. Розенталь, Н.Н. Кохтев. – М.: Высшая школа, 1981. – 125с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2007. – 1175 с.

ОСОБЕННОСТИ ОДОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В МАРКЕТИНГОВЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРФЮМЕРИИ)

Н.М. Ротанова, А.В. Матюшкина*

Проблема восприятия – одна из важных проблем в исследовании человека. Способность человека воспринимать реальный мир относится к числу его основных способностей. Результаты процесса восприятия (чувственные ощущения, представления и перцептивные образы) связаны между собой, эта связь основана на приобретенном опыте. Перцептивная лексика является результатом непосредственного взаимодействия человека с миром, несет в себе информацию об этом мире.

Языковая картина мира, отражающая особенности чувственного восприятия человека, асимметрична: в языке существуют развернутые ряды цвето- и светообозначений, слов, называющих звуковые, вкусовые и осязательные ощущения, а лексика, относящаяся к сфере запахов, достаточно бедна. Растущим интересом к проблематике запаха как семантической категории в языке отмечено начало 2000-х годов.

Лексические единицы со значением «запах» называют «одоративной или одорической лексикой», также есть термин «ольфакторная лексика» (лат. *olfactivus*: запах, обоняние), т.е. слова, связанные с запахами и их восприятием (например, глагол «нюхать» не называет запаха, но говорит о его восприятии).

В настоящее время интенсивное развитие одорической лексики языка можно наблюдать в активно развивающемся парфюмерном дискурсе, в рамках которого ведется постоянный поиск вербальных средств, способствующих наиболее точной передаче запаховых ощущений.

Отличительной чертой искусственно создаваемых запахов является их многосоставность. В так называемых продающих текстах сообщение об определенном запахе представляет собой более или менее полное описание составляющих запах компонентов – ольфакторных источников. Вербализация парфюмерной композиции осуществляется с использованием как ольфакторной лексики, так и лексики, взятой из других семантических сфер. В парфюмерных текстах очень часто встречается лексика, которая оказывается непонятна обычным пользователям. Это узкоспециальные термины, а также названия экзотических растений, фруктов и т.д. Тем не менее номинация нейтральным (неоценочным) словом характеризуется прямой связью с предметом обозначения. За-

* Ротанова Надежда Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры обзего языкознания Курганского государственного университета.

Матюшкина Анастасия Владимировна – выпускница филологического факультета (отделение русской филологии) Курганского государственного университета.

пахи фруктов, пряных трав, других природных объектов являются константами, с которыми можно сравнивать другие запахи. Иначе говоря, реципиент должен иметь возможность соотносить номинацию запаха со своим жизненным и речевым опытом, в противном случае описание запаха в парфюмерном тексте не будет информативным.

В конце XX столетия в науке появился термин, напрямую связанный с проблемой понимания слов отдельной языковой личностью, – агноним. Агнонимами называют слова, которые по тем или иным причинам неизвестны или малоизвестны читателю. В.В. Морковкин и А.В. Морковкина в книге «Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)» предлагают считать агнонимом лексическую единицу (слово или его значение), относительно которой носитель языка может сказать следующее:

- 1) совершенно не знаю, что значит слово;
- 2) имею представление только о том, что слово обозначает нечто, относящееся к весьма широкой сфере;
- 3) знаю, что слово обозначает нечто, относящееся к определённым классу предметов, но не знаю, чем именуемый предмет отличается от других предметов данного класса;
- 4) знаю, что слово обозначает определённый предмет, но не знаю конкретных особенностей этого предмета, способов его использования или функционирования;
- 5) знаю, что обозначает слово, но не представляю, как выглядит соответствующий предмет;
- 6) знаю слово в связи с особенностями своего жизненного опыта, но предполагаю, что многие люди его не знают или знают недостаточно [Морковкин 1997].

В системном аспекте понятие «агнонимы» имеет тесную связь с пассивным словарным составом, который, в свою очередь, соотносится с периферийными пластами лексики [<http://cyberleninka.ru/article/n/agnonim>].

Языковые единицы используются человеком в рецептивном и продуктивном режимах. Для продуцирования речи необходимо не просто понимание слова, а активное знание, что предполагает семантически правильное включение слова в свою речь. Для нашего исследования интерес представляет рецептивный вид речевой деятельности, где некий текст представлен для восприятия, понимания.

Нами было проанализировано более двухсот маркетинговых текстов, методом сплошной выборки извлечена одорическая лексика и составлен словарь

наиболее частотных, на наш взгляд, агнонимичных номинаций запаха и профессиональных терминов:

пачули, олибанум, нероли, амша, лакринчик, мускус, гардения, мирт, джандуйя, лавендин, ветивер, иланг-иланг, амбретта, абсолю, фланкер, гуава, фрезии, бензоин, удовое дерево, агаровое дерево, сандаловое дерево, кашемировое дерево, флёрдоранж, страстоцвет, тубероза, олеандр, личи, бобы тонка, османтус, тиаре.

Агнонимическая ситуация со словом может возникнуть тогда, когда контекст (сочетаемость с окружающими лексемами) не позволяет понять смысл слова. Но она может сниматься контекстом частично или полностью. Другими словами, при рецептивном виде речевой деятельности агнонимическая ситуация даже при наличии агнонимов может как возникать, так и не возникать. Это зависит от синтагматических условий, в которых слово находится.

Например, в тексте, описывающем ароматы Kenzo Colors (как и в большинстве других текстов), конкретные номинации запаха – это лексемы, в которых сема «запах» является, как правило, потенциальной, а сами лексические единицы относятся к периферии семантического поля «Запах»:

«Ароматы идеально подходят для летнего отдыха на природе и занятий экстремальными видами спорта. Kenzo Colors – новая лёгкая и яркая композиция. Напоминает о знойном лете и солнечных днях на Лазурном берегу. Свежий аромат открывается мотивами лимона и имбиря. В сердце аромата – аккорды шалфея и освежающей мяты. Шлейф строится на тёплых нотах кедра».

В парфюмерных маркетинговых текстах лексемы, называющие запахи-ориентиры, в большинстве своем не являются специфическими для русской национальной действительности, лексическое значение этих существительных большинству носителей русского языка не знакомо, например:

«Aqua Amara, новый фланкер мужского аромата <...> Aqua Amara, или «горькая вода», – это аромат, наполненный энергией и светом. Парфюмерная композиция включает аккорды сицилийского мандарина и нероли, а также базовые ноты индонезийских пачули и белого фимиама – олибанума».

Мы исходим из того, что маркетинговые тексты, в которых дается описание запаха, служат продвижению товара (парфюмерной продукции), следовательно, у реципиента (целевой аудитории) не должно возникать затруднений с пониманием смысла сказанного о товаре, в частности из описания запаха тех или иных духов читатель должен сделать для себя вывод о том, подходит ему запах или нет (сладкий, терпкий, свежий, цветочный, легкий и т.п.). Значит, создатель парфюмерного текста обязан учитывать коммуникативный эффект.

Мы провели ассоциативный (психолингвистический) эксперимент, целью которого было выяснить, какие из слов, характеризующих запах в парфюмерных текстах, являются для потребителей данной продукции агнонимами, и связывают ли потенциальные покупатели парфюмерной продукции слова-характеристики запаха, используемые в маркетинговых текстах, именно с запахом. Участникам эксперимента было сказано следующее: «Вам предлагается список слов. Мы просим Вас против каждого из них указать слово, приходящее в голову сразу после прочтения данного слова. Если не возникнет никаких ассоциаций, либо же слово вам не знакомо, ставьте прочерк». В качестве слов-стимулов в данном эксперименте использовались лексемы из списка лексем-характеристик запаха в маркетинговых текстах парфюмерии.

После анализа результатов эксперимента выяснилось, что большинство информантов не знакомы с данными понятиями и потому не связывают их с представлениями о запахе. Только двоим из пятидесяти опрошенных знакомо такое слово, как «флёрдоранж». В представлении информантов это белые свадебные цветы, что никак не объясняет их запаха. А флёрдоранж – это цветы горького апельсина. Аромат цветов горького апельсина больше цветочный, чем цитрусовый. Один из участников эксперимента определил «гуаву» как экзотическое яблоко, что является правильным, потому что лексическое значение слова таково: «Небольшое дерево-кустарник семейства миртовых. Плоды – зеленые бугристые яблоки. Гуава имеет нежный, едва уловимый аромат, напоминающий сразу ананас, клубнику и айву».

Остальные агнонимы, которые были предложены нами в анкетировании, остались неузнанными.

Чтобы найти по описанию нужный аромат, покупателя необходимо корректно сориентировать на его жизненный опыт. Вот как, например, описывают запах флёрдоранжа покупатели:

«Флердоранж – это цветы апельсина, пахнет очень бодрящее, свежо, но не совсем апельсином, понежнее, хотя цитрусом».

«Флердоранж – это очень нежный запах. Насчет «бодряще» – лично для меня нет».

«По-моему, ничего общего с апельсином и цитрусами там нет. Запах немного горчит, он такой сладко-мыльный».

Как видим, даже у людей, которые слышали сам запах, мнения в его описании расходятся. Но если не иметь опыта восприятия данного запаха в его природном виде, то флёрдоранж как ориентир в маркетинговом тексте дает недостаточно информации для потенциального покупателя.

Термин «абсолю» информанты соотнесли с прилагательным «абсолютный», но специального значения не назвал никто (натуральная эссенция высшей степени очистки, извлеченная из растений или цветов). Термин «фланкер» оказался не знаком всем опрашиваемым, а он, на наш взгляд, имеет значение для продажи товара, т.к. этот термин используется в парфюмерии для обозначения нового аромата, выпущенного «вслед» за ярким и успешным предшественником, в целях привлечения еще большего внимания и для закрепления успеха. Обычно «фланкеры» издаются лимитированными тиражами, следовательно, через использование этого термина в продающем тексте дается совет покупателю поторопиться с приобретением. Как говорят в рекламе, «предложение ограничено».

Ассоциации, вызываемые определенными запахами, доказывают, что чувственное восприятие включается в практическую, интеллектуальную и эмоциональную деятельность человека. Поэтому лексика с одоративной семантикой активно включается в процессы переосмысления лексического значения.

По наблюдениям исследователей, область обонятельных представлений прежде всего связана с оценкой ощущений: приятные запахи (*аромат*) и неприятные (*вонь, смрад*). В отличие от других явлений, например, цветов, запахи часто не имеют своих названий, поэтому, объясняя запах, мы вынуждены его с чем-то сравнивать, «нащупывать точную метафору для нашего обонятельного переживания» [Классен 2003: 45].

Метафорические номинации, ведущими образными характеристиками которых являются чувственно-наглядные и субъективно-оценочные, являются преобладающим типом номинаций в семантическом поле «Запах», представленном в маркетинговых текстах парфюмерии.

Наиболее частотны в описании запаха синестетические метафоры. Синестезия – это со-представление, межчувственная ассоциация. Запахи приобретают значение через систему ассоциаций. Как уже говорилось, словарь запахов крайне беден и потому вынужден использовать лексикон других модальностей, демонстрируя тем самым некую когнитивную синестезию. Синестетические переносы при характеристике запаха описывают менее дифференцированные ощущения (обонятельные) в терминах более дифференцированных (например, звуковых, зрительных) и поэтому оставляют впечатление оригинальности, странности, необычного контраста: *громкий аромат, искрящийся аромат*.

Н.Е. Курдашвили, проанализировав национальный корпус русского языка, контексты с использованием синестетической метафоры при описании обонятельной информации разделила на 4 лексико-семантических группы: запах описывается через тактильные, вкусовые, зрительные и слуховые ощущения. А

метафоры «осязание – запах», характеризующие тактильные ощущения, подразделила еще на три группы: температура, структура, влажность [Курдашвили 2011]. Мы проверили справедливость этих наблюдений при анализе парфюмерных продающих текстов.

Например, при оценке запаха в маркетинговом тексте используются синестетические метафоры: «роскошное *звучание*» – пересекаются такие сферы сенсорiums, как слух (звучание) и запах (обоняние); «аромат, наполненный энергией и *светом*» – пересекаются сенсорные сферы «запах» и «зрение»; «*раскаленные, горячие* ноты абсолю Бурбонской ванили» – для описания запаха используется лексика модальности «температура». Нередко встречаются развернутые метафорические описания, в которых с сенсорной сферой «запах» пересекаются сразу несколько сфер сенсорiums:

«Парфюм открывается свежим розовым перцем, нежностью флердоранжа и розы. Нежный жасмин и бархатистый пион с медовыми каплями взрывается бликами сладости».

В данном случае лексика сенсорно-понятийных сфер «осязание» (в частности, «температура» и «структура»), «консистенция», «зрение», «вкус» используется для характеристики запаха. Причем сферы сенсорiums «зрение» и «вкус» в этом описании тоже пересекаются, создавая синестетическую метафору «блики сладости».

В синестетической метафоре «*Сочная* цитрусовая *свежесть* цветов грейпфрута и лайма» для характеристики запаха копирайтер использует лексику сенсорных ощущений, связанных с влажностью и температурой. И в этом случае описание строится как «метафора в метафоре»: представление о запахе как о влажной прохладе отсылает адресата к его ощущениям отдыха на морском берегу, приятным воспоминаниям о прогулке на морском катере и т.п. А синестетическая метафора «сочная свежесть» объединяет обычное для жизненного опыта со-ощущение «температура жидкости (влаги)»: приятной в жаркий день является прохладная жидкость. К таким выводам подводит контекст, в котором картина ощущений дополняется визуальной картиной цветущих цитрусовых деревьев. Кстати, синестетическая метафора «сочная свежесть» очень частотна в парфюмерных маркетинговых текстах. Например:

«Парфюм Chic Petals начинается свежими и сочными фруктовыми аккордами ягод клубники и граната».

Кроме того, смыслообразующей метафорой, которая говорит о компонентном составе искусственного запаха, является синестетическая метафора «запах – это музыка (звук – сенсорная сфера «слух»)», поэтому при описании запаха принято использовать такие термины, как «нота» и «аккорд». Например:

«Композиция начинается сочными нотами белого персика»; «Композиция Lanvin Me открывается сочными фруктовыми аккордами мандарина и черники»; «База строится на аккордах кедра и белого мускуса».

Иногда в описании запаха синестетическая метафора пересекается с обычной:

«Парфюм Fan di Fendi Eau Fraiche входит в состав семейства цветочных водных ароматов. Основными нотами букета композиции являются зеленые аккорды, которые переплетаются с ароматами цитрусов».

В данном примере компонентный состав искусственного запаха обозначен дважды: во-первых, через синестетическую метафору «запах – аккорд» и, во-вторых, через когнитивную метафору «запах духов – букет цветов», где основанием для пересечения двух понятийных зон является представление о нескольких составляющих того и другого. Кроме того, в данном контексте для описания запаха используется синестетическая метафора с пересечением сенсорных сфер «зрение – слух (звучание)» – «зелёные аккорды».

В продающих текстах оценочные номинации запаха всегда имеют положительную коннотацию, поэтому и когнитивные метафоры создают образ чего-то приятного для человека, т.е. отражают стереотипы гедонистической системы представлений.

Оценочный компонент является одним из главных компонентов концепта «запах» и пронизывает все его слои. В целом оценка запаха уникальна по своей сути. Она характеризуется крайней субъективностью, поскольку на восприятие запаха и его последующее оценивание влияют не только индивидуальное физическое состояние человека (его пол, возраст, вредные привычки, состояние здоровья, граница порога восприятия и т. д.), но и личные предпочтения, а также личный жизненный опыт и связанные с запахом переживания. Между тем на оценку запаха оказывают влияние и объективные характеристики: его интенсивность, стойкость, концентрация в воздухе и т. д., состояние атмосферы вокруг человека, а также культурный опыт нации в целом [Курдашвили 2011].

В парфюмерных маркетинговых текстах положительная оценка запаха представлена, во-первых, лексемой «аромат» (приятный запах), во-вторых, словами, лексическое значение которых сводится к оценке, содержит указание на степень её проявления, в-третьих, лексемами, где оценка является созначением, коннотацией. Например:

«Новый аромат создан исключительно для восхищения. Дом моды Voucheiron открывает новую страницу своего существования, запуская прекрасный и изящный парфюм».

«Соблазнительный. Поразительный. Потрясающий. Ощущение гламура, приключений и эклектики воплощено в новом лимитированном аромате EXOTIC от Jimmy Choo».

Слова, вступающие с такими лексемами в парадигматические отношения, также получают положительную оценку, т.к. первые несут значение признака, характеристики (в предыдущем примере это слова «гламур, приключения, эклектика»). Другой пример:

«Аромат анонсируется как оптимистичный, очаровательный и загадочный».

Прилагательное «загадочный» не имеет оценочной коннотации (загадочный – кажущийся необъяснимым; неясный, непонятный, таинственный [МАС 1985: 507]), но в ряду с «оптимистичный, очаровательный» воспринимается как положительно окрашенное.

Таким образом, в русском языке отражены релевантные с точки зрения носителя языка типовые характеристики запаха – гедонистическая оценка запаха, его интенсивность, способность запаха воздействовать на человека, качество запаха (указание на источник запаха, сравнение с запахом-ориентиром). В парфюмерных маркетинговых текстах при описании запаха гедонистическая оценка сводится к положительной характеристике, причем для этого используются и лексемы, которые в своем словарном значении оценочной коннотации не имеют. А при номинации источника запаха, запаха-ориентира используется много агнонимов. Эти лексемы в большинстве своем не являются специфическими для русской национальной действительности, лексическое значение этих существительных большинству носителей русского языка не знакомо. Важной особенностью маркетинговых текстов парфюмерии является частотное использование синестетических метафор, что иногда делает описание запаха слишком субъективным.

Список использованной литературы

1. Классен, К. Значение и власть запаха/ К. Классен, Д. Хоувз, Э. Синнотт // Ароматы и запахи в культуре. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – Кн. 1. – С. 383-458.
2. Курдашвили, Н.Е. Синестетическая метафора в описании запахов (по данным корпусов русского и английского языков) // Язык. Коммуникация и социальная среда. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2011. – Вып. №9. – С. 227-238.
3. Морковкин, В.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) / В.В. Морковкин, А.В. Морковкина; Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М.: АО Астра семь, 1997.
4. Словарь русского языка: в 4-х т.; гл. ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1985-1988 [Малый академический словарь (МАС)].

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС 2014 ГОДА В ОСВЕЩЕНИИ МИРОВЫХ МЕДИА

А.Б. Бушев*

Предметом настоящей публикации является дискурс мировых СМИ о кризисе на Украине 2014 года.

Материалом для данной статьи послужили материалы об украинском кризисе 2014 года газеты «Известия», Би-би-си, Первого канала ОРТ, НТВ, «Ди Вельт», «Новой газеты». **Целью настоящей работы** является выявление языковых и риторических особенностей исследуемого дискурса. При этом используется дискурсивная методология [Ильин 2001; Бушев 2011; Тимофеева 2012].

В оценке западных СМИ утверждается, что украинский режим Януковича режим предал народ, допустил массовые столкновения, лидер бежал, что позволило ему сохранить себе жизнь (*broke his obligations, abandoned his people*). Хотя в зависимости от политической позиции и ангажированности СМИ утверждается разное (режим утратил свою легитимность или наоборот, является единственным источником легитимной власти), налицо и демонстрация того, что даже сторонники прежнего режима утверждают то, что прежний лидер – ни на что не претендующий банкрот. Украинский парламент – Рада – единственный источник легитимности, а, в конце концов, сам народ есть источник власти и суверенитета.

Портретируется в масс-медиа характер свергнутого режима (*ousted regime killed its own people, took to street snipers*), его коррумпированность (*those in power were rich*), его недемократический характер (*tyranny raised the voices for dignity and freedom*).

Постоянно подчеркивается, что смещенный президент Янукович преследуется новыми властями уголовно, что представляет собой эффективную стратегию дискредитации политического оппонента.

Acting Interior Minister Arsen Avakov said a criminal case had been opened against the ousted president and other officials over «mass murder of peaceful citizens».

Весьма репрезентативна оценочная лексика – как связанная с оценкой ситуации, так и оценкой тех, кто и в какой мере выступает за то или иное разрешение конфликта

* Бушев Александр Борисович – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связи с общественностью ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет».

Russia has been vehemently opposed to the changes in Ukraine, with Prime Minister Dmitry Medvedev saying on Monday that those behind the new administration had conducted an «armed mutiny».

At a news conference in Moscow on Tuesday, Mr Lavrov warned other states against seeking «unilateral advantages» in Ukraine, but said Russia's «policy of non-intervention» would continue.

Показательны сообщения о жертвах революции, о дани памяти погибших:

Tributes are being left in Kiev's Independence Square to those who were killed during last week's clashes. More than 80 people, mostly anti-Yanukovych protesters, were killed in clashes with police and by sniper fire last week.

Все эти сообщения направлены на дискредитацию сметенного режима, отвержение легитимности ушедшей власти:

White House official Jay Carney said on Monday that although Mr Yanukovych «was a democratically elected leader, his actions have undermined his legitimacy, and he is not actively leading the country at present».

Оценки смен режимов негативные: *denounce the so-called referendum... coup 'etat.*

Ситуация названа украинский кризис – *Ukraine crisis*. Это затяжной экономический кризис, который сопровождает внутривластный конфликт, переросший во внешнеполитический конфликт Украины с Россией, а затем с расширенным числом участников. Ситуацию в Крыму рассматривают как нарушение международного права (*breach of international law*), используются метафора «на грани войны» (*brink of war*) и коннотированный штамп «декларация войны» (*declaration of war*). Ситуация названа «предлогом для вторжения» (*an excuse to invade*). Постоянно осознается и создаваемая кризисом угроза (*danger of bloodbath, the area of contention*).

Сообщения СМИ полны оценочности, и с одной, и с другой стороны: *It is not a G7 country behavior... Seemed defiant... Unconstitutional coup... Deny troops... Led by extremists.*

С другой стороны, акцентируется легитимный конституционный характер постконфликтного восстановления: *The government is due to be approved.*

В зависимости от позиции СМИ политическая база новой власти представлена либо как большинство (*majority spontaneously gathered*), либо как радикальное маргинальное меньшинство (*Neo-Nazis and antisemitists*).

С конца 2013 года события развиваются по бурному революционному сценарию. Подчеркивается цена установления новой власти (*Barricades and flowers... barrels and shots*).

Стереотипия «свой-чужой» лежит в основе многих текстов, построенных на приеме антитезы:

«It is dangerous and counter-productive to try to force on Ukraine a choice according to the principle of either being with us or against us», - Lavrov said.

Националистами называются порой просто нежеланные политики:

Mr Lavrov added that «it is in our interest for Ukraine to be part of the broad European family» but against Russia's interest to «allow the radicals and nationalists who are clearly trying to take centre stage to prevail».

Понятна оценка политических дивидендов для России и Евросоюза в ситуации стабильной и нестабильной Украины и в ситуации смены власти на Украине в устах многочисленных экспертов.

Декларации демократичности и свободы постоянны, сегодня любой режим опирается на мантры о свободе и демократии, что собственно, и позволило Ф. Фукуяме говорить конце истории. На фоне поддержки собственно демократических институтов Западом (*I am very proud... with extraordinary reach for freedom, for equality for opportunity ... strong sovereign and democratic country the deserve...*), ЕС и США, несомненно, имеют свои интересы в регионе.

Риторика прав человека в традиции политического либерализма и демократии сталкивается с риторикой прав человека в традиции противодействия фашизму:

Speaking on Kanal 5 TV, Mykhaylo Dobkin, gave as his reason «the fact that a total attack on the rights of the Russian-speaking population is under way, that laws are being adopted that threaten all those who do not accept fascism and Nazism».

Все сообщения пронизаны оценками: *threatens peace in Europe extremist... Illegal... Danger of bloodbath... Slip of control.*

Лидеры осуждают Россию (*condemn, suspend preparatory activity for G7*), угрожают России и другими санкциями (*visa, isolation, bank assts freezes*).

Ретивость глобальных СМИ вызывает порой отрицательную оценку самих их представителей: *The US is keen to label Russia's action an «invasion» but as yet no one has been shot by the troops, and it is still time for a war of words – on friend as well as foe, as it happens».* Mark Mardell North America editor.

В режиме реального времени на сайте Би-би-си ведется освещение событий на Украине в феврале 2014 года. С недавних пор информацию можно не только прочитать распечатать, не только просмотреть ролики сообщений корреспондентов и нескорые аналитические материалы, но и стать интерактивным потребителем этой информации в Фейсбуке и Твиттере [Почепцов 2005].

Обращает на себя внимание активность граждан в блогах [Подшибякин 2011]. К подписчикам во всем мире обращается сайт Би-би-си:

Are you in Ukraine? What is your reaction to the recent events? Email us at haveyoursay@bbc.co.uk adding 'Ukraine' in the subject heading and including your contact details.

Возможность поделиться своими наблюдениями дают блоггерские платформы, например, на сайте Би-би-си: http://www.bbc.co.uk/dna/newscommentsmodule/comments/UserComplaintPage?hostsource=com&PostID=118854279&s_start=1

Спектр представленных мнений полярен:

Ronnie

Putin says he is concerned about the safety of Russian citizens and will do what he can to protect them. I can't see any difference with this and our actions in the Falkland Islands, except there is a hell of a lot more citizens involved.

Roy Peters

Most people still do not realise what is at the heart of this matter. Putin has one agenda with Ukraine, safeguarding his naval base in the Black Sea port of Sevastopol.

Russia has only two ports with access to the Mediterranean, Sevastopol and Tartus in Syria. He is in danger of losing both, which will push the Russian navy back to Murmansk or Vladivostok, a strategic disaster for Russia.

concerned_bystander

@396 Andrew «Russia is also part of the U.N. If they'd wanted U.N. troops to protect the rights of the Russian speaking population in Ukraine they should have raised it there rather than sending in their troops and bizarrely stating that the troops were «local militia». Russia is not being open and straight forward on this issue and are causing great concern because of that».

Итак, исследованный корпус источников позволяет сделать вывод о большой роли дискурсивного представления информации конфликте сторонами, об использовании хорошо себя зарекомендовавших тактик управления информацией, о роли метафорики, о необходимости оптики прочтения сообщений глобальных СМИ по вопросу Украинского кризиса.

Список использованной литературы

Бушев А. Б. Языковая личность военного переводчика и информационные технологии: риторико-герменевтический подход к мастерству переводчика. Монография. Lambert Academic Publishing, 2011. 276 с.

Концептуализация политики / ред. М. В. Ильин // Серия «Новая перспектива», выпуск XXI. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 314 с.

Подшибякин А. По живому. – М., 2011.

Почепцов Г. Г. Революция.com. основы протестной инженерии. – М. : Европа, 2005. – 530 с.

Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / ред. Л. Н. Тимофеева. – М. : ПРОСПЭН, 2012. – 327 с.

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СИБИРЯКОВ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ РУССКОГО НАРОДА

М. С. Выхрыстюк, А. С. Шишкина*

Трудно, почти невозможно определить истоки возникновения большинства пословиц и поговорок. Уже в самых древних летописях Киевской Руси находим изречения, восходящие к народному творчеству. Например, в «Повести временных лет» встречаются пословицы: *не идет место к голове, а голова к месту; мир стоит до рати, а рать – до мира*. Ученые считают, что первые пословицы были связаны с необходимостью закрепить в сознании человека житейские советы, правила, обычаи, законы. Уже тогда пословицы и поговорки отражали явления общественной жизни народа, его труд, навыки, правила морали, на их основе можно восстановить правовые и бытовые отношения русского народа.

«Пословицы и поговорки – это едва ли не первые блистательные проявления творчества народа. В них, как в зерне, заложены все деятельные силы демократической культуры» [Бахтин 1988: 34]. Пословичный фонд составляют изречения, разные по времени возникновения, происхождению, источникам и социальной среде, их породившей. Но основа их возникновения едина – социальный трудовой опыт, наблюдательность, острый ум русского народа, а также художественные свойства и возможности русского языка.

«Различны эпохи, породившие пословицы и поговорки. Необозримо многообразие человеческих отношений, которые запечатлены в народных изречениях. Из бездны времен дошли до нас в этих сгустках разума и знания жизни радость и страдания людские, смех и слезы, любовь и гнев, вера и безверие, правда и кривда, трудолюбие и лень», – писал М. Шолохов [Аникин 2001: 241].

Поражает вездесущность пословиц и поговорок. Они касаются всех предметов, вторгаются во все области человеческого бытия, людских надежд, помыслов, оценок ближних – родных, соседей, властей, маленьких и больших

* **Выхрыстюк Маргарита Степановна** – доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования Филиала ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» в г. Тобольске; старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН.

Шишкина Альбина Сергеевна – аспирант кафедры филологического образования Тюменского государственного университета в г. Тобольске; научный руководитель д-р филол. наук, проф. М.С. Выхрыстюк.

начальников, общественных порядков, учреждений законов и т. д. Ни одна из пословиц не лишена всепоглощающего страстного интереса ко всему, чего касается вокруг. За каждой из них видится тот, кто судит, рядит, спорит, шутит, смеется, насмехается, балагурит, печалится, скорбит, радуется, бранится.

Сила пословиц и поговорок в силе мнения народных масс. В.И. Даль писал о пословицах: «Это свод народной премудрости и суемудрия, это стоны и вздохи, плачи и рыдания, радость и веселье, горе и утешенье в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская правда, своего рода судебник, никем несудимый» [Даль 1997: 219]. К.Д. Ушинский отмечал: «В пословицах отразились все стороны жизни народа: домашняя, семейная, полевая, лесная, общественная; его потребности, привычки, его взгляды на природу, на людей, на значения всех явлений жизни» [Энциклопедия 1997: 219]. Многие пословицы основаны на реальных исторических событиях и ситуациях: *вот тебе, бабушка, и Юрьев день*.

Фольклорный жанр Сибири является одним из составляющих русской культуры. Он отражает региональные особенности культуры местного населения. В этом жанре представлены предания, былины, пословицы, поговорки, песни, заговоры, загадки. Пословицы и поговорки имеют бесценное значение для воспитания в детях патриотического чувства. Именно пословицы и поговорки в ненавязчивой форме рассказывают о том, что нужно делать порядочному, доброму, любящему свою работу, семью, свою родину человеку, а что недостойно настоящего гражданина. Например, *чти отца и мать – не придется тебе горевать; без матери и солнце не греет* и др.

Предстает множественность случаев и жизненных сцен сибиряков: *Лучше б тебе не родиться!* – то ли грозит, то ли сочувствует одна из пословиц. А поговорка вторит: *Твой бы приговор да тебе ж во двор* – это о недобром слове.

Столь же красноречив бывал бойкий русский человек и в радости, при сердечной встрече, в приветливом одобрении: *спали, почивали, весело ль вставали?*, и в обращении с поклоном: *солнышку моему сиятелю, свету моему совету, сахару белому*, и в пожелании *жить, богатеть, добра наживать, лихо избывать*.

Во второй половине XIX в. после выхода в свет сборника В.И. Даля во многих губерниях развернулся широкий сбор пословиц и поговорок разными лицами и учреждениями. Больше стало проявлять интереса к этнографическим и фольклорным материалам военное министерство. После крымской кампании оно решило собрать через офицеров генерального штаба возможно полные и обстоятельные сведения о губерниях и областях России, Украины,

Белоруссии. С этой целью с 1862 г. был организован выпуск особых сборников под названием: «Материалы для географии и статистики, собранные офицерами генерального штаба». За шесть лет было издано 25 томов, в некоторые из них были включены пословицы и поговорки. В 1845 г. было создано Императорское русское географическое общество, которое во второй половине XIX в. начало свою деятельность по сбору пословиц и поговорок. Один из членов Русского географического общества Н. Потанин, путешествуя по Сибири, записал около 300 пословиц и поговорок. Он опубликовал их в четвертом выпуске «Этнографического сборника» и во втором выпуске «Живой старины», издаваемыми этим обществом с 1864 г. [Потанин 1947: 5].

Современность характеризуется пристальным вниманием к истокам нашего бытия, к особенностям русского самосознания. Именно поэтому в последние годы все чаще на страницах периодической печати мелькают слова «менталитет», «ментальность», «ментальный». Русский народ давно пришел к определенным выводам по некоторым вопросам бытия и поведения человека и выразил их в своих пословицах и поговорках, включающих в свой состав русские христианские имена. Эти пословицы возникли и развивались вместе с историей и культурой народа, что и входит в понятие «ментальность».

Обратимся к словарям в определении понятия «ментальность». В словаре «Культурология» читаем: «Ментальность, менталитет (от лат. – ум, мышление, образ мыслей, духовный склад) – это общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции. Ментальность выражает жизненные и практические установки людей, устойчивые образы мира, эмоциональные предпочтения, свойственные данному сообществу и его культурным традициям» [Культурология XX век 1997: 271].

«Менталитет – (фр. *mentalite* лат. *mentalis* – умственный, духовный). Книж. 1. Совокупность мировоззренческих (идеологических, религиозных, этических и т. п.) представлений, характерных для отдельной личности и народа в целом. 2. О складе ума, характере мышления [Толковый словарь 1998: 382].

Ментальность – это то общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о мире. Ментальность выражает привычки, пристрастия, коллективные эмоциональные шаблоны. Чаще всего ментальность реконструируется исследователями путем сопоставления с другой ментальностью. Захватывая бессознательное, ментальность выражает жизненные и практические установки людей,

устойчивые образы мира, эмоциональные предпочтения, свойственные данному сообществу и культурной традиции.

Основной фонд пословиц и поговорок – это все-таки коренное народное творчество, тесно связанное со всем укладом жизни народа. Наблюдая за различным основанием русских пословиц и поговорок, мы увидели их органическую связь с традиционной символикой нашего народа и национальной культурой в целом. В тесном единстве представлены в них этические, нравственные, религиозные, магические, художественные и логические аспекты народного сознания. По словам великого ученого Д.С. Лихачева, «народная фразеология – не только древность, дошедшая до нашего времени в языковой образности, за ней стоит и традиция национальной языковой эстетики, и многое из сегодняшнего русского менталитета» [Лихачев 1983: 256].

Долгое время Сибирь была местом каторги и ссылки. Все это вызывало неприятные ассоциации. Люди боялись Сибири. Им казалось, что там живут сплошные чалдоны (так дразнят сибиряков). Если человек ехал туда, считалось, что он едет *к черту на рога*, т. е. в опасное для проживания место. Но приехав на место, человек убеждался, что и в Сибири люди живут, так возникла пословица: *и в Сибири наше солнце светит*. Побывав там, он уже не боялся Сибири. И если его пугали Сибирью, т. е. тайгой, ссылкой, он весело оговаривался: *дальше Сибири не угонят; дальше Сибири не угонят, а Сибирь – тоже нашего царя; страшна Сибирь слухом, а люди лучше нашего живут; Сибирь – золотое дно; Сибирь соболями славна*.

В XIX в. Сибирь считалась отдаленной от российского центра территорией. И в песне об этом поется: *Далеко в стране иркутской*. Велики были и внутренние дороги Сибири. Поэтому сибиряки и говорили: *сто рублей не деньги – триста верст не расстояние*. Теперь до Иркутска можно добраться за каких-нибудь четыре часа, поэтому сибирские расстояния уже никого не пугают. Иной стала жизнь в Сибири. Раньше о сибирских городах говорили: *Тюмень – столица деревень; Барнаул – большая деревня*. Ныне это крупные промышленные центры, благоустроенные города. В глубинных районах Сибири можно еще встретить и *Медвежий угол*, т. е. захолустье, глухомань; это, вероятно, восточнославянское выражение. Вероятно, в активное употребление сочетание вошло после опубликования одноименного рассказа П.И. Мельникова-Печерского (1818-1883 гг.), где так назван глухой город; в свою очередь, автор основывался на существующих с древних веков названиях (*медвежий угол*), относящихся к небольшим поселениям.

Таким образом, *пословицы и поговорки* – это тот языковой материал, который позволяет дать оценку прошлому и настоящему, отношениям человека

к разным жизненным ситуациям. Пословицы и поговорки Сибири играют особую роль в раскрытии менталитета той или иной территории; с их помощью могут быть вскрыты глубинные мировоззренческие смыслы образных народных суждений.

Список использованной литературы

- Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – Москва, 2001. – 356 с.
- Бахтин В.С. От былины до считалки: Рассказы о фольклоре. – Л.: Детская литература, 1988. – 225 с.
- Даль В.И. Напутное // Пословицы русского народа. – Москва, 2000. – 586 с.
- Изучение и Собрание Местных Пословиц и Поговорок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.x-vim.info/readarticle.php?article_id=5 (Дата обращения 22.11.2014 г.).
- Культурология XX век. Словарь. С.-П.: Университетская книга, 1997. – 432 с.
- Лихачев Д.С. Земля родная: кн. для учащихся. – М., Просвещение. – 1983. – 256 с.
- Потанин Н. Этнографический сборник Императорского русского географического общества. – М.: Наука, 1947. – 302 с.
- Энциклопедия народной мудрости (ЭНМ) / Составитель Воскобойников В. – Санкт-Петербург, 1997. – 432 с.

ОБРАЗ БИЙСКА В ГОРОДСКОЙ ПРЕССЕ

С.В. Ганова*

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является изучение концептуализации разнообразных реалий. Объектом нашего исследования стал ойконимический концепт – лингвоментальная единица, вербализующаяся в языке ойконимом (наименованием населенного пункта) или отойконимическим образованием (прилагательным; наречием; существительным, номинирующим жителей) и представляющая собой концептуализированный фрагмент действительности, связанный с тем или иным населенным пунктом.

Материалом нашего исследования стали оценочные контексты публикаций городской общественно-политической газеты «Бийский рабочий». Под контекстом мы понимаем законченный фрагмент статьи, общий смысл которого позволяет выявить эмоционально-оценочную характеристику. Одна статья может включать несколько контекстов в том случае, если материал содержит несколько разноплановых оценочных характеристик. Выбор источника обоснован тем, что газета является самой массовой,

* **Ганова Светлана Валерьевна** – кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы НОУ СОШ «Православная школа во имя праведного Иоанна Кронштадтского» (г. Бийск Алтайского края).

позиционирующей себя как «объективно и честно» рассказывающую о городских событиях и пишущей о жизни во всех ее проявлениях [Скляр 2011].

Обращение к текстам позволяет выявить, во-первых, особенности функционирования концепта; во-вторых, целенаправленно позиционируемый образ города, могущий повлиять на формирование концепта в сознании языковой личности.

Когда мы говорим о реализации концепта в текстах, то считаем корректнее вместо термина «концепт» использовать термин «образ», поскольку в центре внимания оказывается не сознание языковой личности, а текст. Образ же является продуктом текста и при этом актуализирует признаки концепта (образный компонент является одним из базовых в структуре концепта) [Попова, Стернин 2007: 114].

Поскольку, по С. Г. Воркачеву, одним из основных признаков концепта является его переживаемость [Воркачев 2002: 14], для анализа были отобраны эмоционально-оценочные контексты, в которых Бийск выступает в качестве предмета симпатий и антипатий. Наличие оценки свидетельствует о значимости обозначаемого. Она может локализоваться в диапазоне «безразлично» (нулевая оценка), «хорошо» или «плохо» (положительная или отрицательная оценка).

Всего для анализа было собрано 290 контекстов информационно-публицистического содержания из разных тематических рубрик сайта газеты, опубликованных с февраля 2008 по январь 2015 г.

С помощью количественного анализа контекстов выяснилось, что наиболее актуальными являются темы, связанные с жизнедеятельностью города и теми сферами, которые обеспечивают условия жизнеспособности города (коммунальная сфера и власть), формируют потенциал его развития (культура, спорт, образование).

Качественный анализ позволил определить структуру образа Бийска, позиционируемого на страницах газеты.

Общеоценочные характеристики включает семантические поля «Уникальность», «Туристическая привлекательность», «Экология», «Наркологическая обстановка», «Статус».

Оценка Бийска как уникального объекта пронизывает все уровни семантической структуры ойконима: город как географический объект (*Эта уникальность региона обусловлена его природно-климатическими, географическими особенностями*), как место жизнедеятельности (*Его уникальность состоит еще и в том, что у нас есть и наука, и наукоемкое производство*), как «хранитель» культурно-исторической информации (*это был единственный в России музей, посвященный дороге*). При положительной

оценке города в целом, отрицательную оценку получает отношение жителей к природной уникальности (*была уникальная фауна, но жители методично и планомерно уничтожают этот уголок природы в центре города*), состояние исторических объектов (*здание в архитектурном плане уникальное, но с каждым годом теряет свою привлекательность*), в стратегическом экономическом развитии города делается ставка на историю (*туризм надо развивать, захватывать проезжающих уникальностью, делая ставку на историю*), но исторические объекты не восстанавливаются (*внешний вид архитектурных памятников несколько разочаровал*).

К туристической привлекательности города наблюдается скептическое отношение, которое эксплицитно выражается словами с соответствующей коннотацией (*бедственное состояние, аварийное состояние, разруха, тотальная ликвидация памятников, показать нечего, абсурд* и т. п.) и стилистически сниженной, разговорной лексикой (*наводнят туристы, туристы будут идти косяком*), а также имплицитно через иронию контекста (*Но туристическая Мекка осталась только в планах, а на деле мы имеем разруху, аварийное состояние и просто тотальную ликвидацию старых домов, которые «при жизни» имели статус памятников истории и культуры. Туристы, которых нам обещают инициаторы «Малого Золотого кольца Алтай», будут идти косяком*).

Большая часть сообщений (6 из 8), оценивающих экологическую обстановку в городе, имеют негативную направленность (*Экологи бьют тревогу: грядет экологическая катастрофа: город загазован, загрязнен (берег реки уже много лет – одна сплошная свалка), леса вырубаются (В лесу – настоящий бардак), река мелеет (русло реки нуждается в постоянной чистке. Раньше чистили регулярно, а теперь ничего не делается)*).

«Статус» (6 контекстов) города оценивается исключительно положительно. Подчеркивается престижность статуса наукограда, он расценивается как нематериальный ресурс, приносящий «дополнительные финансовые вливания», дающий «конкурентные преимущества» и «мощный импульс развитию Бийска».

Клишированные выражения (например, *престижный статус*), используемые при освещении данной темы, свидетельствуют о реализации идеологемы «Бийск – наукоград».

Бийск представляется неким замкнутым, ограниченным пространством: местные проблемы и вопросы мыслятся как всеобщие (*Хотя вопросы обсуждались глобальные: новые градостроительные регламенты и будут определять, что можно, а что нельзя строить в каждой конкретной зоне*).

Среди внутригородских объектов преобладают торговые, что вызывает скорее недовольство, выражающееся в форме риторического вопроса и использовании усилительной частицы (*когда же в микрорайоне появятся культурные объекты, а не очередной магазин?*).

Эти характеристики не являются собственно оценочными, но отражают особенности восприятия города.

Итак, завершая обзор первого блока общеоценочных контекстов, отметим, что в целом на страницах газеты создается положительный образ Бийска (48 контекстов с положительной оценкой и 14 с отрицательной). В корпусе собранного материала выделяются контексты, реализующие официальные («Бийск – привлекательный туристический центр», «Бийск – наукоград») и социальные, выражающие самосознание бийчан, идеологемы («Бийск – особый город», «Бийском можно гордиться»).

Однако мы можем заметить «чуждость» жителям идеологемы «Бийск – привлекательный туристический центр», поскольку в этом видится нечто искусственное, «очередная показуха» и необоснованный пафос, так как в действительности наблюдается лишь запущенность и уничтожение культурных и исторических объектов. Другими словами, при столкновении (несовпадении) позиционируемого образа и образа, возникшего в результате опыта непосредственного взаимодействия с познаваемым объектом, наиболее достоверным оказывается второй.

Такого конфликта позиций не наблюдается у идеологемы «Бийск – наукоград». Видимо, это объясняется, с одной стороны, тем, что научно-промышленный потенциал реально подтверждается победами на различных конкурсах и выставках, то есть не возникает конфликта между позиционируемым и реально наблюдаемым.

С другой стороны, данная идеологема существует дольше, чаще говорится о выгодах статуса для рядового горожанина (дополнительное финансирование), чем о конкретных научно-технических разработках и инновациях, служащих основой получения статуса наукограда. Кроме того, данная идеологема тесно связана с социальной идеологемой «Бийском можно гордиться», с личной значимостью города. В то время как идеологема «Бийск – привлекательный туристический центр» подчеркивает значимость внешнюю, для других.

Второй блок тем объединяет контексты, характеризующие отдельные сферы жизнедеятельности горожан, самыми главными из которых являются коммунальная и строительная (38 контекстов). Среди оценок сферы коммунального хозяйства и благоустройства преобладают негативные (69,8%).

В этой подборке контекстов преобладает рациональная оценка, что объясняется тесной связью рассматриваемой темы с практической деятельностью, повседневным опытом горожан. Основные критерии данной оценки – выполнение / невыполнение функций коммунальными службами, полезность / вред от действий людей, ответственных за работу сферы коммунального хозяйства для рядовых горожан, соответствие/несоответствие жизненных условий стандарту, принятому в обществе.

Сфера образования представлена 29 контекстами. Сообщения носят информационный и проблемный характер, большая их часть (82,8%) имеет позитивную оценку. В материалах представлена официальная оценка (*В приветственном слове Александр Карлин подчеркнул: Бийский лицей – это высокая марка, высокий эталон образования и новейшие технологии в обучении*) и неофициальная (*И это чистая правда, ведь теперь в распоряжении талантливых бийских педагогов все условия и самое современное оборудование*). Характер оценки в обоих случаях совпадает: она положительная. Отрицательная оценка связана с общей ситуацией в образовании (*российское образование стремительно теряет свои позиции*), уровнем образования выпускников бийских вузов (*уровень образования у современных выпускников вузов достаточно низкий*), миграцией выпускников школ (*далеко не все бийские выпускники решают поступать в бийские вузы – многие уезжают учиться в другие города и регионы*).

Сфера культуры объединила 25 контекстов, выражающих преимущественно (88%) положительную оценку, что свидетельствует о высоком уровне культурного развития города. Она выражается лексическими средствами (*значительное событие, возросшее мастерство, достойно, гордость, лучшие* и т. п.).

Сфера власти объединяет контексты, освещающие деятельность администрации, Думы и политическую жизнь города. Общая оценка негативная (91,7%), что во многом определяется ситуацией кризиса власти, в которой оказался Бийск в период сбора материала. Данная группа контекстов выявила раздробленное восприятие города. Власть представляется обособленной от горожан (*Большинство собеседников также высказали недоверие депутатам: у них своя жизнь, свое мнение, а у их избирателей – свое*). Присутствуют утилитарные оценки (*для бийчан это было только потерей*). Наличие эмоциональных оценок работы власти (*грустно, к сожалению*) свидетельствует о значимости данной сферы в жизнедеятельности города.

В качестве негативных факторов кризиса власти отмечается отсутствие взаимодействия администрации с депутатским корпусом (*не было достаточно*

хорошего взаимодействия, власть погрязла в разборках) и горожанами (выбрать того, кто ... с народом встретиться..., стремясь донести свою позицию до максимального числа горожан), отсутствие последовательности в решениях (говорят одно, делают другое), непрофессионализм (в других регионах политикой занимаются профессионалы, такая система станет преградой для проходимцев и непрофессионалов), личность мэра (вступал в перепалку с депутатами; непрофессионально и грубо; продолжается судебное разбирательство по уголовному делу в отношении главы города).

Сфера спорта (23 контекста) включает, в основном, контексты с положительной оценкой (86,7%), которая отражает высокий уровень не только профессионального и любительского спорта (в городе на высшем уровне проводятся сложные по организации спортивные мероприятия), но и массовой физкультуры (спрос бийчан на спортивные объекты удовлетворен). Подчеркивается популярность спорта в городе (В Бийске игра [шахматы] очень популярна; идет активная популяризация народного фигурного катания), а также успехи бийских спортсменов в различных видах спорта и на соревнованиях различного уровня (Успехи бийских самбистов помогли добыть победу сборной Алтайского края в командном первенстве). Негативно оценивается лишь финансовое обеспечение данной сферы (не сегодня-завтра руководство команды объявит о банкротстве пятикратного чемпиона Алтайского края).

Сфера науки и промышленности также объединяет контексты преимущественно с позитивной оценкой (80%), причем успехи в этой сфере отмечаются как в прошлом (Ногу Ленину высококвалифицированные рабочие оборонных предприятий залатали ювелирно), так и в настоящем (Бийск стал примером для создания в крае кластерных инициатив, объединенных в программу комплексного развития «Алтайское Приобье»), и в будущем (Бийский сахарный завод добьется статуса крупнейшего предприятия не только края, но и Сибири).

Подчеркивается уникальность и высокий уровень качества бийской продукции (Сегодня в столице Алтайского края вручат награды победителям конкурсов качества «Лучший алтайский товар года» и «Лучшая услуга года». Среди победителей и призеров есть и бийские предприятия). Отмечается инновационность промышленности (Также формированию имиджа города должен способствовать биофармкластер, осуществляющий полный инновационный цикл от разработки технологий до серийного производства новых лекарств и оздоравливающих препаратов). В качестве положительного момента обращается внимание на социальную ответственность предприятий

(На предприятии постоянно поддерживается качественный уровень в работе по обязательному пенсионному страхованию и обеспечиваются социальные гарантии своим работникам).

Негативная оценка присутствует в характеристике инновационной сферы, конкурентоспособности Бийска в сравнении с другими наукоградами *(А при той политике, которая царила в Бийске в последние годы в отношении наукоградских субсидий, конкурировать с другими городами будет проблематично).*

Экономическая сфера представлена 9 контекстами, в 88,9% из них присутствует негативная оценка. Положительный характер оценки наблюдается в официальной характеристике действий администрации *(Бийск – второй по величине город Алтайского края, который в последние годы динамично развивается).*

Негативно оценивается экономическое состояние промышленности *(Но экономическая отдача от предприятий города пока заставляет себя ждать),* дефицит бюджета *(Можно было бы сделать в городе намного больше, если бы имелись средства в достаточном количестве),* проблемы частного бизнеса *(Перекупищики опускают рынок пантовой продукции ниже некуда),* налоговая политика государства *(очередная радость постигла нас с первого января текущего года, когда подняли налоги.),* уровень зарплаты бийчан *(Другая беда бийской зарплаты — ее низкий уровень).*

Итак, в семантическом блоке «Сферы деятельности» можно выделить области, оцениваемые преимущественно отрицательно («Власть», «Экономика») или положительно («Образование», «Культура», «Спорт», «Наука и промышленность»), а также оцениваемые неоднозначно («Коммунальное хозяйство и благоустройство»). Как правило, неоднозначная оценка возникает тогда, когда тема освещается с нескольких, например, с официальной и неофициальной точек зрения, либо когда материал касается сложной, неоднозначной, проблемной самой по себе реалии.

Итак, обобщенно образ Бийска, реализующийся в газете можно представить следующим образом. Бийск – город с богатой историей, замкнутый, с престижным статусом наукограда и со своими проблемами, связанными с кризисом власти, коммунальной сферой, санитарной и наркологической обстановкой, недостаточным финансировании спорта, культуры, с низкими заработными платами жителей и высокими ценами. В городе достаточно хорошо развит любительский спорт. Перспектива развития города видится в туристической сфере, в инновационных технологиях. Однако

в действительности исторический центр разрушается, а вместо культурных объектов строятся торговые.

Город оценивается с двух позиций: официальной и неофициальной. В первом случае оценка как бы «овнешняется», город сравнивается с другими на каких-то более или менее объективных основаниях. Во втором – преобладает субъективный показатель значимости и комфортности жизнедеятельности для обычных жителей. Характер оценки и в том и в другом случаях разнообразен: от отрицательной до положительной.

Личная значимость ярко не выражена, тем не менее, концепт «Родная земля» актуализируется через статус и характеристики жителей. Внешнее подтверждение статуса (победы в конкурсах, соревнованиях) важно, но не является решающим (*И пусть Всероссийский конкурс «Учитель года» ей не покорился, но Наталья Чеканова все равно лучшая не только в Бийске, но и во всем Алтайском крае*). Кроме того, выражается вера в лучшее будущее (*люди любят свой город и хотят его сделать лучше*).

Перспектива создания положительного образа осложняется тем, что решающую роль в этом процессе играет основная деятельность объекта (в нашем случае города), а не специально организованная деятельность, формирующая положительный образ. Если основной деятельностью города является обеспечение комплексного социально-экономического развития города, к неосновной можно отнести деятельность, связанную с культурным, спортивным развитием, статусом исторического города. Очевидно, что, если ухудшаются условия жизнедеятельности, но при этом растет количество спортивных наград и пр., динамика внутреннего имиджа будет иметь негативную направленность.

В то же время мы не наблюдаем на страницах газеты последовательного целенаправленного формирования позитивного образа города. Если официальная информация, как правило, позитивна, направлена на создание положительного образа, то другие материалы, негативного и проблемного содержания, разрушают его. Поэтому мы можем сделать вывод, что самая массовая городская газета не стремится к манипулированию общественным сознанием, а, скорее, озабочена привлечением внимания, откликаясь на запрос общества (проблемные, дискуссионные материалы), а также отражает представления горожан (событийная журналистская информация, комментарии и отклики на материалы, жизненные ситуации).

Таким образом, мы можем говорить о слабом влиянии городских СМИ на формирование концепта в целом и его эмоционально-оценочную зону в частности.

Список использованной литературы

Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: Монография / С. Г. Воркачев – Краснодар: Изд-во Техн. ун-т Кубан. гос. технол. ун-та. – 2002. – 142 с.

Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

Скляр, С. Его величество факт // Бийский рабочий. – 06.07.2011 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://biwork.ru/206-prilozheniya/kolonka-redaktora/10878-ego-velichestvo-fakt.html>

АДАПТАЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В МОДУЛЕ «ОСНОВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ» КОМПЛЕКСНОГО ЭКЗАМЕНА ДЛЯ МИГРАНТОВ В РОССИИ

Е.В. Киселёва *

С 1 января 2015 г. в России введён экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства РФ, который стал обязательным для лиц, обращающихся за разрешением на работу, патентом на осуществление трудовой деятельности, разрешением на работу или видом на жительство. Этот экзамен предполагает ограниченный лексический минимум экзаменуемых [Должикова 2014], но достаточно обширные знания по истории и праву. Требования к минимальному уровню знаний, необходимых для сдачи экзамена, установлены Министерством образования и науки РФ Приказом от 29 августа 2014 г. [Приказ МОН № 1156]. Настоящая статья раскрывает взаимодействие между юристами и филологами по формулировкам вопросов, подготовке пособия для мигрантов, требований к уровню знаний, которое имело своей целью адаптацию юридической материи для не свободно владеющих русским языком лиц в целях введения данного экзамена.

В настоящее время модуль по основам законодательства Российской Федерации как элемент комплексного экзамена для отдельных категорий мигрантов включает в себя пять блоков, объединяющих двенадцать тем [Приказ МОН № 1156; Кажяева 2014]:

- 1) основы конституционного строя РФ (темы: государственная символика России; конституционный строй РФ; права и свободы человека в РФ: гражданские и политические права, социальные, экономические и культурные права);
- 2) специфика статуса иностранных граждан на территории РФ (темы: въезд в РФ, пребывание и проживание иностранных граждан в России и выезд из РФ; трудовая деятельность иностранных граждан в РФ);

* Киселёва Екатерина Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов (г. Москва).

- 3) практические вопросы жизни (основы гражданского и семейного права России);
- 4) обязанности и ответственность иностранных граждан в РФ;
- 5) взаимодействие иностранных граждан с органами государственной власти (темы: взаимодействие иностранных граждан с Федеральной миграционной службой России, полицией, ГИБДД, налоговыми органами России, а также с консульскими учреждениями государства своего гражданства).

Как видно из данного перечня, некоторые темы носят более общий характер и касаются не только мигрантов, а некоторые непосредственно относятся к миграционной сфере и затрагивают права, которыми обладают мигранты, и обязанности, которые мигрант должны соблюдать, находясь в Российской Федерации [Кажаева 2014а]. Пять тем рассматриваются в качестве приоритетных: 1) въезд в РФ, пребывание и проживание иностранных граждан в России и выезд из РФ; 2) трудовая деятельность иностранных граждан в РФ; 3) обязанности и ответственность иностранных граждан в РФ; 4) взаимодействие иностранных граждан с ФМС России; 5) взаимодействие иностранных граждан с иными органами государственной власти РФ [об эволюции содержания экзамена: Киселева 2014а]. Терминологическая насыщенность тем велика.

Правовой модуль интеграционного экзамена претерпел большую трансформацию по форме и языку изложения.

Первоначально экзаменационное задание включало в себя два субтеста. Первый был традиционным тестовым заданием, где мигрантам предлагалось ответить на вопрос, выбрав для этого правильный вариант ответа из нескольких предложенных, например: «Основной закон в России называется ...». Варианты ответов: 1) Конституция. 2) Кодекс. 3) Указ [Немытина 2013: 14]. Или: «Мигрант хочет работать на стройке. Для этого он должен получить разрешение на работу. Разрешение на работу выдает...» Варианты ответов: 1) Полиция. 2) Министерство иностранных дел России. 3) Федеральная миграционная служба России [Немытина 2013, 49]. Такие вопросы составляли большую часть теста.

Субтест 2 предполагал необходимость вставить пропущенное в утверждении слово, например: «Документ, подтверждающий право мигранта на временное осуществление на территории Российской Федерации трудовой деятельности, называется «.....»» [Немытина 2013: 44]. Или: «Если мигрант утратил документы, подтверждающие право на пребывание (проживание) в Российской Федерации, и не подал заявление об их утрате в миграционную службу, то это влечет наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей с «.....» за пределы Российской Федерации».

Безусловно, второй субтест вызывал больше сложностей у мигрантов, чем первый. Итогом апробации таких вариантов стало изменение второго субтеста. Вместо вставки пропущенного слова от мигрантов требовалось дать короткий ответ на вопрос, например, какой кодекс регулирует вопросы ответственности за административные правонарушения на территории России; как расшифровывается МВД России?

Даже в таком виде второй субтест вызвал много обоснованных замечаний. Например, перспектива машинной обработки результатов привела бы к ошибочной оценке ответа как неправильного даже в случае лишнего пробела между словами, не говоря об орфографической ошибке, которая не должна в данном модуле иметь решающего значения. Кроме этого, перечень открытых вопросов нуждался в существенном и постоянном совершенствовании, поскольку на обыденном уровне правильный ответ зачастую не совпадал с четким и однозначным юридически верным ответом. Например, на приведенный выше вопрос «Какой кодекс регулирует вопросы ответственности за административные правонарушения на территории России?» зачастую ответ был «административный». Но такого кодекса нет, должно быть «Кодекс РФ об административных правонарушениях».

Итогом взаимодействия с филологами и тестологами, экспертного и общественного обсуждения в совокупности с результатами апробации тестов стал отказ от второй составляющей экзаменационного задания. Остались только тестовые вопросы в чистом виде. Хотя надо отметить, что часть тестовых заданий была стилистически преобразована в ситуативные задачи, например: «Вы стоите на остановке и ждете своего друга. К Вам подходит сотрудник полиции и просит Вас предоставить документ, удостоверяющий Вашу личность. Имеет ли право сотрудник полиции проверять документы?» Варианты ответов: А. Нет, не имеет; Б. Да, имеет; В. Да, имеет, но только если рядом ваши друзья или родственники» [Российский тестовый консорциум].

Упрощение формулировок вопросов составило отдельное направление взаимодействия между юристами, с одной стороны, филологами и тестологами, с другой. Приведем несколько примеров конкретных изменений [Киселева 2014a].

Было:	Стало:
<p>В каком органе государственной власти иностранный гражданин обязан встать на учет по месту пребывания?</p> <p>А) В территориальном органе ФМС России</p> <p>Б) В территориальном органе МВД России</p>	<p>Иностраный гражданин должен встать на учет по месту пребывания в ...</p> <p>А) ГИБДД России</p> <p>Б) МВД России</p> <p>В) ФМС России</p>

<p>В) В территориальном органе ФМС или МВД по своему усмотрению</p>	
<p>Что является одним из полномочий Федеральной миграционной службы?</p> <p>А) Надзор за пребыванием и проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации</p> <p>Б) Надзор за соблюдением таможенного законодательства</p> <p>В) Контроль за соблюдением требований обеспечения доступа на рынки услуг естественных монополий и оказанием услуг субъектами естественных монополий на недискриминационных условиях</p>	<p>ФМС России должна контролировать ...</p> <p>А) соблюдение таможенного законодательства</p> <p>Б) пребывание и проживание иностранцев в России</p> <p>В) работу полиции с иностранцами</p>
<p>Согласно законодательству Российской Федерации, трудовые отношения прекращаются с иностранным работником в связи с:</p> <p>А) окончанием срока действия разрешения на работу, аннулированием разрешения на работу, аннулированием у работодателя разрешения на привлечение иностранной рабочей силы, а также при установлении (изменении) Правительством РФ допустимой доли иностранных работников, используемых в различных отраслях экономики хозяйствующими субъектами</p> <p>Б) однократным невыполнением поручения в организации, нанимающей иностранного работника</p> <p>В) решением работника перейти к другому работодателю</p>	<p>По российскому законодательству трудовой договор с иностранным работником подлежит прекращению (должен быть прекращен), когда ...</p> <p>А) заканчивается срок действия разрешения на работу</p> <p>Б) работодатель решил нанять своего брата</p> <p>В) работник опоздал на работу</p>

Обратим внимание, что формулировки стали короче, к сложным словам были добавлены пояснения, задания были преобразованы из вопросительной в утвердительную форму.

Для того, чтобы обеспечить подготовку к экзамену, разработчиками тестов было написано пособие [Должикова 2014]. Пособие состоит из введения, четырнадцати занятий и трех приложений.

Введение имеет содержательное значение [Киселева 2014б], в нем простым языком раскрываются основные правовые понятия, специфика права как способа регулирования общественных отношений, система российского законодательства.

Каждое занятие имеет вводные слова, предтекстовые и послетекстовые упражнения, текст. Раздел «Слова и словосочетания» объясняет основные понятия темы и дает примеры словоупотребления, например:

«Суверенитет – это независимость государства.

Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ. Суверенитет распространяется на всю территорию Российской Федерации» [Должикова 2014: 21].

За этим следует часть «Проверим себя», где требуется подобрать правильное слово или словосочетание к предлагаемому определению, например: «... – это тот, кто использует труд, в том числе иностранных работников, на основании заключенных с ними трудовых договоров» [Должикова 2014: 62]. Правильные ответы даются после блока заданий. В приведенном примере правильный ответ – работодатель.

Второй раздел каждого занятия – это текст по праву, в котором выделены незнакомые слова и который по содержанию позволяет усвоить информацию, необходимую для ответа на все вопросы экзамена по соответствующей теме. С учетом эволюции экзаменационных заданий, их дифференциации для различных категорий экзаменуемых, пособие, как можно предположить, будет развито в три отдельных издания, в соответствии со спецификой заданий для разных групп лиц. В настоящее время пособие содержит максимально полную информацию, учитывающую даже вопросы, оставленные в резерве, банке данных для развития экзамена на ближайшие годы. Напомним, изначально экзамен создавался как единый для всех подлежащих его прохождению лиц. Однако тест для трудящихся мигрантов был сокращен по количеству вопросов и из него были удалены все задания, касающиеся временного проживания и вида на жительство. С другой стороны, тест для претендентов на разрешение на временное проживание и тест для обращающихся за видом на жительство, соответственно, включил вопросы, имеющие значение для каждой отдельной категории, и был освобожден от вопросов, не относящихся к правовому положению экзаменуемых.

Текст содержит иллюстрации, например, изображения российского флага, герба, банкнот и монет России.

За текстом следуют упражнения на понимание прочитанного: вопросы, после блока которых можно проверить себя по ключам.

Пример вопроса: Как осуществляются платежи на территории России? [Должикова 2014: 90].

Ответ: Платежи (расчёты) на территории России осуществляются как наличными деньгами, так и безналично [Должикова 2014: 91].

В конце пособия даны три приложения. Первое содержит важные для запоминания сроки совершения некоторых действий, представленные в табличной форме. Надо сказать, что это приложение обязано своим существованием именно филологам, тем, которые первыми проходили в Российском университете дружбы народов повышение квалификации по введению комплексного экзамена для мигрантов. На тот момент существовала лишь концепция экзамена, предварительный вариант требований и справочник (своего рода хрестоматия по праву в контексте экзамена [Киселева, Должикова 2014]). Поскольку частью программы повышения квалификации являлось прохождение теста самими будущими тесторами, а в тестах присутствуют вопросы на знание наиболее важных для мигрантов сроков, слушатели подсказали целесообразность выборки всей информации, касающейся сроков, для ее визуализации. Эта работа была осуществлена и с тех пор в табличной форме присутствует как в пособии, так и в открытом доступе на сайте Российского тестового консорциума среди материалов для подготовки к экзамену.

Второе приложение показывает, как соотносятся темы требований с темами занятий. Дело в том, что некоторые темы являются столь насыщенными, что они были разбиты на два занятия, например, трудовое право, ответственность и обязанности иностранных граждан в РФ. Другие же темы, наоборот, были объединены. Приложение позволяет сориентироваться в этом.

Третье приложение иллюстративно. В него включены образцы некоторых юридически значимых документов.

В целом, представляется, что данное пособие является первым шагом в учебно-методическом обеспечении подготовки мигрантов к экзамену, вариантом сочетания правовой информации и ее языковедческой обработки. Уверена, что за ним последует множество текстов, которые будут составлены людьми, работающими с мигрантами в контексте экзамена, исходя из опыта этих людей и особенностей именно их контингента мигрантов.

Еще одним аспектом взаимодействия юристов и филологов стала работа над расширенным вариантом требований. Приказ Министерства образования и науки РФ № 1156 содержит требования в сжатой форме. Они исчерпываются буквально следующим:

«По основам законодательства Российской Федерации иностранный гражданин должен:

- знать основы конституционного строя Российской Федерации;
- знать основные права, свободы и обязанности иностранных граждан в Российской Федерации;

- знать правила въезда иностранных граждан в Российскую Федерацию, пребывания и проживания на территории Российской Федерации, выезда из Российской Федерации;
- знать основы гражданского, семейного и трудового права Российской Федерации;
- знать порядок взаимодействия с органами государственной власти Российской Федерации;
- знать основания юридической ответственности иностранных граждан в Российской Федерации;
- знать основы взаимодействия иностранных граждан с дипломатическими представительствами и (или) консульскими учреждениями иностранных государств в Российской Федерации» [Требования, п. 4].

Очевидно, что за таким кратким описанием может стоять совершенно различный объем знаний. По этой причине разработчики подготовили к печати (на 1 ноября 2014 г. находится в процессе издания) расширенные требования, ориентирующие в конкретных аспектах знаний, стоящих за лаконичными фразами министерства. Эта работа также включала взаимодействие юристов и филологов в части приведения требований в соответствие с требованиями жанра подобного рода документов.

Требования в целом содержат предисловие, информацию по каждому из модулей и приложение. Модуль права раскрывается через описание тем и перечисление ключевых понятий и терминов. Приведем пример модификации описания тем.

Один из первых вариантов описания темы 3, касающейся въезда и пребывания в РФ, выглядел следующим образом:

Тема 3. Въезд и выезд, пребывание и проживание иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации

Понятие и виды миграции. Миграция и иммиграция. Миграция в Россию. Законная и незаконная миграция в Россию. Добровольная и вынужденная миграция.

Общие положения о въезде в Российскую Федерацию и выезде из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства. Въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства. Выезд из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства. Временное пребывание иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. Временное проживание иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. Постоянное проживание иностранных граждан в Российской Федерации. Миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации.

Понятия и термины: иностранный гражданин, лицо без гражданства, документ, удостоверяющий личность, въезд, выезд, временное пребывание, вре-

менное проживание, постоянное проживание, незаконный мигрант; миграционная карта, виза, вид на жительство, разрешение на временное проживание, миграционный учет, место жительства, место пребывания, регистрация по месту пребывания и жительства, органы пограничного контроля, депортация, административное выдворение, реадмиссия, квота, разрешение на трудовую деятельность, нежелательность пребывания (проживания).

В результате доработки описание приобрело следующий вид:

Тема 3. Въезд в Россию и выезд из России, пребывание и проживание иностранных граждан в РФ

Понятие и виды миграции: законная и незаконная, добровольная и вынужденная.

Въезд в РФ иностранных граждан (виза; документ, удостоверяющий личность; вид на жительство; миграционная карта; безвизовый порядок въезда). Выезд из РФ иностранных граждан. Временное пребывание иностранных граждан в РФ (виза, срок временного пребывания). Временное проживание иностранных граждан в РФ (разрешение на временное проживание, порядок получения и срок действия разрешения на временное проживание). Постоянное проживание иностранных граждан в РФ (вид на жительство, порядок получения и срок действия вида на жительство). Миграционный учет иностранных граждан в РФ (миграционная карта, регистрация по месту пребывания, регистрация по месту жительства).

Понятия и термины: документ, удостоверяющий личность; въезд, выезд, временное пребывание, временное проживание, постоянное проживание; виза, разрешение на временное проживание, вид на жительство; миграционный учет, миграционная карта, место жительства, место пребывания, регистрация по месту пребывания, регистрация по месту жительства; госпошлина.

Можно увидеть, что доработка касалась как стилистических моментов (например, в самом обозначении темы), так и формы описания содержания (которое стало более схематичным) и перечисления ключевых слов.

Обобщая изложенное выше, надеемся, что статья наглядно показывает, насколько тесным было сотрудничество между юристами и филологами в работе над правовым модулем комплексного экзамена для мигрантов в России. Представляется, что продемонстрированные конкретные изменения, которые претерпели экзаменационные задания и методические материалы к ним, ставшие результатом этого сотрудничества, являются не последними. Экзамен недаром называется комплексным – его успех зависит от постоянного диалога между специалистами по всем включенным в экзамен модулям.

Список использованной литературы

Должилова, А.В. Особенности правового регулирования проведения лингводидактического тестирования и интеграционного экзамена для иностранных граждан в РФ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11. Ч. 1. С.75-81.

Должикова, А.В. Основа законодательства Российской Федерации: учеб. пособие для подготовки иностранных граждан к экзамену / А.В. Должикова, Е.В. Киселёва, О.С. Кажаяева, В.П. Синячкин, В.В. Дронов, Е.С. Ощепкова. – М: РУДН, 2014. – 178 с.

Кажаяева, О.С. Структура модуля по основам законодательства Российской Федерации интеграционного экзамена для мигрантов в РФ // Молдавский журнал международного права и международных отношений. 2014. № 3.

Киселева, Е.В. Вводная информация о праве для подготовки мигрантов к сдаче комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 6. (Киселёва 2014а)

Киселева, Е.В. Эволюция структуры и содержания модуля «Основы законодательства РФ» интеграционного экзамена для мигрантов в РФ // Обозреватель-Observer. 2014. № 12. (Киселёва 2014б)

Киселева, Е.В. Справочник: основы законодательства Российской Федерации для трудящихся мигрантов / Е.В. Киселёва, А.В. Должикова. – М: РУДН, 2014. – 100 с.

Немытина, М.В. Основы законодательства Российской Федерации: учебно-методическое пособие для подготовки трудящихся мигрантов к экзамену / М.В. Немытина, А.А. Подмарев. – Москва: РУДН, 2013.

Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 августа 2014 г. № 1156 «Об утверждении формы, порядка проведения экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации и требований к минимальному уровню знаний, необходимых для сдачи указанного экзамена».

Российский тестовый консорциум – вкладка «Подготовка к экзамену» – «Основы законодательства РФ» – образец теста: http://testcons.ru/wp-content/uploads/2014/07/test_legal2.pdf (дата обращения: 2014-09-19).

Требования к минимальному уровню знаний, необходимых для сдачи экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации, утв. Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 августа 2014 г. № 1156.

РОЛЬ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ

И.А. Ланская*

Согласно современным представлениям, под речевым общением понимается мотивированный процесс взаимодействия между участниками коммуникации, который направлен на реализацию конкретной целевой установки и протекает на основе обратной связи в конкретных видах речевой деятельности.

Каждого человека интересует результат его сообщения, мы продумываем разные подходы, которые в той или иной степени соответствуют ситуации общения. Термин ситуация является базовым в теории речевого общения. Анализ и интерпретация коммуникативного события проводятся с позиций

* Ланская Ирина Алексеевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры языкознания и иностранных языков Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород).

условий общения, с учетом участников, их целей, отношения, места, времени и других обстоятельств речевого взаимодействия.

В процессе речевого общения принимаются решения о том, передать или не передавать сообщение, определяется семантический «ракурс», выбирается лексическое наполнение, синтаксическая структура, последовательность коммуникативных шагов. Большинство решений принимаются автоматически, однако ряд ситуаций требует осознанного поиска. Речевая активность коммуникантов ориентирована на достижение целей общения и мотивирована, как все общение целиком, мотивами деятельности.

Взгляд на язык как средство воздействия людей на поведение и сознание друг друга невозможен вне функционального подхода. Изучение функциональных особенностей языковых явлений ведется в разных направлениях. Если внешней средой, в которой функционирует языковая система, выступает мир сознания, его структуры, тогда имеет место когнитивно-функциональный подход; если в качестве внешней среды берется сфера коммуникации, общения посредством языка, тогда вычленяется коммуникативно-функциональный подход.

Коммуникативно-функциональное направление является в настоящее время одним из актуальных. Оно изучает правила употребления языковых единиц в типичных случаях коммуникативно-ориентированного речевого поведения. Анализ проводится в направлении от содержания к средствам выражения в конкретной речевой ситуации.

«Интерес к минимальным лингвистическим единицам сменился интересом к «максимуму» – тексту (дискурсу), рассматриваемому в его взаимодействии с прагматическими факторами» [Арутюнова 2003: 16].

При объединении функционального и коммуникативного подходов внимание концентрируется на актуализации целеполагающих, социальных коммуникативных смыслов посредством их языкового выражения, на взаимодействиях партнеров в процессе обмена мыслями. Прагматический подход связан с человеком, использующим язык как орудие общения и делающим свой выбор для достижения поставленных задач [Формановская 2002: 5].

Своеобразным тематическим показателем всей коммуникации служит ситуация, объединяющая реальные временные, пространственные, предметные условия. Анализ коммуникативной ситуации и цели, с которой происходит общение, относится к компетенции прагмалингвистики – сравнительно нового направления в языкознании, которое изучает язык, как средство, используемое человеком в его деятельности.

Исходным фактором любого речевого общения выступает коммуникативная ситуация – «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом поведении» [Маслова 2007: 34]. В качестве основных составляющих элементов коммуникативная ситуация включает участников коммуникации (коммуникантов, коммуникативную мотивацию и цели общения, а также время, место, конкретные обстоятельства и условия общения). Четкое понимание всех особенностей коммуникативной ситуации служит основой успешной коммуникации. Осознание важности превентивного анализа коммуникативной ситуации и последующего всестороннего учета позволяют инициатору общения подбирать языковые средства, способные обеспечить наибольший эффект. Должно быть понятно, что нельзя говорить что угодно в какой угодно ситуации. Если, например, комплимент сокурснице будет вполне уместен, то вряд ли он допустим по отношению к преподавателю в обстановке экзамена. Возможные действия и высказывания довольно строго ограничиваются особенностями ситуации.

В процессе коммуникационной ситуации выделяются три фазы: завязывания контакта, его поддержания и завершения. В первой фазе используются средства контактоустанавливающей коммуникации – обращения, приветствия; во второй фазе – средства авторизации и адресации, призванные возбудить и поддерживать внимание, интерес, эмоциональные переживания и т.д. В третьей фазе подводятся итоги разговора, реализуются прощания, пожелания добра и др.

Инициатор общения ставит цели коммуникации и реализует речевой процесс, но достигнет ли он успеха, существенно зависит от того, насколько адекватно он выбрал адресата. Очевидно, что бессмысленно обращаться с какой-то просьбой к человеку, который в принципе не может ее удовлетворить. Значит говорящий, еще планируя коммуникацию, должен учитывать весь спектр характеристик адресата, заботясь о том, чтобы они как минимум не противоречили другим параметрам коммуникативной ситуации, а лучше бы полностью гармонизировали с ними. Сложности в обеспечении такой гармонии заключаются в том, что исходная информация очень часто бывает неполной, а нередко и противоречивой. И здесь очень полезно бывает обращение к решениям, основанным на использовании прежде приобретенного опыта.

Список использованной литературы

Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: лексико-семантические проблемы. – 3-е изд., стер. – М.: УРСС, 2003 (Тип. ООО Рохос). – 382с.

Маслова, А.Ю. Введение в прагмалингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 152с.

ТЕРМИНЫ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-ОБЗОРАХ ЭЛЕКТРОННОЙ ТЕХНИКИ

В.Н. Тюленёва *

Интернет часто называют отдельным государством с определёнными законами. Свой язык, ну или, по крайней мере, сленг у всемирной паутины тоже довольно обширен. Количество слов и словосочетаний постоянно увеличивается. В связи с этим все возрастает необходимость анализа и таких языковых аспектов, как происхождение интернет-слов и выражений.

В разных странах ученые наблюдают и исследуют схожие процессы, происходящие в естественных национальных языках, на которых общаются пользователи Интернета. Например, даже в Англии, где нет ситуации заимствования Интернет-терминологии из чужого языка [Виноградова 2004], ученые пришли к необходимости выделения и изучения нового функционального стиля "Веблиш" (Web+English), который энергично распространяется в среде пользователей Интернета.

Наиболее известным исследователем данного феномена в настоящее время является Дэвид Кристалл, который сформировал новую область исследований – интернет-лингвистику.

В русском языке можно увидеть значительные изменения в лексике и грамматике. Г.Г. Инфантова и Т.Ю. Виноградова даже говорят о возможности возникновения нового стиля – стиля Интернет-общения, отличительными признаками которого являются письменное произношение, гиперинтертекстуальность и запечатленная разговорность. [Виноградова 2004; Валиахметова 2001]

Исследование интернет-языка – интересно и позволит не только узнать принципы трансформации заимствованных слов, но и проследить формирование нового функционального стиля. Однако из-за чрезмерной обширности сфер жизни, имеющих какое-либо отношение к Интернету, было принято решение ограничиться только интернет-обзорами электронной техники.

Лексический состав текстов интернет-обзоров неоднороден. Следует отметить значительный пласт заимствованной лексики. Новые слова проникают в русский язык в основном из английского языка, что обусловлено особенностями развития Всемирной паутины. Исторически сложилось, что страны, в которых возник Интернет, общаются на английском языке.

* Тюленёва Вера Николаевна – аспирант кафедры общего языкознания Курганского государственного университета; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент И.А. Шушарина.

Заимствования из английского языка чаще всего носят терминологический характер, например:

- *акселерометр* (автоматическая ориентация экрана) – от англ. *accelerometer* – заимствование слова в полном его значении.
- *слот* (разъем для установки дополнительного оборудования) – от англ. *slot* – заимствование только одного оттенка из трех возможных дефиниций в английском языке (то из значений, которое связано с возникновением нового технического явления).
- *адаптер* (приспособление для соединения устройств) – от англ. *adapter* – заимствование слова в полном его значении.
- *стилус* (прибор для манипуляций с экраном) – от англ. *stylus* – заимствование только одного значения в английском языке (то из значений, которое связано с возникновением нового технического явления).

В интернет-обзорах обнаруживается много неологизмов. Так как наука не стоит на месте, и в настоящее время одной из основных сфер развития является электроника, то с появлением новых технических устройств появляются и новые их обозначения:

- смартфон
- тачфон
- планшетник
- планшетофон
- фаблет
- селфифон

Но, не стоит забывать, что интернет-обзор относится к публицистическому стилю и обладает некоторыми характерными особенностями. Читатель-непрофессионал не всегда может понять некоторые обороты речи, что связано с обилием лексики ограниченного употребления: профессионализмов, жаргонизмов, вульгаризмов, просторечий.

Основой же интернет-обзора является общеупотребительная нейтральная лексика.

В зависимости от типа интернет-обзора (официальный и неофициальный), и его вида (предварительный, первое впечатление, мини, детальный и другие) соотношение лексических средств может изменяться.

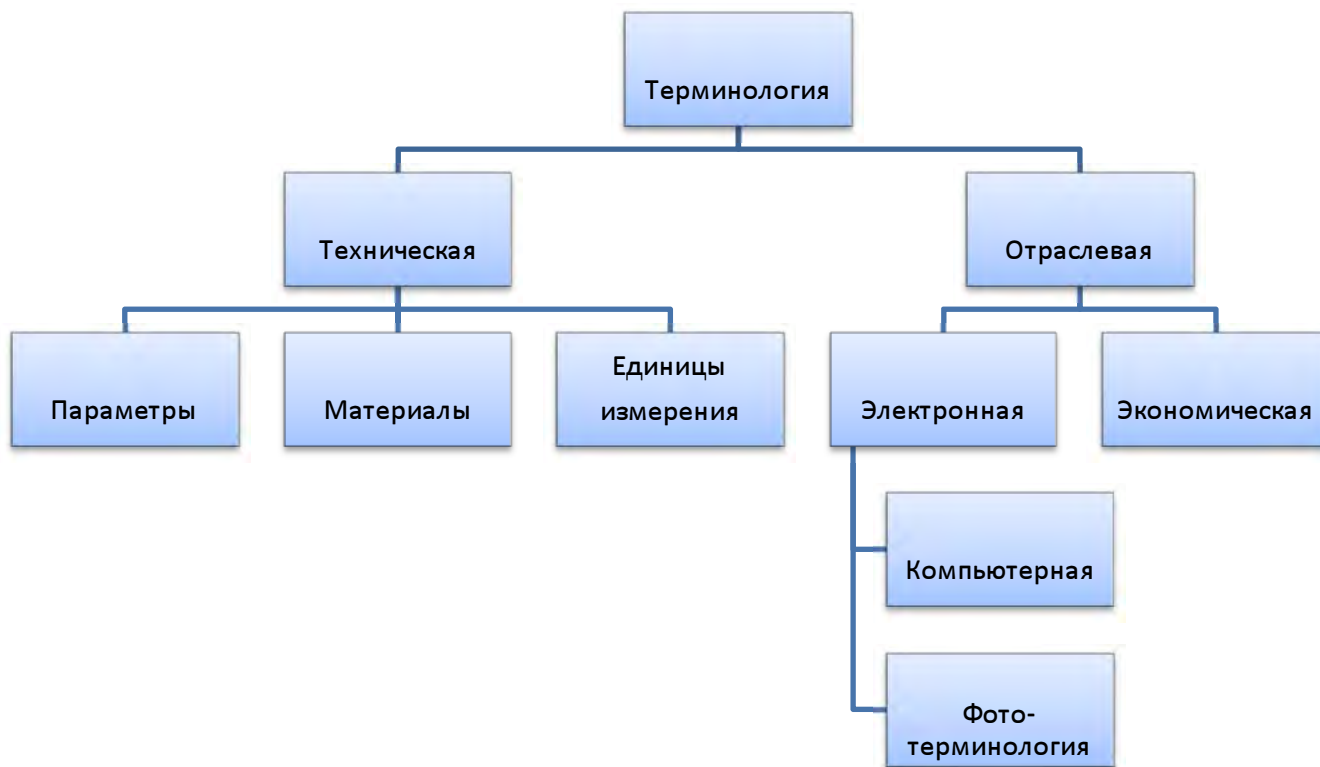
Рассмотрим то явление, без которого невозможно представить себе ни один современный обзор электроники, – термины.

Но для чистоты исследования стоит заметить, что с этим явлением неразрывно связаны профессионализмы, т.к. интернет-обзоры электронной техники всё-таки предназначены для любителей электроники, то есть для людей, кото-

рые с терминологией хоть и знакомы, но знакомство это носит специфический характер. И чаще всего любители используют не терминологию, а профессионализмы, то есть слова, являющиеся смысловыми заменителями терминов.

Вся терминология, встречаемая нами в интернет-обзорах, может быть условно разделена на два вида: техническую и отраслевую.

Наиболее ясно деление терминов можно увидеть на схеме.

Рассмотрим каждый пункт в отдельности.

К технической терминологии принято относить характеристики устройств, непосредственно относящиеся к внешнему виду предмета, а также обозначения единиц измерения.

Параметры включают в себя вес, габариты, длину, высоту, ширину, спектр, тактовую частоту, ёмкость, матрицу и т.д.

Материалы также могут быть довольно разнообразными: стекло (закалённое стекло), пластик, металл ит.д.

К единицам измерения, относящимся к электронике, принято относить: Гц (герц), ГГц (гигагерц), дюйм, мм (миллиметр), грамм, пиксель, Мп (мегапиксель), Гб (гигабайт), мАч (миллиампер в час), Мбит (мегабит), Мбит/с (мегабит в секунду) и т.д.

Отраслевая терминология представляет собой те языковые средства, которые можно условно отнести к какой-либо отрасли промышленности или сфере развития производительности.

Электронная терминология, безусловно, включает в себя гораздо больше подвидов, но нас интересуют только два из них, те, которые относятся к нашему исследованию. Это компьютерная и фототерминология.

Компьютерными терминами являются: *процессор, дисплей, монитор, экран, жидкокристаллический, операционная система, чипсет, адаптер, накопитель, светодиодный, ядро, акселерометр, гироскоп* и др.

К фото-терминологии относятся *байонет, битерейт, баланс белого, брекетинг, видеоискатель, выдержка, диафрагма, зум, кроп-фактор, макросъёмка, экспозиция* и др.

Поскольку современные электронные устройства объединяют в себе несколько функций (телефон, часы, будильник, фотоаппарат, диктофон, компьютер, электронная книга, проигрыватель и многое другое), в рамках одного обзора авторы используют терминологию разных отраслей.

Небольшую по объёму, но частотную по употребительности занимает группа экономических терминов: ассортимент, продажи, предпродажный, рынок, рынок сбыта, российский рынок, конкурент, кастомизация, предзаказ, презентация, сертификация, розничная цена, бета-версия, ценообразование, курс рубля, доллар, евро, поступить в магазины, официальный представитель компании, топ-менеджер, ниша, бренд, флагманский аппарат.

Наличие экономических терминов объясняется тем, что интернет-обзоры электронной техники призваны подспудно рекламировать электронные устройства, разжигать и поддерживать к ним покупательский интерес.

Говоря о стиле интернет обзора, можно отметить, что именно в официальных интернет-обзорах, которые выполняются профессионалами своего дела, терминология встречается чаще всего. Возможно, это связано с тем, что неофициальные обзоры не стремятся соответствовать принятым нормам написания, все чаще включая черты разговорного стиля. Тем самым позволяя использовать профессионализмы и подчеркивая этим доступность рассматриваемого предмета.

Профессионализмы, как уже упоминалось ранее, являются неотъемлемой особенностью языка, так как существует тенденция трансформировать терминологические выражения для лучшего их запоминания и большего удобства в использовании.

Практически все термины могут обладать синонимом-профессионализмом. Рассмотрим несколько примеров.

Так, после возникновения операционной системы Android, которая предназначена для смартфонов, планшетных компьютеров, электронных книг, цифровых проигрывателей и многого другого возникли следующие профессионализмы:

- Андрюша – трансформация калькированного термина Андроид, путем подбора схоже звучащего слова. Данная аналогия была образована путем созвучия первых четырех звуков названия операционной системы Android (Андроид) с первыми четырьмя звуками имени собственного Андрей. Уменьшительно-ласкательное образование Андрюша было образовано по примеру трансформации операционной системы XP (хрюша).
- Зеленый робот – визуализация официального символа марки. При загрузке данной операционной системы мы видим изображение робота зеленого цвета.
- Ведроид – также является визуализацией официального символа марки. Данный профессионализм связан с некоторой схожестью изображенного робота с ведром.
- Ондроед – олицетворение ошибок, связанных с незнанием английского языка. Неточное произношение названия привело к трансформации данного типа (также подобное пренебрежение к названию часто используется, чтобы показать недовольство данной операционной системой).

Операционная система iPhone получила профессиональные разговорные наименования:

- Яблокофон – визуализация официального символа компании Apple (яблоко).
- Яблофон – сокращение вышеупомянутого профессионализма для упрощения его произношения.
- Гейфон – неполное калькирование английского слова «gamephone», т.е. «телефон для игр». Часто несет отрицательную окраску, отображая две негативных характеристики. Это может быть связано с использованием телефона только для развлечений и в качестве статусной вещи, хотя его программное обеспечение позволяет использовать данную модель как мини-компьютер. Также в последнее время считается, что постоянная гонка за новыми моделями iPhone не является показателем хорошего тона среди мужчин.
- Ямобилко – пренебрежительное название данной марки на так называемом «олбанском» языке. «Я» – сокращение от «яблоко», «мобилко» – уничижительная форма, отображающая негативное отношение к предмету.

Операционная система Windows phone 7 получила следующие профессиональные разговорные наименования:

- WP7 – аббревиатура названия, которая употребляется в основном в письменной речи.
- Виндофон – неполное калькирование английского названия путем транслитерации. Сокращение слова «Windows» связано с упрощением произношения.
- Форточка – вольный перевод слова «Windows» («окна»).
- Мастдай – негативное название, которое обычно используют противники операционной системы Windows phone. Возникло вследствие транслитерации английских слов «must die», т.е. «должен умереть».

Часто появление профессионализмов связано с вариативностью в произношении, а следовательно, и в написании, английских терминов. Например, Bluetooth (способ беспроводной передачи данных) может быть из-за незнания норм произношения английских слов или правил заимствования трансформировался в: блютус, блутус, блютуз, блюэтуз и многое другое.

Еще одной причиной возникновения профессионализмов может являться стремление сократить понятие, тем самым облегчив его использование в речи. Данный случай можно проиллюстрировать следующим примером: термин «зеркальный фотоаппарат» не всегда удобен в повседневной речи и при сокращении слов был преобразован в профессионализм «зеркалка».

В целом, можно отметить рост терминологического пласта современной лексики, а значит и увеличение количества профессионализмов. Развитие данного сектора будет постоянным, т.к. неразрывно связано с открытиями в сфере электроники.

Русский язык ежегодно обогащается сотнями терминов и профессионализмов, и это значит, что он развивается, живет и постоянно меняется, тем самым предоставляя нам новый материал для исследований.

Список использованной литературы

Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966.

Валиахметова, Д.Р. // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К.Р.Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 2. – С.7-9.

Виноградова, Т.Ю. Специфика общения в Интернете / Т.Ю.Виноградова // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. - 2004. – №11. - С.63-67.

Иванов, Л.Ю. Язык интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи / Л.Ю.Иванов; под ред. Н.Ю.Шведовой, В.Г. Костомарова. – М.: Индрик, 2001. – С.131-148.

Кронгауз М. Самоучитель Олбанского. – М.: Аст, 2003.

Сергеев, В. Н. Профессионализмы как объект лексикографии // Совр. рус. Лексикография. – Л., 1981.

Crystal, D. Internet Linguistics: A Student Guide. Routledge, London, 2011.

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН ГОРОДСКОГО СВЕРХТЕКСТА

О.С. Шурупова*

Изучение сверхтекстов становится одним из важнейших направлений современной антропоцентрической лингвистики, поскольку позволяет рассматривать факты языка в неразрывной связи с культурой его носителей и может способствовать процессу осознания современным человеком индивидуальности той нации, к которой он принадлежит, и неисчерпаемого богатства ее культуры. В текстах, способных объединиться в целостный сверхтекст, по словам В.Н. Топорова, выделяется «ядро, которое представляет собой некую совокупность вариантов, сводящихся в принципе к единому источнику» [Топоров 1995: 279].

В современной лингвистике наблюдаются различные подходы к изучению сверхтекстов, которые являются важнейшей составляющей любой культуры. Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно главных признаков сверхтекста и не дали окончательного, исчерпывающего определения этого культурно-языкового феномена. Однако существующие в науке определения сверхтекста можно разбить на две основные группы. А.В. Бобраков-Тимошкин, Н.Е. Меднис, В.И. Тюпа утверждают, что развитие сверхтекста в большей степени определяется его внутренней логикой, чем волей авторов. Для посвященных феномену сверхтекста работ Н.В. Данилевской, Н.А. Купиной, Г.В. Битенской, А.Г. Лошакова характерно широкое понимание сущности сверхтекста, при котором к сверхтекстам относятся не системы текстов, характеризующиеся единой модальной установкой, смысловой и языковой цельностью, но и совокупности текстов, созданных одним автором на протяжении его жизни, а также в определенный период творчества или на определенную тему (например, цикл стихотворений). Мы определяем сверхтекст как открытую систему текстов, которые образуют единую мифотектоническую парадигму, характеризуются сходной модальной установкой и в концептосферах каждого из которых проявляется общая сверхтекстовая картина мира. Именно общая для всех единиц данной системы сверхтекстовая картина мира делает это образование самодостаточным.

* Шурупова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

В современной науке существуют различные точки зрения на критерии выделения сверхтекста. Несомненно, важнейшим из них является наличие у каждого сверхтекста своего образно и тематически обозначенного центра, некоего «внетекстового фундамента», имеющего отношение к культуре, составной частью которой становится сверхтекст. Среди других критериев исследователи указывают наличие относительно стабильного круга текстов, наиболее репрезентативных для данного сверхтекста и определяющих законы его формирования и тенденции его развития; семантическую связность; кросс-жанровость, смысловую цельность, общность языковой организации; открытость, подразумевающую одновременно устойчивость и подвижность границ сверхтекста; синхроничность.

Составляющие любого сверхтекста, по мнению Н.Е. Меднис, имеют общую внетекстовую ориентацию, то есть связаны с изображением того или иного явления действительности (например, топонима), которое сопровождается одинаковой или сходной оценкой в пределах сверхтекста. Разумеется, в центре сверхтекстов могут находиться те топонимы, которые сыграли определяющую роль в истории страны и с которыми в народном сознании связан тот или иной устойчивый миф, сохраняющийся на протяжении долгого времени и способный утратиться лишь в случае коренных изменений в жизни народа и в его восприятии данного топонима.

Многие вопросы, касающиеся изучения сверхтекстов, до сих пор не получили разрешения, и в современной науке наблюдается большое число различных точек зрения на проблемы, связанные с их характеристикой и классификацией. Тем не менее, большинство исследователей признает важность изучения сверхтекстов, которые, являясь немаловажной частью национальной культуры, оказывают серьезное влияние на ее развитие и анализ которых необходим для ее постижения. Особого внимания заслуживают локальный сверхтекст, связанный с изображением того или иного места, сыгравшего определенную роль в истории данного народа, и его разновидность – городской сверхтекст, в центре которого находится образ значимого для народа города. Города, возникающие в эпоху становления государственности, изначально противостояли селу и деревне, что, по мнению исследователей, «сформировало особую мифопоэтику города, до сих пор оказывающую влияние на восприятие даже самых современных из них» [Меднис www.rassvet.websib.ru].

По мнению Н.П. Анциферова, город представляет собой «конкретный культурно-исторический организм», обладающий своей душой, которую можно «освободить из материальной оболочки города» [Анциферов 1991: 30]. В любом городе существуют доминантные точки, помогающие раскрыть его

внутреннюю сущность, перейти от сугубо эмпирического образа города к его художественному восприятию и воплощению. Город обладает неким метафизическим значением, степенью выраженности которого определяется способность или неспособность городов порождать связанные с ними сверхтексты. К числу подобных текстовых систем относятся Петербургский, Московский, Провинциальный тексты русской литературы.

Разумеется, каждый городской сверхтекст всегда уникален и глубоко индивидуален, но в то же время можно говорить о нескольких основных типах города, выделяемых авторами работ о городских сверхтекстах. Так, Ю.М. Лотман выделяет города концентрического и эксцентрического типов [Лотман 1992]. В.Н. Топоров, исходя из мифопоэтических и аксиологических предположений, выделяет тексты «города-девы» и «города-блудницы». В основу типологии городов легла, кроме того, оппозиция мужского и женского начал. По замечанию Н.Е. Меднис, «в древности город соотносился с женским началом и потому применительно к ранним векам культуры различение в связи с городом доминирования мужских либо женских тенденций является некорректным. Но с развитием цивилизации ситуация изменилась» [Меднис www.rassvet.websib.ru].

М.Г. Воднева, рассматривая концептуализацию понятия «город» в русской стандартной языковой картине мира, выделяет коды «город-гора; город-пещера; город-рай; город-ад; город-призрак; город-лабиринт; город-ловушка; город-пустыня; город-пустота», которые чаще всего встречаются в русской литературе, а также «город – дом; город – любовь; город – Родина; город – прошлое (детство, юность); город – часть самого человека; город – почва; город – пространство, имеющее постоянные атрибуты (транспорт, асфальт); город – море; город – одиночество; город – противопоставленное даче пространство; город – склад; ; город – джунгли; город – бренд; город – карьера; город – власть; город – смерть; город – механизм; город – улей; город – праздник / мечта», связанные с концептуализацией понятия «город» в индивидуально-авторских картинах мира Ю.В. Трифонова, В.С. Маканина, Е. Гришковца, А. Кабакова, Ю. Полякова [Воднева 2011]. Разумеется, в процессе анализа того или иного городского текста необходимо учитывать данные типологии городов, поскольку основные особенности каждого сверхтекста связаны с внетекстовым объектом, образ которого находится в центре сверхтекста.

Чаще всего городские сверхтексты формируются вокруг образа столичного города. Так, первостепенное значение для русской культуры имеют петербургский и московский тексты отечественной литературы. В настоящее время появилось много работ, посвященных лондонскому, римскому, венецианскому,

флорентийскому текстам отечественной литературы. Что касается провинциальных сверхтекстов, то, по мнению Н.Е. Меднис, весьма немногие провинциальные города России образуют свои литературные сверхтексты: «Чаще мы видим в литературе некие очевидные осколочные текстовые образования, позволяющие говорить об образе того или иного города в творчестве какого-либо писателя или ряда писателей, как о Вятке в произведениях Салтыкова-Щедрина, о Тамбове или Саратове в русской литературе XIX века» [Меднис www.medialib.pspru.ru]. Тем не менее, в отечественной культуре, бесспорно, существует ряд связанных с провинцией локальных сверхтекстов, исследование которых необходимо для ее лучшего постижения. Так, значимую роль в развитии отечественной культуры до сих пор играет сибирский текст русской литературы, в который вошли произведения А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского и который продолжает свое развитие в наши дни. По мнению современных исследователей городских сверхтекстов, в связи с недостатком работ, где подвергались бы анализу провинциальные сверхтексты отечественной литературы, огромный пласт русской литературы в настоящее время оказывается неисследованным вовсе, или, по крайней мере, под очерченным выше углом зрения. Кроме того, оказываются непроясненными те внутренние тенденции русской культуры, которые связаны с положением России в мировом географическом и культурном пространстве и рельефно отражены именно в городских текстах.

Как подчеркивает А.Г. Лошаков, предварительным условием моделирования сверхтекста является «профилированное чтение ряда текстов, что некоторым образом очерчивает контуры потенциального сверхтекста, открывает горизонт его целостности» [Лошаков 2008: 19]. Так, для определения основных составляющих того или иного городского сверхтекста важным будет появление в тексте ряда упоминаний о значимом для сверхтекста топониме. Как правило, действие во всех составляющих городского сверхтекста должно происходить в данном городе (в число единиц сверхтекста могут быть с полным правом включены и лирические произведения, в которых создается образ этого города). Тем не менее, тематическая привязка круга текстов к тому или иному внетекстовому субстрату еще не означает их обязательную принадлежность к сверхтексту: все составляющие сверхтекста, связанные с тем или иным внетекстовым субстратом, должны обнаруживать общность его восприятия.

Для исследования того или иного городского сверхтекста необходим анализ образа того города, вокруг которого объединяются составляющие сверхтекста, созданные различными авторами в разное время. Итогом подобного анализа должно стать выявление мифологического кода или кодов данного города, лежащих в основе сверхтекста, что позволит описать основные особенности его

мифотектоники. Именно мифологические коды городов, которым посвящены те или иные сверхтексты, становятся тем фундаментом, на котором строится сверхтекстовая картина мира, объединяющая отдельные признаки стандартной языковой картины мира, а также индивидуально-авторских картин мира, связанных с каждой составляющей сверхтекста. Так, сверхтекстовая картина мира, присущая петербургскому тексту русской литературы, в которой большинство концептов, сопровождающихся в стандартной языковой картине мира положительной оценкой, реализует негативные признаки, связана прежде всего с изображением столицы эксцентрического типа, города-блудницы, города-лабиринта, города-театра.

В процессе исследования городского сверхтекста может быть полезна методика анализа культурных значений и смыслов, с помощью которой возможно доказать, что тот или иной текст входит в данный сверхтекст, а также подвергнуть анализу формирование микросмыслов на основе культурно-специфичных значений, их комбинирование, в результате которого образуются культурные смыслы текстов, а также формирование макросмысла всего сверхтекста. В пределах того или иного локального сверхтекста будут формироваться сходные культурные значения и смыслы, идентифицировать которые помогут упоминания о реалиях городского пространства.

Таким образом, городские сверхтексты составляют большую часть локальных сверхтекстов, и их исследование необходимо не столько для постижения того, какой интерпретации в рамках данной культуры подвергается тот или иной город, сколько для понимания закономерностей самой культуры.

Список использованной литературы

Анциферов, Н.П. «Непостижимый город...»: Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / Сост. М.Б. Вербловская. – СПб.: Лениздат, 1991. – 335 с.

Воднева, М.Г. Национальная и индивидуально-авторская концептуализация понятия «город» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Краснодар, 2011. – 22 с.

Лотман, Ю.М. Символика Петербурга и проблема семиотики города // Избранные статьи в трех томах. Т. II. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 9-22.

Лошаков, А.Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология: автореф. дис. ...докт. филол. наук. – Киров, 2008. – 48 с.

Меднис, Н.Е. Городские тексты: Московский текст [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rassvet.websib.ru> (дата обращения: 02.08.2010).

Меднис, Н.Е. Сверхтексты в русской литературе [Электронный ресурс] // URL: <http://www.medialib.psu.ru> (дата обращения: 30.01.2012).

Топоров, В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // В.Н. Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Издат. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.

Трушина, Л.Е. Городская среда как феномен культуры // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. Материалы научной конференции. 26-27 сентября 2000 г. Тезисы докладов и выступлений. – СПб, Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 155-157.

РИТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ ПОНИМАНИЮ ДРУГОГО

С.В. Бочкарёва*

*Не я словарь по слову составлял,
а он меня творил из красной глины.*

Арсений Тарковский

Риторизация учебных занятий предполагает такой способ организации учебно-образовательной деятельности, который основывается на активном использовании закономерностей риторики, риторических способов, приёмов и инструментария при созидании и воплощении речевого пространства занятия. Риторизация как специфический технологический подход активно развивается в последние 15-20 лет. Как известно, одной из моделей риторизации учебного предмета считают насыщение учебного и внеучебного занятия различными жанровыми формами (риторическими текстами различных жанров). Иными словами, организация культуросообразного *диалогового жанрового общения* при освоении той или иной учебной дисциплины (в том числе и в ходе сотворения и развёртывания речевого пространства отдельного учебного занятия).

Говоря о специфике и структуре риторического текста, необходимо рассмотреть данное понятие. Ю.М. Лотман, например, определяет риторический текст как текст, который «может быть представлен в виде структурного единства двух (или нескольких) подтекстов, зашифрованных с помощью разных, взаимно непередаваемых кодов» [Лотман 2000: 203]. Ключевым в этом тезисе, вероятно, можно считать «структурное единство», которое, на наш взгляд, содержит в себе и возможность взаимопонимания подтекстами друг друга, и расшифровку «непередаваемых кодов» посредством достижения этого взаимопонимания.

Перейдём к потенциальной возможности понять Другого через построение риторического текста. Данная возможность проявляется в процессе эмпатического познания. Эмпатическое познание — познание посредством эмпатии [Шалютин 2005], основано непосредственно на субъект-субъектном взаимодействии. Эмпатическое познание – это исходный познавательный механизм, который позволяет зафиксировать Другого в качестве субъекта. В.А. Петровский,

* **Бочкарёва Светлана Владимировна** – кандидат философских наук, учитель английского языка МБОУ «Гимназия № 19» г. Кургана.

размышляя о проблеме субъект-субъектных отношений, подчёркивает: «Один индивид в своих психических состояниях и процессах, в проявлениях собственной субъектности воспроизводит причинно-следственные переходы и превращения, продуцируемые другим индивидом: ...теперь эти определяющие субъектность другого человека переходы и превращения перенесены на новую почву – на «территорию Я» первого индивида, в его жизненный мир, и образуют то, что мы уже обозначили как «инобытие» одного индивида в другом» [Петровский 1996:187].

«Переход» риторического текста на ступеньку эмпатического понимания Другого расширяет возможности влияния данного вида текста на сознание обучающегося. Слова В.Г. Короленко, приведённые в статье филолога С.А. Минеевой «расшифровывают», на наш взгляд, *суть риторико-эмпатической составляющей, которая может быть определена как основа коммуникации*: «... автор должен постоянно чувствовать других и оглядываться... на то, может ли его мысль, чувство, образ встать перед читателем и сделаться его мыслью, его образом и его чувством. И выработать своё слово так, чтобы оно могло делать эту работу» [Минеева 2001: 80]. Диалогичность риторического текста как основы для формирования обобщённого субъектного репрезентанта позволяет обучающимся выйти на данный уровень понимания.

В чём специфика риторического текста в отличие от текстов других разновидностей? На наш взгляд, это *ситуативность, влияние, диалогичность, адресность*. Риторический текст есть познание личностного «Я» через приобщение к познаваемому «ТЫ», что и подразумевает диалогичность данного процесса. Риторический текст – это продукт риторической деятельности автора, с помощью которой он предполагает оказать планируемое влияние на аудиторию (и на себя самого, в том числе). С.А. Минеева, рассуждая о риторике диалога, отмечает: «При создании риторического текста автор не просто представляет себе портрет «потенциальной аудитории» (чучело оппонента), но и определяет своего потенциального соавтора – «адресата», того, кто захочет разделить с ним мысль (тезис) или «оспорить» её...» [Минеева 2001: 77]. Более того, исследователь, наряду с другими составляющими риторического текста, выделяет компонент, который, по сути, определяет возможность соприкосновения с миром «Другого», это *эмпатичность*. Аудитория воспринимает риторический текст автора и входит в его личный мир, и сопереживает его мыслям и чувствам, то есть начинает строить мир по его образцу, (что и является основной составляющей эмпатического познания).

Можно попытаться выстроить некую возможную модель данного процесса, основанную на достижении в процессе взаимодействия состояний «со-

пространственности» и «со-вре́менности» на психологическом уровне. Вероятно, достижение эмпатического единства двух субъектов может происходить следующим образом: создание неких категорий со-вре́менности и со-пространственности в процессе взаимодействия. Со-вре́менность — есть соответствие моменту существования Другого, а значит, создание такого временного репрезентанта Другого, который отражает его существование «сейчас». И создание категории «здесь» — конкретного со-пространственного мыслечувственного «кокона» Другого; построение модели функционирования в рамках данного пространства, «вживание» в роль его существования на основе «со-вре́менной» остановки на одной из конкретных ступеней развития, (важных для познания «здесь и сейчас»); понимание как «продвижение» по системе образных ценностей предмета, дабы постичь его смысл на основе интерпретации, и временное становление данным «Ты» (за счёт интуитивного «дорисовывания» недостающих в данный момент ступеней развития по законам той системы, которая «открывается перед познающим «Я») на уровне трансцендирующего мышления (и с помощью системы множественных «Я»). И это не есть только соприсутствие, но формирование некоей общей системы сознаний на основе данной модели со-переживания и «со-проживания» чувств и смыслов Другого в процессе субъект-субъектного взаимодействия.

Суть данной модели хочется выразить в стихотворных строчках:

И в со-пространственность внедряясь,
и со-мотивом отражаясь,
создать ЕГО понятий связь,
со-вре́менность прожить пытаюсь...
Со-интуицией скользя,
предугадать витийство логик.
И став на время тем «не-Я»,
предсказывать «не-Я» итоги.
И по ступенькам этих вех
мы вчувствуемся в ИНО-смыслы,
и понимаем — человек
Другой — портрет для меры истин...
И пониманием дозрев,
находим новые решенья.
Уходит праведности гнев,
поняв ТЕ ценностные тренья,
систему ТУ внутри как часть...
И затаившись «ЗДЕСЬ» на время,

мы чувствуем её «СЕЙЧАС»,
чтоб разгадать дилемм «ЗДЕСЬ» бремя...
Призвав на помощь множеств «Я»,
в «не-Я» тропинки пролагая,
откроем Другость бытия,
поднявшись «ИЗ» до «Понимаю!»

[Бочкарёва 2011: 63].

Думается, что через создание риторических рекстов учащиеся смогут сформировать некую модель понимания Другого, позволяющую осознать новые возможности диалога с окружающими их людьми, позволяющую избежать ксенофобии, чтобы понять другого человека вне зависимости от национальных, религиозных и иных отличий, что становится первостепенной задачей в сегодняшнем мире. Одним из «столпов» образования, предложенных специалистами ЮНЕСКО, является умение «научить жить вместе, научить жить с иными». И умение вести диалог, выстроенный на основе механизма эмпатического познания, необходимо сформировать уже в школе посредством обучения школьников построению риторических текстов различных жанров, в том числе, предполагающих «предэмпатию» (если можно так выразиться). Создавая влиятельный текст, автор предполагает возможный отклик и ответ в конкретной ситуации общения, и получает его, взаимодействуя с аудиторией, которая, в свою очередь, познаёт новое в процессе коммуникации на основе сопереживания автору риторического текста, открывая новые понятия на этой основе.

Таким образом, выстраивание коммуникации на основе субъект-субъектных отношений предполагает освоение уровня эмпатического познания, позволяющего «поселить» в своём сознании мысли и чувства Другого, вовлекая их в познание собственного «Я» и, в то же время, позволяя им действовать свободно, вырабатывая систему новых понятий на основе взаимодействия. А возможности риторического текста позволяют ему стать одной из составляющих механизма эмпатического познания, то есть, модель понимания Другого.

Автор статьи в течение ряда лет работал над проблемой риторизации уроков английского языка, что позволяет ему сделать вывод о целесообразности жанровой формы организации урока английского языка как на этапах освоения, активизации, систематизации нового материала, так и на этапе диагностирования знаний обучающихся. В авторском учебно-методическом пособии предложены различные жанры и даны рекомендации по использованию их на занятиях: доклад, дискуссия, словесная «дуэль», интервью, инструкция, лимерик, мини-лекция, письмо, предоставление слова, слово о..., самопрезентация, прогулки по..., рапорт, реклама, резюме, реплика, рефлексия, рецензия, сказка,

сообщение, судебная речь, рассказ-воспоминание, рассказы в различных литературных жанрах, эссе, речь от имени маски и другие жанры [Бочкарёва, 2015]. Кроме чисто учебных задач, риторические тексты, созданные в различных жанрах, помогают школьникам лучше понимать окружающий мир, помогают открывать в себе новые мысли и чувства, которые также способствуют и раскрытию возможностей своего внутреннего мира (что было отмечено во многочисленных рефлексиях обучающихся).

Итак, риторика идёт от мысли к убедительному слову, обращённому к Другому. В риторике есть и рациональное, и иррациональное. Путь риторики – рациональное убеждение Другого, но, убеждая, она опирается на ум, волю, чувства субъекта речи и слушателей (таких же субъектов). Слова Сократа: «Риторика – это то, что преобразует душу», – актуальны и сегодня. Понимание Другого проходит через субъект-субъектные отношения (основу эмпатического познания) и этот процесс отражается в создании риторического текста. «В том же отношении «содержание», принадлежащее «не-Я» (т.е. отображающее свойства, особенности других людей, внешних предметов, процессов), может переходить в модальность «Я», превращаться из «другого» в «свое», «усваиваться» данным «Я» в актах эмпатии, «очеловечения» явлений природы, в игре, интериоризации опыта другого человека, в процессе освоения новой социальной роли и т.п.» [Дубровский, 2002: 89].

Список использованной литературы

- Бочкарёва, С.В. Размышления об эмпатическом познании: монография / С.В. Бочкарёва: под ред. докт. филос. наук. Б.С. Шалютин. – Челябинск: Цицеро, 2011.
- Бочкарёва, С.В. Уроки английского языка сквозь призму курсов «Риторика» и «Культура общения» / С.В. Бочкарёва. – М.: Издательство «Перо», 2015.
- Дубровский, Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон, 2002.
- Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2000.
- Минеева, С.А. Риторический текст как диалог //Риторический текст как инструмент диагностики предметных знаний и личностного развития учащихся. По материалам проблемно-целевого семинара 21-22 марта 2000 года / Автор разработчик семинара С.А. Минеева, при участии Л.В. Горбач – Пермь: ЗУУНЦ, 2001. – С. 74-82.
- Петровский, В. А. Личность в психологии. – Ростов н/Д., 1996.
- Шалютин, Б. С. О сущности и формах эмпатического познания / Б. С. Шалютин // Вестник Курганского университета. Серия «Гуманитарные науки». — Вып. 1. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – С. 26-30.

СОДЕРЖАНИЕ

Текст как объект филологии

Авдони́на Л.Н. (г. <i>Пермь</i>) Стихия воды и камня в петербургском тексте А. Блока	3
Выхры́стюк М.С. (г. <i>Тобольск</i>) К проблеме специфики нормативности текстов деловой письменности XVIII века	6
Демидова Е.В. (г. <i>Барнаул</i>) Переводы рассказов В.М. Шукшина на английский язык как трансляторы национальной и региональной лингвокультуры	10
Кували́на С.С. (г. <i>Курган</i>) Лингвостилистический анализ стихотворения В. Набокова «Россия»	14
Ланская О.В. (г. <i>Липецк</i>) Пространство дома в 1812 году: совет в Филях (на материале романа Л.Н. Толстого «Война и мир»)	15
Матвеева Е.О. (г. <i>Химки</i>) Рекламный текст: лингвостилистические характеристики и социокультурные аспекты	19
Ротанова Н.М. (г. <i>Курган</i>) Вербализация эмотивного оценочного концепта «Страх» в романе Даниила Гранина «Мой лейтенант»	24
Ротанова Н.М., Дудкина И.С. (г. <i>Курган</i>) Вербализация когнитивной метафоры в поэзии Максимилиана Волошина	31
Сысуева Р.П. (г. <i>Курган</i>) Статейные списки второй половины XIX века российских ссыльных в Курганский уезд как лингвистический источник	37
Хорошилова А.И. (г. <i>Волгоград</i>) Прием комментирования и его функции в текстах современной русской литературной критики)	43
Черницына С.А. (г. <i>Курган</i>) Повтор как текстообразующий элемент рассказов Василия Юровских	49
Шитакова Н.И. (г. <i>Орёл</i>) Особенности хронотопа в романах В. Набокова «Машенька» и Г. Газданова «Вечер у Клэр»	54
Щурова И.В. (г. <i>Курган</i>) Стилеобразующие тропы в прозе Сергея Довлатова (на материале повести «Иностранка»)	59

Язык как объект филологии

Бернат О.С. (г. <i>Челябинск</i>) Символическое значение слова	66
Иванова Е.Е. (г. <i>Курган</i>) Лексические средства выражения ласковых обращений к женщине и мужчине в русском языке	71
Иванова Е.Е. (г. <i>Курган</i>) Отсутствие гендерной асимметрии в ласковых обращениях к женщине и мужчине	81
Карнаух Н.Л. (г. <i>Москва</i>) Конкурирующие варианты в деловом тексте ..	85
Кудрявцева И.П. (г. <i>Одинцово</i>) Синонимико-антонимические отношения фразеологических единиц со значением времени как показатель системности современного английского языка	89
Черницына С.А. (г. <i>Курган</i>) Оказиональная лексика и фразеология как средство языковой игры в «Сказках о тройке» братьев Стругацких	93
Шушарина И.А. (г. <i>Курган</i>) Полонизмы в русском языке	102

Ното loquens как объект филологии

Авдони́на Л.Н. (<i>г. Пермь</i>) Основные этические составляющие речевого общения	111
Бабура Н.В. (<i>г. Тюмень</i>) Диалектологический кружок как средство языкового развития школьников	114
Белоусова О.А., Шушарина И.А. (<i>г. Курган</i>) Лексические средства воздействия рекламного текста (на примере рекламы женской косметики) ...	119
Ротанова Н.М., Матюшкина А.В. (<i>г. Курган</i>) Особенности одорической лексики в маркетинговых текстах (на материале парфюмерии)	127
Бушев А.Б. (<i>г. Тверь</i>) Украинский кризис 2014 года в освещении мировых медиа	135
Выхрыстюк М.С., Шишкина А.С. (<i>г. Тобольск</i>) Отражение национальной культуры сибиряков в пословицах и поговорках русского народа ...	139
Ганова С.В. (<i>г. Бийск Алтайского края</i>) Образ Бийска в городской прессе	143
Киселёва Е.В. (<i>г. Москва</i>) Проблемы языковой адаптации модуля «Основы законодательства РФ» комплексного интеграционного экзамена для мигрантов в России	151
Ланская И.А. (<i>г. Нижний Новгород</i>) Роль коммуникативной ситуации в речевом общении	159
Тюленёва В.Н. (<i>г. Курган</i>) Термины и профессионализмы в русскоязычных интернет-обзорах электронной техники	162
Шурупова О.С. (<i>г. Липецк</i>) Культурно-языковой феномен городского свёрхтекста	168
Бочкарёва С.В. (<i>г. Курган</i>) Риторический текст как модель обучения пониманию Другого	173
Содержание	178

Научное издание

Филологические знания на современном этапе

Сборник статей

Выпуск 4

В авторской редакции

.....
Подписано к печати 6.05.15

Формат 60*84 1/16

Бумага 65 г/м²

Печать цифровая

Усл.п.л. 11,25

Уч.-изд.л. 11,25

Заказ № 126

Тираж 100

.....
Редакционно-издательский центр КГУ.

640000, г. Курган, ул. Советская, 63/4.

Курганский государственный университет.